

ДЕНГА КАТНЕГ

ИСТОЧНИК
МИРОВ

ОСЬ
ВРЕМЕН

Генри Каттнер

Ось времен

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158926

Источник миров. Ось времен: Республиканское объединение «Джерело»;

Киев; 1991

ISBN 5-85025-0778

Аннотация

Известный писатель фантаст повествует о загадочных планетах, о людях, населяющих их, а также – невероятных приключениях действующих лиц романов.

Содержание

1. Встреча в Рио	8
2. Пятно и камень	17
3. Видение времени	26
4. В горах Св.Лаврентия	34
5. Носители смерти	41
6. Мозг военного человека	50
7. Из-под контроля	56
8. Фантастическое путешествие	63
9. Странное пробуждение	68
10. Музей	75
11. Тридцатисекундная интерлюдия	83
12. Лебединый Сад	90
13. Проблема Лорда Пайтнера	100
14. Рожденный на Веге	109
15. Рассыпающаяся плоть	119
16. Подземляне	128
17. Мир Белема	136
18. Космическое крушение	144
19. Мрамор	151
20. Последняя защита	160
21. Инфекция распространяется	167
22. Воссоединение	176
23. Лицо	185

24. Борьба с некроном	192
25. Обратное путешествие	199

Генри Каттнер

Ось времен

ОСЬ ВРЕМЕН

1. Встреча в Рио

Все это никогда не происходило, и теперь я могу это доказать. Но Ира Де Калб заставил меня ждать биллион лет, прежде чем я смог написать эту историю.

Итак, я начал с парадокса. Но главный парадокс заключается в том, что в этой истории нет ни одного парадокса. Вес в ней происходит по законам логики. Не логики человека, конечно. Не логики этого времени и пространства.

Я не знаю, совершат ли люди снова когда-нибудь такое путешествие, какое совершали мы, путешествие в это скрещение различных измерений, где вечно плавают миры, плавают вечно и никогда, плавают в пространстве и вне его, плавают по оси, протянувшейся через время от самого начала до самого конца. От самого начала, от первых туманностей, где начала конденсироваться материя, до самого конца, до абсолютной энтропии, когда вся структура космоса рухнет и превратится в хаос, тянется эта ось. От рассвета до заката. От начала до конца. И как наш материальный мир нанизан на ось пространства, тянущуюся через всю Вселенную, так сфера времени нанизана на свою ось, ось времени.

Я этого никогда не мог понять до конца. Это выше моего понимания. Потребовались объединенные знания трех великих цивилизаций, разделенных во времени, чтобы создать такую концепцию, в которую даже сама Вселенная вхо-

дит лишь как незначительный параметр.

И даже этого оказалось недостаточно. Понадобилось лицо Эа – которое я никогда не смогу описать более или менее удовлетворительно.

Хотя я видел это лицо. Я видел его, сияющее в пурпурных сумерках заката, говорящее со мной шумом ветра, вечно несущегося над мертвой пустынной Землей в те времена, которые еще наступят. Я думаю, что Лицо вечно будет находиться там, на пустой поверхности мертвой планеты, и смотреть, как бесконечные дни сменяют ночи, долгие, как годы. Останутся звезды, и останется земля – могильный памятник людям, и Лицо останется, останется навсегда. Я был там. Я видел его. Был ли? Буду? Могу быть? Я уже не знаю.

Но из всех историй, рассказанных на Земле, эта больше всего заслуживает, чтобы ее рассказали.

Вес началось с того, что я был вовлечен в эксперимент. Теперь, когда я понимаю, что настоящее, прошлое и будущее – всего лишь каменные плиты тротуара, порядок которых может быть нарушен, я знаю, что первый шаг был сделан два месяца назад.

Это было в этом времени и в этом пространстве. Вернее, во времени и пространстве, которые существовали два месяца назад...

Что такое жизнь?

Для меня это Большая Гонка. Начинается она при твоём рождении. Ты вскакиваешь на тобогган, мчишься с горы,

а в конце падаешь. Но ты можешь сделать только один заезд. Бесполезно требовать еще одну попытку. Тебя просто оттолкнут, так как много людей ждет своей очереди. Тебе дается всего лишь лет сорок-пятьдесят. И это все.

Я еду на тобоггане уже тридцать пять лет. Джереми Кортленд. Джереми Кортленд из «Деневер Порт, Фриско Пьюз, Бюллетень ЭйЭм, ЭйПи, Тайм, Кольер» – иногда штатный сотрудник, иногда на подхвате. Я наклонялся с тобоггана, пытаюсь сорвать плоды с пролетающих мимо плодовых деревьев. Иногда довольно своеобразные плоды. Я много ездил по миру.

Видимо, в сидении моего тобоггана была заноза. Я ерзал, я не мог сидеть спокойно. Я все время пытался схватить пролетающее мимо меня. Целые годы в разных газетах под сообщениями можно было увидеть черную строчку: «Передано по телеграфу Джереми Кортлендом».

Россия, Китай, батискаф Пикара, войны, сверхзвуковые и межпланетные корабли, Большой Глаз Паломара и забастовки шахтеров, и грязный фермер в Северной Дакоте, который вдруг ни с того ни с сего обрел способности совершать чудеса. Правда, из его многочисленных пациентов никто не излечился, что несколько подорвало доверие к нему.

Большая Гонка. И я хватал по пути все, что мог. Одна женитьба, развод, множество мелких связей. Долгие поиски работы и денег. В общем, жизнь не сахар. Да и чего я мог ожидать? Рая?

Глаза мои уже перестали быть такими ясными, как раньше. Кожа на лице стала одутловатой. Одного подбородка мне уже не хватало. Но гонка продолжалась, и заноза в сидении еще оставалась. Скрываясь от алиментов, я махнул в Бразилию. Участвовал в подводных исследованиях бассейна Амазонки. Описал свои впечатления и продал рукопись в Эй Пи. И в тот же день я прочел в газете, что созданы искусственные 105 и 107 элементы таблицы Менделеева.

Астатин и Франций – недостающие звенья в периодической таблице. Когда-то, два биллиона лет назад, их было полно. А затем они распались на другие элементы. Но Сибор и Гиорде создали их с помощью большого циклотрона. А рядом с этой заметкой я увидел большой заголовок: «Найдена вторая жертва, погибшая от ожогов».

Но тогда я не задумался об этом.

Такие смерти от загадочных ожогов уже происходили в США, но теперь они, кажется, распространились и на Южную Америку.

В этой же газете была еще одна заметка, касающаяся меня. Но тогда я еще не знал об этом: – Ира Де Калб начал работу над чем-то в высшей степени секретным. Таким секретным, что об этом мог узнать в Рио каждый. У кого были деньги, чтобы купить газету.

У меня же здесь была своя проблема. И довольно странная.

Все началось за шесть недель до того, как это случилось.

Вы подумаете, что это парадокс, но если вы поймете, что я хочу сказать этим, то вам не покажется это парадоксом.

Я шел по тенистой аллее, ведущей к улице Овидор. Что я делал здесь летним утром в три часа, я не могу сказать. Я много выпил в эту ночь, играл в шмен-де-фер. В кармане пиджака у меня топорщилась солидная пачка банкнот, а в кармане плаща – другая.

Я шел, опустив голову, и видел, как в лунном свете сверкают носки моих ботинок. Небо тоже сверкало – звездами. Со всех сторон светились сверкающие огни фонарей. Весь мир сверкал вокруг меня.

Я стал богат и намеревался теперь покончить со всем, купить маленький домик в Петрополисе и, наконец-то, засесть за академический обзор современной жизни, который я давно собирался написать. Я думал об этом, хотя и был пьян. По ведь я протрезвею, а решимость моя останется.

Я редко принимал серьезные и ответственные решения, но это было крайне серьезным, и я знал это. Вот здесь, на освещенной луной аллее, происходит поворот в жизненном пути Джереми Кортленда.

Что произошло затем, я так никогда и не узнал. К счастью для меня, я был слишком пьян и не мог этого ни понять, ни отчетливо разглядеть.

Это появилось из черной тени и с распростертыми руками двинулось ко мне. В этом я уверен. Две руки коснулись меня, они и не хотели этого. Они прошли мимо моих ушей, и я

услышал какой-то звук наподобие шипения. В моем мозгу что-то лениво зашевелилось, как будто откуда-то из глубины выплыли две забытые мысли. Давно забытые.

Я коснулся его.

Лучше бы я этого не делал. Но я думал о моих деньгах. Рука моя приблизилась к чему-то, чему я до сих пор не знаю. Я могу только сказать, что оно было гладкое и что оно обожгло мне кожу. Теперь я думаю, что обожгло меня трением. То, к чему я прикоснулся, вращалось с огромной скоростью, хотя зрением обнаружить вращение было невозможно. Трение сожгло кожу на тех частях ладони, которые прикоснулись к нему.

Я знаю, что когда касаешься чего-то, раскаленного добела, то оно в первый момент кажется холодным. Я и сейчас не знал, что обжегся. Я крепче прижал ладонь к... не знаю к чему. Но оно быстро удалилось от меня, а я остался на месте, тряся ладонью, которую жгло, и смотрел на что-то, как это что-то, черное, удаляется от меня с пугающей скоростью.

Я был слишком ошарашен, чтобы закричать. А к тому времени, как я пришел в себя, я стал сомневаться, было ли что-нибудь на самом деле.

Через десять минут я обнаружил, что деньги мои исчезли. Значит, это не стало поворотным пунктом в моей жизни. Но если бы этого не произошло, я бы никогда не встретился с Ира Де Калбом. Так что, может быть, это и был поворотный пункт.

Иногда мозг наш бывает ужасно медлительным, так же как и чувства. Рука не знала, что она обожжена, и мозг не мог осознать то, что возникло передо мною. Он вообще не мог воспринимать то, чего не может быть.

Я вернулся в свой отель и лег в постель. Я встретил вора, уверял я себя. Сам виноват – не шляйся по ночам по городу, набитый деньгами. Вор забрал деньги – вот и все. Он... или что-то другое, на краткий миг лишь коснулось меня. Все это было невероятно. Но раз это случилось, значит, это возможно. И мозг должен примириться с этим. С такой мыслью я уснул.

И проснулся рано утром от очень странного ощущения, какого я не испытывал никогда в жизни. Даже встреча не улице Овирон не могла затмить его.

Ощущение возникло во мне в области солнечного сплетения – беззвучный взрыв энергии. Как будто солнце внезапно родилось во мне. Я не могу подобрать слов, чтобы описать свои ощущения.

Но я чувствовал, что от этого таинственного источника расходились по моему телу круги жизненной энергии, силы. Время перестало существовать для меня. Я лежал и буквально купался в энергии, новая кровь бурлила в моих жилах. В тот момент я понимал, что со мной происходит. И затем кто-то внезапно отключил источник энергии.

Я резко вскочил, в конец опустошенный, лишившийся чудесной энергии. Но мной овладел ужас от понимания то-

го, почему это произошло, что было причиной отключения энергии.

Голова моя кружилась от резкого движения. Серый цвет начала дня окрасил небо и осветил комнату. Я сидел, сжимая голову руками и понимая, – где-то погиб человек.

Я хотел снова лечь и уснуть. Но я кое-как оделся, а затем, преодолевая боль в голове, собрав нервы в кулак, вышел на улицу и нашел зевающего таксиста.

Видите, я даже знал, где должен находиться труп. Я не мог заранее знать, куда нужно ехать, но я поехал именно туда, куда надо. И я нашел его. Он лежал недалеко от фонтана, на небольшой площади возле того места, где я встретился с... вором. Ночь была темная, спокойная.

Это был индеец. Возможно, бродяга. Я стоял на пустынной площади, смотрел на него, слыша, как по городу уже начали ездить машины, и, понимая, что если меня застанут здесь, это будет слишком подозрительно. Я еще никогда не видел людей, умерших от ожогов, но я знал, что этот человек погиб именно от ожога. Собственно говоря, он не обгорел в полном смысле этого слова. Мне показалось, что этот ожог от трения. Я смотрел на его изъязвленную кожу, и это заставило меня взглянуть на свою руку.

Я стоял и переводил взгляд со своей ладони на кожу этого человека... и вдруг все произошло снова.

Снова где-то в животе произошел взрыв, снова вспыхнуло солнце, снова по жилам заструилась живительная сила...

Я подал свои заметки в Эй Пи. В Рио уже произошло пять подобных убийств, прежде чем я решил покончить с этим, опубликовав в газете рассказ обо всем этом. Этот рассказ о загадочных смертях с присовокуплением ошеломляющих подробностей о моей способности раньше всех обнаруживать трупы был напечатан даже в американских газетах.

Сейчас, размышляя над этим, я понимаю, что меня не арестовали по обвинению в убийстве только потому, что не могли представить, каким образом я мог его совершить. К счастью, рука моя зажила раньше, чем полиция и газеты обнаружили связь между мной и таинственными убийствами.

После пятого убийства я махнул в Нью-Йорк. Я решил, что если уеду из Рио, то убийства прекратятся. Но вполне возможно, что они начнутся в Нью-Йорке. Однако, я решил уехать. Кроме того, я чувствовал себя не лучшим образом.

2. Пятно и камень

В аэропорту меня ждала записка. Сам Роберт Дж. Аллистер пожелал видеть меня. Я был потрясен. Аллистер был владельцем нескольких газет и иллюстрированных изданий, тиражи которых были сравнимы с тиражами «Лайф» и «Тайм».

Я позвонил, чтобы договориться о встрече, но мне было сказано приехать прямо сейчас.

Я прошел через холл, где толпились люди, и меня без лишних церемоний провели прямо в святая святых. Я даже подумал, не слишком ли я недооценивал себя все прошлые годы.

Сам Аллистер поднялся из-за стола и протянул мне руку. Я прошел вперед, утопая в пушистом персидском ковре по колени, и пожал эту руку. Он пригласил меня сесть. Вид у него был усталый и гораздо менее здоровый, чем его изображение в газетах.

– Значит, вы и есть Джереми Кортленд, – заговорил он неожиданно высоким голосом. – Я наблюдал за вашей работой в Рио. Неплохо. Не хотите ли бросить эту работу на время?

Я открыл рот от изумления, а он устало улыбнулся мне.

– Я хочу предложить вам поработать у меня, – сказал он. – Сейчас объясню. Вы знаете Ира Де Калба?

– Это тот самый новый Эйнштейн?

– Да, в какой-то степени. Но он дилетант. Хотя, возможно, и гений. Мозг у него скачет, как кузнечик. Калб разработал новую область математики и даже не подумал, как ее практически использовать. Он... впрочем, вы сами поймете все, когда познакомитесь с ним. Сейчас он занимается чем-то совсем новым. Новым и очень важным. Я хотел бы, чтобы кто-нибудь об этом написал, и Ира Де Калб потребовал вас.

– Но почему?

– У него есть свои соображения. Может, он вам и объяснит все, но я не могу, – он протянул мне контракт. – Ну как?

– Хорошо, я попытаюсь, – сказал я. – Но если работа мне не понравится...

– Понравится, – угрюмо сказал Аллигер. – Когда вы познакомитесь с Ира Де Калбом, вам понравится, я гарантирую.

Дом Де Калба вписывался в склон горы, как будто его построил сам Френсис Ллойд Райт. Когда я взобрался на верхнюю террасу по ступеням из серого камня, я уже едва дышал.

Служанка ввела меня в комнату и предложила подождать.

– Мистер Де Калб ждет вас, – сказала она, – он будет через десять минут.

Одна стена комнаты, где я находился, была стеклянной, и через стекло открывался вид на Аппалачские горы, покрытые лесами, изумительными по красоте. В комнате, кроме меня, находился еще кто-то. Это была женщина. Она встала из-за стола, когда я вошел. Я сразу узнал ее, хотя мог видеть

только очертания прямой фигуры на фоне ослепительного света.

– Доктор Эссен! – воскликнул я. И сразу проникся уважением к своей будущей работе. Не может быть, чтобы такие люди, как Ира Де Калб и Летта Эссен собрались вместе из-за какой-то чепухи.

Я знал доктора Эссен. Дважды я брал у нее интервью сразу после Хиросимы. Тогда я интересовался ее совместной работой с Фришем и Меснером. Мне очень хотелось спросить, что она делает здесь, ко я не стал. Я знал, что узнаю больше, если она захочет говорить сама.

– Мистер Де Калб попросил меня встретить вас, мистер Кортленд, – сказала она приятным мягким голосом. – Я очень рада снова встретиться с вами. У вас в Рио было небольшое приключение, не так ли?

Она снова лукаво улыбнулась мне. Ее усталое лицо обрамляли коротко стриженные волосы, серые глаза разили, как стальные копыя, если вы прямо встречали ее взгляд. В основном она была мягка и нежна, но иногда ее быстрый пронзительный взгляд пугал. Он говорил о том, что в этой мягкой усталой женщине таится изощренный мозг.

– Я разрешу мистеру Калбу рассказать вам все, – сказала она. – Это не моя тайна. Однако вы вовлечены в нее гораздо больше, чем полагаете. – Она помолчала, не глядя на меня, и носком туфли подцепила угол ковра. – У нас есть немного времени, и я хочу оценить вашу реакцию на... на кое-что.

Идемте со мной.

Мы вышли в холл, опустились по лестнице и очутились в большой комнате, великолепно обставленной.

Видимо, кабинет, подумал я. Однако все книжные полки были пусты, и на всем лежал слой пыли.

– Камин, мистер Кортленд, – сказала Эссен и показала рукой на камин. Я подошел ближе, затем опустился на колени, чтобы лучше рассмотреть.

Это был обычный камин из обычного камня, но на одной стороне его было какое-то пятно.

У меня в голове бешено закружились мысли. Я понял, что значит остановить время. В голове одновременно вспыхивали тысячи разных образов и мыслей. Я увидел пятно. И сразу понял: трансмутация. Не знаю, почему я так подумал. И затем, не успев прийти к какому-то разумному выводу относительно того, что происходит со мной, я уже очутился в той аллее в Рио, в три часа утра. На меня с распростертыми руками двигалось что-то темное. Я слышал шипение в ушах, ощущал ожог от прикосновения, я вспомнил взрыв источника энергии во мне в тот момент, когда происходила смерть человека. И я знал, что все это связано между собой – и то, что произошло со мной, и это пятно на камине. У меня не было никаких оснований для такого вывода, но я был уверен в своей правоте.

Я, не спрашивая ни о чем, внимательно осматривал камин. Пятно было неправильной формы. Казалось, что ка-

мень в этом месте перешел в какую-то другую субстанцию. Она была мне совершенно неизвестна. Серый цвет камня обрывался внезапно, и начиналось другое вещество, почти прозрачное, с темными прожилками и крупными зернами. На деревянных панелях, которыми были обиты стены, на ковре, висящем рядом с камином, тоже было такое же пятно. Я поднял глаза.

– Не прикасайтесь к нему, – сказала доктор Эссен.

Но я и не собирался этого делать. Мне не нужно было касаться, чтобы узнать, каковы будут последствия. Я знал, что прикоснувшись, получу ожог как от трения, хотя все казалось абсолютно неподвижным. Доктор Эссен, как я понял, взглянув на ее лицо, тоже это знала.

Я еще раз взгляделся в прожилки в пятне. Причудливо перекрученные между собой, они казались совершенно инородными в теле полупрозрачного материала.

Я поднялся.

– Что это? – голос мой чуть не сорвался.

– Некрон, – ровным голосом ответила она, так внимательно глядя мне в лицо, что мне стало не по себе. – Так назвал это вещество мистер Де Калб. Слово ничем не хуже и не лучше других. Это... это новый вид материи, мистер Кортленд. Вы когда-нибудь видели подобное? – ее острый взгляд пронзил меня, как удар меча.

– Пожалуй нет, – сказал я. – Но...

– Хорошо, я понимаю, – прервала она меня. – Я просто

хотела убедиться кое в чем. И я убедилась. Теперь пойдём отсюда, и ради Бога, никаких вопросов, пока вы не просмотрите запись.

– Запись? Что...

– Её нашли во время раскопок на Крите. Она очень любопытная. Вы увидите её. Идём.

Она заперла дверь.

Мистер Де Калб, как и древние греческие статуи, не выглядел на свои 47 лет. Он был похож на юношу, высокого, прекрасно сложенного, волосы его были коротко пострижены, лицо приятное, спокойное.

Никакие переживания и невзгоды не смогли избородить морщинами его гладкий лоб. По всему было видно, что он прекрасно владеет собой и умеет подавлять свои эмоции. Это было лицо Будды, спокойное, сосредоточенное. Но в глазах его была одна странность: я не мог определить их цвет.

Они, казалось, были затянуты пленкой, как у кошек. Светло-голубые, подумал я. А может, серые. Или совсем бесцветные.

Он крепко пожал мне руку и опустился в кресло, вытянув ноги.

Затем он хмыкнул и стал рассматривать меня своими бесцветными глазами. Во всех его движениях, дикции, манере говорить – чувствовалось, что он презирает весь мир и всех людей, кроме себя. Ну что же, подумал я. Он имеет на это право. Он гений.

– Рад приветствовать тебя, мистер Кортленд, – сказал он. – Ты мне нужен. Не из-за твоего ума, которого у тебя не так уж много. Не из-за твоих физических достоинств, которые наверняка пострадали в схватке с неумолимым временем. Но я уверен, что мы сможем работать вместе.

– Меня послали сюда взять интервью для газеты, – сказал я.

– Нет, – Де Калб поднял палец. – Ты ошибаешься. Роберт Аллистер, издатель, мой друг. У него есть деньги, и он хочет, чтобы весь мир служил ему. Ты заключил с ним контракт и теперь должен делать то, что скажет он. А он сказал, что ты будешь работать со мной. Ясно?

– Предельно, – ответил я. – Только маленькая поправочка. Так я работать не буду. В контракте сказано, что я буду репортером. Но там ни слова не сказано о рабстве.

– Ты и будешь репортером. Я дам тебе интервью. Но сначала запись. Я не вижу смысла в бесплодном споре. Доктор Эссен, не будете ли вы так любезны... – и он кивнул на шкаф.

Она достала из шкафа пакет и передала его Де Калбу. Тот положил пакет на колени и забарабанил по нему пальцами. Пакет был размером с портативную пишущую машинку.

– Я показывал его только доктору Эссен, – сказал он, – и...

– Я польщена, Ира, – сухо сказала Эссен, – я польщена.

– Теперь я показываю это тебе.

Де Калб протянул мне пакет. – Положи его на стол, придвинь стул, садись. Прекрасно. А теперь разверни.

Они оба наклонились вперед, выжидаяще глядя на меня. Я видел помятый металлический ящик, прямоугольный, серо-серебряного цвета, выпачканный в грязи.

– Это неизвестный нам металл, – сказал Де Калб. – Я думаю, что это сплав. Его нашли пятнадцать лет назад во время раскопок на Крите. Этот ящик прислали мне. Они не могли открыть его, и он оставался запертым до недавнего времени. Ты, наверное, понял, что этот ящик с секретом. Мне понадобилось четырнадцать лет, чтобы разгадать этот секрет. Сейчас я открою этот ящик для тебя.

Руки Де Калба легли на поверхность ящика, пальцы, нажимающие в разных местах, побелели от напряжения.

– Сейчас, – сказал он, – ящик откроется. Но я не буду смотреть. А вы Летта? Я думаю, что нам обоим не следует смотреть, пока мистер Кортленд...

Больше я не слушал, потому что ящик стал медленно раскрываться.

Он раскрывался, как драгоценный камень, или как цветок, все грани его, плоскости, ребра смещались друг относительно друга, переливаясь разными цветами, и вскоре движение прекратилось. Передо мной оказался... кристалл? Ребра, грани, углы...

И тут же в моем мозгу началось движение. Как струна откликается на вибрацию камертона, так мой мозг отреагировал на странное воздействие этого ящика. Как будто невидимый мост протянулся между ящиком и моим мозгом. Как

будто в моем мозгу раскрылась книга, и начали переворачиваться ее страницы.

Время спрессовалось в микроскопический комок. Листы книги переворачивались с бешеной скоростью, открывая мне свое содержание.

В моем мозгу воспроизводилась Запись. Вся история мгновенно пронеслась перед моим мозгом. Но мозг мой не успевал реагировать, не успевал запоминать. Я все видел, но потом забывал.

Нет, я забывал, но не все.

С красного неба над пустынной планетой на меня смотрело Лицо. Лицо Эа.

Комната закружилась передо мной.

– Возьмите, – промурлыкала у меня за спиной доктор Эсен. Я взглянул, все еще не приходя в себя, и увидел стакан виски. Не знаю, был ли я без сознания. Но в глазах у меня стоял туман, комната плыла у меня перед глазами. Я с благодарностью выпил виски.

3. Видение времени

– Расскажи, что ты видел, – прозвучал голос Де Калба.

– Вы... Вы тоже видели это? – виски помогло мне, но я еще не полностью оправился. Я не хотел говорить о том, что промелькнуло у меня в мозгу за бесконечно короткие мгновения, и что выскользнуло из моей памяти. И все же мне хотелось говорить об этом.

– Я видел это, – торжественно, но угрюмо сказал Де Калб. – Летта Эссен тоже видела. И теперь ты. Нас теперь трое. Все мы видели одно и то же. Но три свидетеля одного происхождения расскажут о нем по-разному. Каждый видит в соответствии со своим интеллектом. Расскажи, что видел ты.

Я взял стакан с остатком виски. Мысли мои тоже кружились в голове. Такие же терпкие и жгучие. Еще десять минут, подумал я, и мысли мои исчезнут.

– Красное небо, – медленно заговорил я. – Пустынная земля. И... – я замялся. Слово застряло у меня в горле. Я не мог произнести его.

– Лицо, – нетерпеливо подсказал мне Де Калб. – Продолжайте.

– Лицо Эа, – сказал я. – Откуда мне известно имя? Эа и время... время... – внезапно виски выплеснулись из стакана. Реакция была такой сильной и неожиданной, что я не мог

управлять собой. Держа стакан обеими руками, я поднес его к губам и жадно выпил.

Но вот я снова овладел собой.

– Время, – осторожно сказал я, позволяя мысли овладеть моим мозгом, подобно холодной темной волне. – Время. Далекое будущее. Многие тысячелетия после нас. Все там, в Записи. Возникали и погибали великие цивилизации, одна за другой, пока... Пока не остался один город. Последний город – город Лица.

– Ты видел, что это город? – Де Калб даже приподнялся. – Мне, чтобы понять это, понадобилось три просмотра Записи.

– Я не видел его. Я просто... знаю.

Я закрыл глаза. Передо мною снова появилась пустынная земля. Темная, почти черная, под кроваво-красным небом.

Я знал, что Лицо огромно. Оно было высечено в скале, и я был уверен, что сделали это человеческие руки. Но создавалось впечатление, что лицо это существует вечно, и что оно однажды проснется, сделает гримасу отвращения и освободится от нагромождения камней. И Эа бросит взгляд на вечность, сквозь кроваво-красную ночь этого мира.

– Там есть люди. Я чувствую их. Чувствую их мысли. Люди в громадном городе за Лицом...

– Это некрополь, – сказал Де Калб. – Но... Да, пожалуй, это город.

– Улицы, – сонно говорил я, глядя в пустой стакан. – Мно-

гоэтажные дома. Люди ходят, разговаривают, живут, думают. Почему вы думаете, что это некрополь?

– Скажу позже, продолжай.

– Мне очень хочется, но я не могу. Все уплывает. – Я закрыл глаза, вспоминая Лицо. У меня были силы, чтобы заставить себя вспоминать, но мне не хотелось вновь сталкиваться лицом к лицу с вечностью. На это Лицо было жутко смотреть. В нем было ощущение бесконечной сложности, мудрости, всезнания, всего того, что не доступно простому смертному. Мне было даже жутко думать о нем, вспоминать его.

– Это портрет? – спросил я. – Или просто символ? Что это такое?

– Город, – сказал Де Калб. – Народ. Судьба. Призыв о помощи. И еще очень многое, чего нам не понять.

– Но... но будущее! – воскликнул я. – Этот ящик. Разве его не нашли на развалинах Крита? В старых развалинах? Как можно в прошлом найти то, что содержит информацию о нашем будущем? Это бессмыслица!

– Да, бессмыслица. Для того, кто не понимает природу времени, – в голосе Калба послышалось презрение. Он откинулся в кресле и сложил руки на груди, глядя на меня серыми глазами.

– Ты читал Шпенглера, Кортленд? – спросил он.

Я поморщился и кивнул.

– Знаю, знаю. Он действительно раздражает. Но он все

равно гений. Он описал то, что случилось с городом Лица. Общество тянется от «культуры» к омертвлению, окаменению цивилизации. Именно это и случилось с городом Лица.

Я использовал глазок в прошедшем времени для этого некрополя будущего. Он существует. Он также реален, как Рим и Вавилон. Но люди в нем не люди в том смысле, как мы понимаем людей. Они боги.

Он посмотрел на меня как бы ожидая возражений. Но я молчал.

– Они боги, – продолжал Де Калб. – Шпенглер ошибался, полагая, что цивилизация развивается по простой дуге. Достаточно сравнить Рим XIII и Рим XVI века, чтобы заметить, что он вновь возродился и занял свое место в человеческой цивилизации.

Я не хочу спорить со Шпенглером, но я не согласен с его идеей о символической ценности города как единицы культуры. Когда ты согласишься Запись несколько раз, ты поймешь, что я имею в виду.

Он помолчал, придвинул к себе вазу с фруктами, взял апельсин. Он долго рассматривал его, затем заговорил снова.

– Сейчас я хочу показать тебе кое-что на примере этого апельсина. Город Лица прошел путь своего развития и стал некрополем.

Когда-то Рим тоже был некрополем, а Нью-Йорк еще будет. Но это вовсе не будет означать конец цивилизации, так как город – это еще не весь народ. Еще остаются малень-

кие городки, которые будут только процветать, избавившись от тирании мегаполиса, от доминирующей роли метрополии. Когда темные века опустились на Европу, это не было концом цивилизованного мира, так как возникли и стали развиваться новые цивилизации.

Но город Лица совсем другое дело. Он действительно некрополь – и вокруг него нет деревень и поселков. Во всем мире существует только он – город, где живут люди. Но они не люди – они боги.

– Значит, это не некрополь, – заметил я.

– Для нас он некрополь.

– Почему?

– Ты видел мой камин. Видел пятно на нем. И это пятно разрастается! Медленно, но верно, и по мере увеличения пятна скорость роста увеличивается. Это произошло и в том мире. Он стал весь некронным, кроме самого города.

Ты не почувствовал этого, когда смотрел Запись? Нет? Еще почувствуешь. Жители города не могут спастись, когда против них сама Вселенная. Они обратились к нам. Мы можем спасти их. Пока я не знаю как. Но они знают это, иначе бы не обратились к нам.

– Подождите, – сказал я. – Давайте проясним ситуацию. Что вы хотите от меня лично? Что могу сделать я? И почему я?

Де Калб заворочался в кресле, тяжело вздохнул и уставился на апельсин так, как будто видел его впервые в жизни.

– Ты прав, Кортленд. Давай рассмотрим факты. Первое – Запись. Это, по сути, книга. Но не книга, сделанная человеком. Она постигается не чтением. Ее содержание проникает прямо в мозг. Каждый раз, когда ты просматриваешь весь объем информации, каждый раз в мозгу что-то остается. Но в Записи есть и то, что наш мозг не в состоянии воспринять, это ускользает от нас...

Ящик был найден на Крите. Там он был закопан три, может пять тысяч лет назад. А может и миллион. Он случайно попал ко мне. Я не мог открыть его и пытался разными способами. Я пробовал с помощью рентгена увидеть его содержимое, но, конечно, мне это не удалось.

Я пробовал радиацию, ультрафиолетовые лучи, инфракрасные лучи... И еще многое другое. И что-то сработало. В один прекрасный день ящик открылся.

Он посмотрел на меня.

– Этот ящик – письмо. Он послан к нам через время. Конечно, не именно к нам. Но адрес назначения прост: людям, у которых развита техническая цивилизация.

– Хорошо, – сказал я. – Предположим, что это призыв о помощи. Не буду спорить. Может, я и сам пойму, если буду часто просматривать Запись. Но почему вы думаете, что судьба города зависит от нас? Ведь, если ящик так стар, как вы говорите, то, может быть, город существовал в далеком прошлом?

Жители города сделали Запись. Не могу отрицать этого.

Они бросили Запись в Реку Времени, ее прибило к нашему берегу, и мы сумели прочесть ее. Но, может, это запись древней цивилизации, жившей миллион лет назад? Обо всем этом я мог написать, но...

– Ты здесь не для того, чтобы писать в газеты, Кортленд! – резко сказал Де Калб.

– Таковы мои функции, как написано в контракте.

– Тебя выбрал не Аллистер, – тяжело сказал Де Калб. – И не я, – он снова заворочался в кресле. Позволь мне договорить. – Он подбросил апельсин в воздух и поймал его. Раздался сочный шлепок. – Первый раз я открыл ящик в своем кабинете. Ты сам видел, что он раскрывается, как цветок. Он раскрылся впервые за миллион лет. Ящик раскрывается в четырех, а может, даже в большем числе измерений. Мы не можем воспринять этого. Но в первый раз... – он помолчал. – В первый раз... случилось еще кое-что, – он снова помолчал и неохотно добавил. – Что-то вышло из ящика.

Я ждал. Доктор Эссен, которая не шевельнулась ни разу в течение нашей беседы, вдруг резко встала, отошла к окну и начала смотреть на серую туманность гор вдали.

– Что-то вышло из ящика, – быстро сказал Де Калб, как бы решившись сказать то, что ему не хотелось говорить. – Оно прошло сквозь меня, пролетело к камину, и исчезло. Больше я ничего не видел. Но в тот вечер я впервые заметил пятно на камине. Тогда я не обратил на это внимания! Я еще слишком мало узнал из Записи, чтобы чего-то бояться.

– Но теперь я знаю.

4. В горах Св.Лаврентия

Снова я ждал. Но на этот раз не выдержал.

– Что вы знаете?

– Некрон, – сказал он. – Он растет. И он никогда не перестанет расти, пока... – он промолчал, пожал плечами, мы должны поверить, что они в будущем. И помочь им. Они хотят, чтобы мы обязательно сделали это. Хотят быть уверенными в том, что им поможем мы. Ведь если мы не придем им на помощь, то погибнем сами. Некрон будет разрастаться и превратит весь наш мир в мертвую материю. Инертную. Некронную. Это смерть всему, потому я и назвал это вещество некроном.

Некрон – совершенно новая форма материи. Смерть энергии. Некрон разрушает высший закон Вселенной, закон увеличения энтропии. Энтропия, сама по себе, стремится к хаосу. Но некрон – другой крайний случай: материя с нулевой, умершей энергией.

– Значит, – сказал я, – люди Города решили устроить западню для тех, кто сумеет открыть ящик?

– Да. Но они вынужденно сделали это. Они хотят заставить нас откликнуться на их мольбу о помощи. Нам придется сделать это, чтобы спасти себя.

– Значит, вы убеждены, что они существуют в будущем, а не в прошлом?

– Ты видел Лицо? Ты чувствовал, как во времени, разделяющем нас, развиваются и гибнут цивилизации? Как ты можешь сомневаться, Кортленд?

Я молчал, вспоминая.

– Впрочем, дело не в этом, – сказал Де Калб. – Это вопрос чисто академический. И прошлое, и будущее одинаковы в ткани, сплетенной из времени. И ты сам поймешь это из записи.

– Но как мы можем помочь им? Если уж они сами не могут отвести угрозу от своего мира, то что можем мы? Это смешно. А кроме того, если путешествие во времени возможно, возможно для ящика, то возможно ли для живого человека. И где гарантия, что мы не попадем в уже мертвый город?

– Нет, нет, Кортленд. Тебе нужно еще многому учиться. Позволь мне самому думать обо всем этом.

Некрон может быть уничтожен. Или, по крайней мере, проблемы, которые он вызывает, могут быть разрешены. Я уверен, что это можно сделать только одним способом: трое мужчин и одна женщина должны отправиться в будущее, к Лицу Эа. Именно это и имели в виду люди Города, когда посылали к нам свою Запись.

– Почему вы в этом уверены?

– О, доказательств много. Запись была послана нашей цивилизации, помнишь?

– Но вы же сказали, что Запись была найдена на раскопках на Крите!

– Конечно. Но древние минойцы не открывали ящик. Я предполагаю, что ящик существовал за долго до времени Тезея, но он оставался запертым, так как на земле еще не было технически развитой цивилизации, способной открыть ящик. Только люди – мужчины и женщины, которые являются продуктами такой цивилизации, смогут решить проблему некрона.

– Почему же они не послали письмо прямо в нашу эру? Почему они промахнулись на несколько тысяч лет?

– Я не эксперт в вопросах путешествий во времени, – раздраженно сказал Де Калб. – Может быть, такая точность принципиально недостижима. Откуда я знаю? Но я могу доказать, что письмо попало именно к тому, кому оно было адресовано.

Я все время пытался найти ошибку в его рассуждениях.

– Вы сказали, что необходимо решить проблему некрона, уничтожить его. Вы уже имеете решение?

Де Калб воззрился на меня.

– Нет, пока нет. Некрон весьма любопытное вещество, нетипичное. Он абсолютно инертен, у него нет спектра поглощения, спектра излучения. Ничто не действует на него. Это совсем новый вид материи. Пока я не могу уничтожить некрон. Но я уверен, что смогу сделать это, если воспользуюсь помощью жителей Города Лица. Вообще-то говоря...

Зазвонил телефон. Доктор Эссен резко обернулась. Де Калб усмехнулся, кивнул ей и пробормотал:

– Я думаю, что это он, – как бы отвечая на молчаливый вопрос, и взял трубку. Я слышал в трубке чей-то возбужденный голос. – Мюррей, – сказал, поморщившись, Де Калб. – Мюррей, я все знаю, но...

Однако Мюррей не дал ему договорить. Голос в трубке стал таким громким, что разносился во всей комнате. Де Калб слушал с отрешенным видом. Наконец, он выпрямился и сказал:

– Мюррей, Мюррей, послушайте, здесь Кортленд.

В трубке что-то заклокотало. Де Калб ухмыльнулся,

– Я знаю. Возможно. Кортленд тоже недолюбливает вас. Это не важно, Мюррей. Вы можете прийти сюда? Да, это важно. Я хочу вам показать кое-что, – он заколебался, посмотрел на Эссен, пожал плечами. – Послушайте, Мюррей, я хочу показать вам один ящик.

– Ты знаешь полковника Мюррея Харрисона? – спросил Де Калб, положив трубку. Я кивнул. Я его знал и очень не любил, так как его человеческие качества находились в чудовищном противоречии с его способностями. Это был старый военный из Уэст-Пойнта, но вел он себя как настоящая истеричка, не умеющая владеть собой. Но в тоже время у него был точный, никогда не ошибающийся ум робота.

Никто не мог отрицать его таланта.

Он страшно гордился тем, что всегда стоит за справедливость, хотя это было далеко не так. Прекрасный техник, гений стратегии и тактики. Он подтвердил все это во время

военных действий на Тихом океане в 1945 году. Однажды я написал о нем очерк, достаточно честный. Но это ему не понравилось.

– Вы и его берете в дело? – спросил я.

– Приходится. Мне ничего не остается... Впрочем, это не важно. Правда, он сам настаивает на этом, хотя совершенно не понимает важности дела.

– Ира, – робко вступила в разговор доктор Эссен. – Ты действительно уверен, что надо ввести полковника в дело?

– Ты сама знаешь, что не уверен, Летта. – Он нахмурился. – Но нам нельзя терять времени. Я боюсь ждать. Кортленд... – он повернулся ко мне. – Я думаю, что тебе пора получить побольше информации. Я хочу кое-что тебе рассказать о нас – о тебе и себе. Ты уже понял, что ты связан со всем этим, и не в моих силах тебя принять или отвергнуть.

Я кивнул. Я уже понял это. Я вспомнил о том, что произошло со мной в Рио, хотя и не понимал связи, которую я ощутил между этим пятном на камине и тем существом, которое обожгло меня в Рио. А затем смерти людей... Прекратились ли они в Рио? Может, теперь они начнутся здесь? Ведь не может же все это оказаться простым совпадением. Однако, сейчас мне ничего не оставалось делать, как ждать.

– Вот мой рассказ, – сказал Де Калб. – Наша история – твоя и моя. И доктора Эссен тоже. А может, и полковника Харрисона. Я не знаю, хотя мне очень хотелось бы знать. Итак, начнем, – он тяжело вздохнул. – Когда я много раз

просмотрел Запись, я понял, что где-то на Земле есть место, имеющее для нас огромное значение.

Я не могу сказать, почему это так. Однако мне удалось определить его координаты. Правда, это заняло немало времени, так как пришлось перевести все меры того мира в земные измерения. Но повторяю, я сделал это.

И направился туда. – Он помолчал, пристально глядя на меня. – Ты когда-нибудь бывал в горах Святого Лаврентия? Ты знаешь, насколько дики горы в тех краях? Кажется, они совсем рядом, несколько часов лета. Но как только стихнет шум двигателя, кажется, что ты очутился на другой планете. Звонящая тишина окружает тебя. Ты можешь ощущать ее чисто физически.

Я нанял людей, которые стали рыть шахту. Они считали меня человеком, у которого в кошельке много денег, а в голове мало ума. К счастью, они не догадались о моей цели. То, что я искал, нам удалось найти под землей.

Мы выкопали вокруг этого места полость в земле. После этого я рассчитался с людьми, отпустил их и сам спустился вниз, чтобы осмотреть, что же я нашел, – он рассмеялся.

– Это было двадцать футов пустоты, Кортленд. То, что я определил с помощью своих инструментов, имело овальную яйцеобразную форму. Я мог пройти сквозь это. Но внутри этой овальной пустоты пространство и материя уже принадлежали этому миру. И барьер между нашим и чужим мирами находился в каком-то другом измерении. Я не встречал

барьера, входя в яйцо и выходя из него. Но человек, переходя из света в тень, тоже не встречает барьера. Хотя аналогия здесь чисто внешняя.

Однако внутри овала что-то было. Я долго пытался обнаружить, что именно. Но только облучение ультрафиолетом помогло мне. Я в этой пустоте увидел какую-то тень. Я увеличивал мощность, уменьшал ее, изменял частоту, я играл верньером настройки, как скрипач на скрипке.

Я охотился за таинственной тенью, как кот за мышью, И наконец, я увидел... – он замолчал и ухмыльнулся.

– Нет, пока я не скажу тебе, что я увидел. Ты мне не поверишь. А сейчас, Кортленд, настало время прочесть тебе небольшую лекцию о природе времени.

Он все еще держал апельсин, поворачивая его в руке.

– Сфера, – заговорил он, – вращается на оси. Назовем это Землей. – Другой рукой он взял из вазы серебряный нож, лезвие которого в форме листа было чуть шире апельсина. Затем он с наслаждением вонзил нож в апельсин...

5. Носители смерти

Затем случилось совершенно неожиданное. Только что я сидел, удобно устроившись в кресле, и смотрел как Де Калб расправляется с апельсином, И вдруг...

Снова во мне вспыхнул источник энергии.

Комната исчезла для меня. Де Калб и доктор Эссен перестали быть для меня реальностью. По моим жилам и нервам заструилась живительная энергия. Сейчас для меня ничего не существовало, кроме этого сладостного ощущения, которое я даже не могу описать словами.

И первое, что я увидел, когда комната вернулась на место, была кровь, текущая по рукаву Де Калба.

Сначала я ничего не понял. Кровь – естественный спутник смерти, а я знал, что мгновение назад где-то поблизости умер человек. Затем все чувства неуклонно вернулись ко мне, и я резко выпрямился в кресле, глядя на Де Калба.

Краска схлынула с его лица. Он смотрел на свою пораненную руку тупым невидящим взглядом. На лезвии ножа тоже была кровь.

Значит, Де Калб просто порезался, порезался...

Наши глаза встретились. И в этот момент понимание происшедшего одновременно вспыхнуло в наших глазах. Значит, он тоже ощущает это. Значит, и в нем тоже происходит взрыв энергии. Мы оба молчали. Говорить не было необхо-

димости.

После долгого молчания я взглянул на Эссен. Серая сталь ее глаз спокойно встретила мой взгляд, но во взоре было легкое замешательство.

– Что случилось? – спросила она.

Звук ее голоса пробудил нас обоих, вернул из забытья.

– Вы не знаете? – Де Калб повернулся к ней. – Нет, конечно, нет. Но Кортленд и я... Кортленд, как часто у тебя... – он не закончил фразы.

– Впервые я ощутил это, когда в Рио произошла псовая смерть, – ровным голосом ответил я. – А вы?

– Когда погиб человек здесь. И очень слабо, когда смерти происходили в Рио.

– О чем вы говорите? – спросила доктор Эссен.

С трудом подбирая слова, Де Калб рассказал ей обо всем.

– Что касается меня, – закончил он, глядя в мою сторону, – то это началось, когда я впервые открыл Запись. – Он помолчал, с удивлением глядя на пораненную руку, а затем, отложив нож и апельсин, достал платок и забинтовал порез. – Я совсем не ощущал боли, – сказал он как бы про себя.

А за тем, обращаясь ко мне:

– Я открыл ящик, и тут, я уже говорил об этом, что-то выскользнуло из него и исчезло в направлении камина, где впоследствии образовалось некронное пятно, – он угрюмо посмотрел на него сузившимися глазами.

– Кортленд, – сказал он, – когда ты впервые увидел пятно

на камине, тебе не показалось оно знакомым?

Я вскочил так резко, что опрокинул кресло, и с жаром заговорил:

– Де Калб, где-то только что умер человек! Что-то убило его! Что-то делает нас, вас и меня, соучастниками убийства! Мы должны прекратить это! Это не научная диссертация – Это убийство. Мы должны узнать правду. Но не криками и руганью. Правда находится в этом ящике. Она находится в далеком будущем.

– Что-то пришло оттуда в наш мир и теперь уничтожает его. Я выпустил это что-то. Разумеется, сам не зная, что выпустил. Я открыл ящик Пандоры и выпустил из него смерть. Теперь нам остается только молиться, чтобы в этом ящике оказалась и надежда на спасение.

– Скажите, чем я могу помочь. Я все сделаю, – пылко воскликнул я. – Но давайте больше не будем говорить о теории. Я слишком устал от этих смертей. Я и сам в опасности. Может, и вы тоже. Что мы можем сделать?

– Убийца нам не угрожает ничем. Опасность для нас кроется в законе. Если наша связь с убийствами будет установлена, нас могут обвинить в соучастии. Что нам делать, спрашиваешь ты? Хотел бы я сам знать это. Я уверен, что то, что вылетело из ящика, оставляет после себя некронные пятна, как отпечатки пальцев. Это живое и крайне опасное существо. Оно коснулось меня, пролетая. Мне показалось, что с меня содрали кожу. Ты тоже к нему прикасался?

Я рассказал ему о своем опыте общения с таинственным существом.

– Хорошо, – сказал Де Калб. – Мы оба в опасности. А не пустил ли некрон корни в тебе?

Сначала я не понял его, но потом во мне все оборвалось. Де Калб, глядя на меня, кивнул.

– В себе я не обнаружил никаких признаков заражения. Думаю, что и с тобой ничего не случилось. Хотя все это еще ничего не доказывает.

– А вы видели его? – спросил я.

Он колебался.

– Я не уверен. Думаю, что видел. Расскажи мне, пожалуйста, каждую деталь. Даже незначительную.

Когда я закончил, он: обменялся взглядами с доктором Эссен.

– Оно разумно, – сказала она.

– А способ, которым оно передвигается? – спросил Де Калб. – Это чрезвычайно важно. Ведь его даже нельзя схватить и удержать. Летта, вы согласны?

– Ожог трением? – спросила Летта. – Скорее всего, оно вращается не в пространстве.

– Конечно, нет, – сказал Де Калб. – Может, во времени? Разумеется, в ограниченных пределах. Достаточно колебаться в пределах нескольких секунд. Оно выглядит как тень, как масса без веса... И оно имеет огромную скорость без пространственного перемещения.

Кортленд пытался схватить его. Но это же движение по-времени! Колебания, вибрация. Вибрация с периодом в несколько секунд. Камертон вибрирует в пространстве. Почему не может существовать камертон, вибрирующий во времени? В очень узком временном диапазоне?

Неудивительно, что ты не смог удержать его. Ты сможешь удержать вибрирующий металлический стержень? При этом ты и получил ожоги, так как своим весом пытался препятствовать колебаниям во времени.

И оружие, которым мы захотим его убить, тоже должно колебаться во времени с тем же периодом, что и существо.

– Значит, это существо дрожит, как лист? – спросил я. – Де Калб отмахнулся от меня.

– Разумен ли этот убийца? – спросил он. – Действует ли он, сообразуясь с чем-нибудь, или же это просто инстинктивная страсть к убийствам? – Он поморщился. – Нет, сейчас нам нужно думать о некроне. Мы понятия не имеем, что это такое. И, может, не узнаем, пока не доберемся до Лица Эа.

Я вздохнул и сел. За последние полчаса я испытал слишком много потрясений и чувствовал себя весьма неуверенно.

– Значит, нам нужно совершить путешествие во времени, – слабым голосом произнес я. – Мистер Де Калб, вы сошли с ума.

У него осталось достаточно энергии, чтобы презрительно усмехнуться.

– Я думаю, что сочтешь меня еще более сумасшедшим,

если я скажу тебе, что я увидел в овальном яйце в шахте. Но сначала я должен завершить свою лекцию, чтобы ты что-нибудь понял.

– Тогда продолжайте.

Он снова взял нож и апельсин. Вставил нож в разрез и разделил апельсин на две части. Линия разреза находилась чуть выше экватора, если предположить, что апельсин – Земля. Верхняя часть апельсина осталась на лезвии ножа. Снизу Де Калб приложил нижнюю часть апельсина, создавая иллюзию целого плода.

– Предположим, что лезвие – это плоская страна – Двухмерный Мир, рассекающий трехмерную сферу. Если я буду вращать нижнюю часть апельсина, ты даже не заметишь, что она вращается отдельно от верхней. По-твоему, апельсин целый. Ось же остается неподвижной относительно плоскости, которая рассекает плод.

Теперь отрежем еще одну часть апельсина. И снова эта ось останется неподвижной. Ты понимаешь, о чем я говорю?

– Нет, – сказал я. – Калб ухмыльнулся и положил нож и апельсин в вазу.

– Это требует немного мозгов. Правда, я и сам еще не вполне понимаю. Наша наука еще не дошла до этого. Но во всяком случае, я уверен, что теоретически есть возможность совершать путешествие во времени. Исходя из этого, мы можем объяснить появление у нас Записи. Люди Города послали этот ящик по оси времени, которая, как ты помнишь, про-

низывает одну и ту же точку пространства в каждый данный момент времени. Они бросили ящик, как бутылку, в реку Времени. Вот смотри,. – он поднял два пальца, большой и указательный. – Это два времени, наше и их. Но они могут... – и тут Де Калб прижал один палец к другому, – иметь общую точку, пересекаться. Правда, я еще и сам толком ничего не понимаю. Ведь их время отстоит от нашею на много тысяч лет. Если человек переходит из одного пространства в другое, как минимум необходимо, чтобы эти4 пространства соприкасались. Видимо, и с временем должно быть так же.

– Хорошо, – сказал я. – Пока хватит. Я принимаю весь этот бред. Теперь давайте, где этот обещанный пинок мне пол зад? Что вы видели в своей пещере?

– Я видел тебя, Кортленд.

Я раскрыл рот.

Он широко улыбнулся.

– Да, я видел тебя, спящего на дне яйца. Я видел также себя, спящего, и доктора Эссен, спящую, и, наконец, я видел полковника Харрисона Мюррея.

Он с торжеством смотрел на меня. Улыбка его стала еще шире.

– Вы сошли с ума, – глупо заметил я.

– Ты думаешь о том, что никогда не бывал в горах Святого Лаврентия. Может быть. Но и доктор Эссен не была там. И я не был. Возможно, и полковник Мюррей. Но ты будешь там, мой друг. И все мы тоже будем, – улыбка его погасла, голос

стал усталым. – И все мы очень изменились. Ты понимаешь?

Мы все стали намного старше. Но не время состарило нас, а какие-то переживания, события: одни жуткие, другие счастливые, радостные, третьи – приводящие в трепет. Да, мужчины выглядели усталыми, состарившимися. Но доктор Эссен почему-то выглядела моложе, – он пожал плечами. – Я ничем не могу объяснить этого. Я могу только сообщить, что я видел, – он улыбнулся мне.

– Ну, хватит об этом. Закрой рот, Кортленд. Уверю тебя, что это был именно ты. А это значит, что тебе предстоит вместе с нами совершить прыжок в будущее, в мир Лица. Я уверен, что мы все вместе встанем перед этим Лицом, которое мы пока видели лишь в мысленных видениях.

Да, я уверен в этом. Я сам видел нас, спящих на полу, а вокруг нас были приборы, регулирующие наш сон. И мы путешествовали во времени.

И мы будем перемещаться во времени, как этот ящик. Отсюда, из нашего времени, мы переместимся по временной оси в мир Лица. Но на этой оси не существует обратного движения, так что нам не грозит опасность встречи с самими собой, – он улыбнулся.

– Вы понимаете, что это значит? Это значит, что когда те четверо проснутся и выйдут оттуда, мы войдем в пещеру и отправимся в будущее.

Я встряхнул головой. В моем мозгу мелькали странные видения. Все они не имели для меня никакого смысла. Все,

кроме одного. Но затем это одно стало для меня совершенно определенным.

– Нет, не все, – сказал я.

– Почему?

– Простите, если я употребляю вульгаризм, – язвительно ответил я. – У вас, по-моему, не все дома, но со мной-то все в порядке. Я никуда не собираюсь. Я знаю, где мне хорошо. Джерри Кортленд собирается твердо стоять обеими ногами на своей собственной временной оси. Я напишу о вас, мистер Де Калб, самый лучший очерк в мире, но в ваши сумасшедшие авантюры я не собираюсь вмешиваться. Ясно?

Он ухмыльнулся.

– Ты вяжешься, Кортленд, вяжешься!

6. Мозг военного человека

У шестидесятилетнего полковника Харрисона Мюррея была прекрасная фигура военного, и он этим очень гордился. Но иногда он забывал распрямлять плечи, выпячивать грудь, втягивать живот, и он постепенно становился обычным сутулым стариком – пока снова не вспоминал, что он военный.

На лице его всегда была недовольная гримаса, оно как бы состояло из скошенных плоскостей. Голос полковника был неожиданно тонким, и становился еще выше, когда он злился. А злился он практически всегда. И сейчас он тоже был зол.

– Если человек родился идиотом, то ему уже ничем не можешь, Де Калб, – сказал он. – Но, к счастью, мы не все идиоты. Вы должны бросить все свои побочные работы и перейти к основной. Вы же согласились сотрудничать с Министерством Обороны... – он бросил на меня быстрый осторожный взгляд. – Вы согласились выполнить определенную работу.

– Я выполнил ее, – ответил Де Калб, – я доложил результаты в Бюро и наметил дальнейшее направление работ. О, это вовсе не секрет. Многие работают в этой области, – он ухмыльнулся. – Так что в этом нет никакого секрета, полковник. Главная тайна – в техническом обеспечении работ, а

она тщательно хранится работниками Бюро. Во всяком случае, я на это надеюсь. Сейчас бюро работает в полную силу. В исследованиях заняты лучшие умы. Они работают по моему плану и сделают все не хуже меня. Если бы и я был сейчас занят там, это была бы бесполезная трата моего ума. Мои функции закончились в тот момент, когда я изложил свои идеи физикам и психологам, которые способны претворить их в жизнь.

– Позвольте мне решать это, – недовольно заметил Мюррей, – и затем наступила пауза.

Послышался спокойный голос доктора Эссен, сидящей у окна.

– Ира, может быть, полковнику следует показать Запись...

– Конечно, – ответил Де Калб. – Спорить дальше бесполезно. Кортленд, может сейчас ты займешься этим?

Я открыл шкаф и достал оттуда завернутый ящик. Затем поставил его на стол между полковником и И о Калбом. Мюррей подозрительно следил за моими действиями.

– Если это какая-то дурацкая шутка, – начал он.

– Уверю вас, сэр, это не шутка. Это нечто такое, чего вы никогда раньше не видели. Я думаю, что когда вы посмотрите то, что находится здесь, у вас не будет возражений против той проблемы, над которой я работаю.

Де Калб развернул ящик. На столе появился грязный, помятый, бело-голубой предмет, такой же непроницаемый для человеческого мозга, как и способ, которым он совершал пу-

тешества во времени. Вселенная и судьба людей была заключена в нем.

Пальцы Де Калба притронулись к его поверхности. Раздался слабый отдаленный скрип, как будто начали поворачиваться старые заржавевшие петли, и вот ящик раскрылся, как цветок.

Я не стал смотреть. Я чувствовал, что ничего не смогу воспринять сегодня, пока мозг мой не оправится от потрясения. Я смотрел на потолок и видел, как по нему бегут причудливые постоянно меняющиеся отблески. Это был свет, отраженный от лепестков, плоскостей цветка. Даже это производило сильное гипнотическое воздействие.

В доме стало тихо. Казалось, из ящика выходит волнами тишина конца мира, и она поглощает все звуки, кроме тяжелого дыхания Де Калба и хриплых выдохов Мюррея, который сидел, не двигаясь, и поглощал вспышки света, проникавшего сюда сквозь бездну времен.

Я почувствовал, что мною овладело сильное предчувствие, напряжение. Я ждал, ждал, когда во мне снова вспыхнет источник энергии. Ждал новой смерти, может быть, совсем рядом со мной, у меня на виду. Смерти кого-то в этой комнате. Я ждал, что эта смерть может настичь меня самого, что каменный холод разольется по моему телу, где пустит свои корни некрон.

Ящик закрылся. Огни на потолке погасли.

Мюррей медленно выпрямился...

Де Калб тяжело откинулся в кресле, не сводя глаз с Мюррея.

– Вот и вся история, – сказал он.

Почти час потребовался Мюррею для того, чтобы рассказать обо всем, прояснить всю ситуацию, где он неожиданно для себя играет какую-то роль. Мы с любопытством смотрели на него, как будто ожидая чего-то нового, что почерпнул он, просматривая Запись.

Но на лице его ничего не отразилось. Это было очень странно, так как я знал, что Мюррей весьма эмоциональная, почти истерическая натура. Может, он научился владеть собой? Сейчас, когда он задавал холодные, четкие вопросы Де Калбу, на лице его не было никаких эмоций.

– И вы узнали меня, – сказал он, глядя сузившимися глазами на Де Калба. – Я был там, в этой... пещере?

– Да.

Мюррей спокойно смотрел на него. Кончики губ его опустились вниз. Он пришел к какому-то решению.

– Де Калб, – сказал он. – Вы изложили интересную историю. Но вы кузнечик. И всегда были таким. Вы терпите интерес к любой проблеме, как только решите самое трудное в ней. Выслушайте меня, проект индоктринации, над которым вы работали, еще не полностью завершен. Но вы отошли от этого дела. И я понимаю почему. Вы получили какие-то результаты в области гипноза и теперь хотите воспользоваться ими сами.

– Это неправда, Мюррей! Неправда! – Де Калб был настолько поражен, что даже не возмутился. – Вы же видели Запись. Вы сами все видели.

– Хорошо, – помолчав, сказал Мюррей. – Я видел Запись. Хорошо. Предположим, что вы отправитесь в будущее. Предположим, что вы сможете вернуться обратно сюда же, в наше время. На это уйдет не больше десяти секунд. Как видите, мы не теряем времени на это. Но сколько потребуется энергии! Вы же вернетесь сюда совсем другим человеком, усталым, старым, совершенно не заинтересованным в своем проекте. Я не могу пойти на это. Я требую сначала закончить работу, а потом вы можете делать то, что вам заблагорассудится.

– Это невозможно, Мюррей. Вы не сможете так поступить. Помните, я же видел и вас в пещере. Вы тоже будете с нами.

Мюррей нетерпеливо махнул рукой.

– У вас здесь есть телефон? Благодарю. Я не могу спорить с вами. Мне некогда.

Мы сидели, наблюдая, как он набирает номер. Он вызвал Министерство.

– Говорит Мюррей, – хрипло сказал он. – Я у Де Калба в Коннектикуте. Знаете, где это? Я вылетаю немедленно. Я хочу, чтобы меня встретили. Буду около трех. Со мной будет газетчик, некий Кортленд. Знаете такого? Теперь слушайте, это очень важно. – Мюррей сделал глубокий вздох и холодно посмотрел на меня. Затем очень четко и разборчиво произ-

нес:

– Кортленд как-то связан с теми смертями в Бразилии, о которых он писал. Я привезу его для допроса.

7. Из-под контроля

Мне не нравилось, как он ведет самолет. Руки его суетливо дергали за рычаги, ноги с трудом находили педали. Самолет непрерывно рыскал по курсу, вместо того, чтобы лететь ровно и спокойно. Мюррей нервничал.

Я смотрел вниз, на деревья, на склоны гор, на дороги, блестящие в лучах солнца. По ним бежали черные точки – автомобили.

– Вы знаете, что ничего не сможете сделать, Мюррей, – сказал я. Это были первые слова, произнесенные мной в течение последних полутора часов, которые мы провели в полете. Говорить было не о чем. Теперь от нас ничего не зависело.

– Я сделаю, что нужно, – ответил он, не глядя на меня.

– У Де Калба есть связи, и не менее могущественные, чем у вас. А кроме того, я могу доказать, что не имею ни малейшего отношения к этим убийствам.

– Я верю в это, Кортленд. Но если есть хоть какая-то правда в том, что сказал Де Калб, я уверен, что ты носитель смерти.

– Но вы схватили меня не потому, что уверены в моей вине, а потому, что хотите остановить Де Калба.

– Разумеется, – ответил он, не разжимая губ. Я пожал плечами. Это было очевидно.

Мы снова летели, молча. Мюррей явно нервничал, видимо, на него подействовала Запись. От старался избавиться от того, что пробудилось в нем, и это мешало ему вести самолет спокойно. Наконец, я не выдержал и взял у него из рук рычаги управления.

Это был прекрасный маленький самолет, шестиместный, и при хороших условиях он мог лететь без вмешательства пилота. Если бы у меня спросили, какое у меня сейчас настроение, я бы ответил, что именно такое, какое должно быть у человека, у которого впереди большие неприятности. Однако они еще не начались.

Но вот Мюррей издал какой-то хрюкающий звук. Я повернулся к нему, а затем... время остановилось.

У меня возникло ощущение, что по самолету что-то быстро движется. То, что я впервые встретил в Рио, вернулось. Внутри меня вспыхнул источник энергии, но мощность его излучения не возросла до взрыва. Внезапно источник отключился. В самолете уже не было таинственного пришельца.

Мюррей согнулся, медленно наклоняясь вперед. Я не видел его лица. Но облегчение длилось одно мгновение.

Сперва внутри меня что-то бешено запульсировало, и снова отключилось. С гравитацией произошло что-то непонятное. Земля вдруг начала поворачиваться вокруг нас, нависать сверху. Это тело Мюррея, навалившись на рычаги, лишило самолет управления.

Во мне бешено пульсировали вспышки энергии, и я не мог

двинуться с места.

Но я смог преодолеть себя. Я дотянулся до рычагов и взялся за них. Мозг мой раздвоился. Одна половина его находилась в самолете, следила за полетом, а другая плавала в бездонной пустоте. Но я понимал, что где-то рядом со мной находится Мюррей, с головой, упавшей на грудь, и с обмякшим в кресле телом. Мюррей мертв.

Мертв? Разумеется мертв. Я хорошо знал действие некрона.

И второй, бодрствующей половиной мозга я осознавал, что нахожусь в очень тяжелом положении. Джерри Кортленд в опасной ситуации. В штабе ждут, что Мюррей прилетит вместе с подозреваемым в убийствах. Именно я был подозреваемым, и снова произошло убийство. А когда оно произошло, в воздухе были только я и Мюррей.

Бодрствующая часть моего мозга знала, что делать. Я полностью доверился ей. Я уже не помню, как развернул самолет и направил его обратно. Но тем не менее, это мне удалось. Однако, ни время, ни расстояние не существовали для той половины моего мозга, которая плавала в бездонной пустоте.

– Ну, теперь все в порядке? – послышался голос Де Калба.

Я неуверенно выпрямился в кресле. Комната плыла перед моими глазами, но это была знакомая комната, я видел, как доктор Эссен склонилась над кушеткой, видел чьи-то блестящие ботинки и видел плечо, на котором что-то поблескивало. Должно быть, я привез Мюррея, мертвого Мюррея?

– Это... это некрон, – с трудом проговорил я.

– Я знаю, знаю, – сказал Де Калб. – Ты же нам говорил.

Неужели ничего не помнишь?

– Я не помню ничего. Кроме Мюррея.

– Мне кажется, его не спасти, – ровным голосом сказал Калб.

– Значит, он еще жив?

– Пока.

Оба мы повернулись к кушетке, где стояла Эссен со взволнованным лицом.

– Адреналин помогает, – сказала она. – Но реального улучшения не видно. Как только действие лекарства кончится, ему снова станет хуже.

– Может, отвезти его в больницу? – спросил я.

– Не поможет, – сказал Де Калб. – Доктор Эссен тоже врач. Она уже сделала все, что могут предложить ему в больнице.

Это существо нанесло удар в такое место, где не помогут ни скальпели, ни кислород, ни адреналин. Я не знаю, что делать, но и доктора тоже не знают, – он нетерпеливо передернул плечами. Это в первый раз убийца не довел дело до конца. Ты помешал ему. Но чем? Ты знаешь?

– Это происходило прерывисто, оно то уходило, то возвращалось, – я постарался как можно подробнее описать свои ощущения.

– Самолет летел, да? – пробормотал Де Калб. – Во всех предыдущих случаях жертва была неподвижна. Это кое-что

объясняет. Если некронное вещество вибрирует во времени, оно должно быть локализовано в пространстве. А самолет летел быстро, и поэтому атака не завершилась полностью. Правда, смерть все равно неминуема, несмотря ни на что.

Я кивнул.

– Но все это будет трудно объяснить в Министерстве?

– Оттуда уже звонили, – сказал Де Калб. – Я ничего не ответил. Я хотел подумать, – он ударил кулаком по столу и воскликнул: – Я не понимаю этого! Я же видел Мюррея в пещере с нами! Я видел его!

– А не может быть так, – сказала доктор Эссен, – что ты видел в пещере труп полковника Мюррея? Труп, а не спящего?

Он повернулся к ней.

– Для меня очевидно, – продолжала она, – что мистер Кортленд во всем этом является каким-то катализатором. С того момента, как он вошел в дело, все развивается с пугающей быстротой. Я думаю, что нам пора принимать окончательное решение. Как ты считаешь, Ира?

Де Калб нахмурился.

– Что с Мюрреем?

– Он умирает, – ровно ответила Эссен. – Я знаю только одно средство, чтобы оттянуть его смерть.

– Неогипноз, – сказал Де Калб. – Хорошо, если он поможет. Мы пробовали его на спящих. Но поможет ли он в данном случае, я не знаю.

– Можно попытаться, – сказала Эссен. – Это шанс. Я думаю, будь он в сознании, он не позволил бы нам отправиться сквозь время. А теперь мы можем взять его с собой. Нужно действовать, Ира.

– Сможем ли мы сохранить ему жизнь, пока доберемся до шахты?

– Думаю, да. Не могу поручиться, но...

– Нам его не спасти. Может, люди Города смогут сделать это? К тому же Мюррей был с нами, я его видел! Кортленд, ты сможешь доставить нас на этом самолете в горы Святого Лаврентия?

– Разумеется, мистер Де Калб, – сказал я почти с истерикой в голосе. – Разумеется, мистер Де Калб, куда угодно.

Вход в шахту на склоне горы был виден издалека. Он выделялся темным пятном среди бледной полярной растительности. Однако с воздуха его было легче заметить, чем добраться к нему по земле.

Мы вышли из самолета на небольшой поляне у подножия горы. Подняться на гору было довольно сложно, но что нам оставалось делать? Де Калб и я несли тело полковника Мюррея на руках, доктор Эссен с небольшим саквояжем шла рядом и все время наблюдала за Мюрреем. Однажды нам пришлось остановиться, чтобы она могла ввести ему адреналин.

Я еще не пришел ни к какому решению. Я мог сейчас просто уйти от них, но это означало, что я оставался на земле в большой опасности. Пока я решил думать о чем-нибудь дру-

гом, чтобы не принимать окончательного решения, и идти с ними до шахты.

– Это не будет выглядеть так, что я как бы бегу от наказания? – спросил я Де Калба, когда мы остановились у шахты, чтобы перевести дух. Верхушки деревьев перешептывались над нашими головами. Солнце посылало нам свой теплый свет. – Ведь если ваша теория верна, то как только я войду в шахту, мое «альтер эго» выйдет из нее. Мне остается надеяться, что у него есть хорошее алиби.

– У него есть алиби, у тебя – будет. Но сейчас нам надо думать о другой операции. Некрон, Кортленд, некрон! Инфекция разума. Инфекция самой Земли, может, даже инфекция самой плоти.

Что же я выпустил в мир, когда открыл ящик, я узнаю через десять минут – и через миллион лет. Как только мы спустимся в шахту! – он покачал головой, – Идем!

8. Фантастическое путешествие

Я не думаю, что действительно намеревался пускаться в это фантастическое путешествие по оси времени. Я помог спустить полковника Мюррея по стволу шахты вниз, но мне казалось, что все это происходит во сне, я не считал это реальностью. Я был уверен, что проснусь в своем номере в гостинице Рио.

На дне шахты находилась узкая пещера. Лучи наших фонариков выхватывали из тьмы грубые шершавые стены. Мы внесли Мюррея в пещеру и уложили его на место, куда указал Де Калб. Доктор Эссен сразу склонилась над пациентом. Затем она подняла его голову и кивнула.

– Есть еще время, – сказала она. – Де Калб махнул рукой и, светя фонариком на стены, сказал: – Время! Вот где время! Эта пещера и все находящееся в ней, расположены на оси, вокруг которой вращается сфера времени, вращается в прошлое и будущее.

Это было сказано немного напыщенно, но тем не менее впечатляло. И доктор Эссен, и я, молча, слушали его, стараясь вникнуть в смысл его концепции. Но Де Калб уже приступил к действиям.

– Сейчас, – сказал он, – с Мюрреем все в порядке. – Он опустился на колени возле саквояжа, который несла Эссен, раскрыл его, откинул все четыре стенки: и я увидел какие-то

странные приборы, поблескивающие стальными поверхностями. Де Калб начал собирать непонятную мне конструкцию, скрепляя вместе стержни и подвешивая на них блестящие баллоны.

Все вместе это напоминало дерево.

– Ну, Летта, – сказал он, закончив работу, – теперь твоя очередь.

– Ира, – колеблясь, сказала она, – Хорошо.

Пока они работали, я светил им фонариком.

Прошло довольно много времени, когда Де Калб удовлетворенно хмыкнул. Послышалось тонкое звучание, и дерево стало двигаться. Я от удивления выронил фонарик. Тогда Де Калб протянул руку и выключил его. Доктор Эссен тоже выключила свой фонарик. Стало темно. Только медленно движущееся дерево поблескивало огоньками.

Постепенно темнота в пещере стала сереть, как будто огоньки дерева постепенно растворялись в пыльном воздухе пещеры и насыщали тьму своим светом. Становилось ясно, что мы находимся в овальной полости, окруженной темной шахты.

В сером полумраке я рассмотрел доктора Эссен, которая сидела, положив руки на толстый металлический лист, лежащий у нее на коленях. По листу были натянута провода, как струны, и она, как будто играла на них, перебирая пальцами. Звуча не было слышно, но света становилось все больше и больше.

– Теоретически, – сказал доктор Эссен, – все это было разработано много лет назад. Но только сейчас, когда мы находимся в особом типе пространства, можно практически реализовать это устройство. Еще в 1941 году я опубликовала несколько статей по этому вопросу: матричной структуре атомов. Но тогда практическое применение моего открытия было невозможно. Только здесь, на оси времени, я могу проверить правильность своей теории.

Я создала матричную структуру вещества, но период ее колебаний можно регулировать...

– Кортленду совсем не обязательно все знать об этом, – сказал Де Калб неожиданно весело. – В теории еще много такого, чего и я не могу понять. Мы направляемся в «терра инкогнита» – но я все же думаю, что мы попадем таки в город Лица.

Каким-то непонятным образом мы пока что выполняем правила игры – хотя и вопреки логике. Каким-то образом все расположились так, что мы четверо вошли в полость, где лежали спящими – неощутимые и невидимые ни для кого. Только в ультрафиолетовом свете можно было увидеть наши тела.

Мюррей может, конечно, умереть. Но так как некронное существо выпадает из времени, может быть, полковник излечится. Некоторые яды в больших дозах могут быть и лекарством. Возможно, долгая каталепсия вне времени вылечит Мюррея. Я думаю, что люди Города предвидели такой

поворот событий. Ты засыпаешь, Кортленд?

Я засыпал. Мягкий монотонный звук, издаваемый вращающимся деревом, действовал на меня гипнотически. Но тогда этого я не понимал. Внезапно я захотел встать и уйти. Но тут же понял, что решение уже принято за меня.

Нервы мои напряглись. Я вовсе не хотел пускаться в это сумасшедшее предприятие. Самоубийца нередко отказывается от своего намерения в последний момент. Я напряг все свои силы и с трудом сдвинулся со своего места на четверть дюйма. И тут же услышал голос Де Калба:

– Нет, нет. Матрица пространства уже сформировалась.

Голова моя звенела. Серый свет, как паутина, слепил мои глаза.

И сквозь него где-то вдали во времени и в пространстве я увидел какое-то движение. Это было...

Возможно, это были мы сами на другом конце замкнутого круга времени. Мы просыпались после своего путешествия длительностью в миллион лет. Но это двигались они. Я не двигался.

Я был запечатан во времени и в пространстве. Я чувствовал, что мое сознание угасает, как пламя свечи, как угасающий фонтан. Оно уходило от меня все дальше и дальше. Я погружался в небытие.

И следующее, что я должен увидеть, подумал я откуда-то издалека, будет Лицо Эа, смотрящее в кроваво-красные сумерки конца мира. Затем пламя окончательно угасло, фон-

тан иссяк, и с тихим шепотом последние струи утекли куда-то в глубины моего мозга.

– И теперь нам нужно ждать, – где то в бесконечной дали прозвучал голос Де Калба. – Теперь нам нужно ждать – миллион лет.

9. Странное пробуждение

Волны с тихим шепотом накатывали на таинственный берег. Должно быть, подумал я, это во сне.

Сон?

Я не мог ничего вспомнить. Этот шепот был словами, но смысл их скользил по поверхности моего мозга, не оставляя ничего после себя. Зрение? Я не видел ничего. Где-то вдали угадывалось какое-то шевеление, но оно для меня не имело никакого смысла. Ощущение? Разве что тепло и ничего больше. Только голос – очень тихий – может быть даже музыкальный инструмент.

Но слова были на английском языке.

Но разве что-нибудь могло удивить меня сейчас? Нет, я был совершенно пассивен. Ощущения приходили и уходили обратно во тьму, окружавшую меня, оставаясь за стеной моих чувств. Какой мир? Какое время? Что за люди? Пока для меня это все не имело смысла.

– ...ждать здесь так долго, – сказал чей-то печальный голос, такой нежный и мягкий, что у меня напряглись голосовые связки, как будто я хотел ответить ей. Затем голос изменился. Он стал умолять – я, даже находясь в ступоре, понимал, что ни один человек не смог бы отказать обладательнице такого голоса в том, о чем она просила.

– Значит, теперь я могу идти, Лорд? О, пожалуйста, поз-

воль мне уйти! – английский язык был очень странным – с одной стороны, архаическим, а, с другой стороны, более сложным, чем язык моего времени. – Отдых в течение часа в Лебедином Саду, – продолжал молящий голос, – и я снова приду в себя. – Послышался вздох, мелодичный, почти музыкальный.

– Мои волосы – взгляни на них, Лорд! Они совсем потускнели! Никакого блеска! Только один час в Лебедином саду – и я снова смогу служить тебе! Можно мне идти, Лорд? Можно мне идти?

Никто не смог бы отказать ей. Я, зачарованный музыкой этого голоса, лежал. И тут, как будто мне плеснули холодной водой в лицо – я услышал грубый мужской голос.

– Придержи язык, придержи язык. И не пытайся задобрить меня, называя Лордом.

– Но уже столько времени прошло, я умру, я знаю, что умру! Ты не можешь быть таким жестоким. Я все равно буду называть тебя Лордом. А почему нет? Ты теперь мой Лорд. Ведь в твоих руках находится моя жизнь или... – вздох ее мог разорвать любое сердце.

– Мои бедные волосы, – сказала она. – Звезды совсем покинули их. О, какая я стала страшная! Что будет, если он сейчас проснется и увидит меня такой? Лорд, позволь мне провести один час в Лебедином Саду и...

– Успокойся. Я хочу подумать.

Наступила тишина. Затем сладостный голос что-то про-

бормотал на незнакомом мне языке. Мужчина сказал:

– Ты же знаешь правила.

– Да, Лорд. Прости.

– Хватит дерзостей. Слушай меня. Когда этот человек проснется, приведи его...

– В Лебединый Сад? О, Лорд Пайтнер! Я буду любить тебя вечно!

– Это не обязательно, – сказал хриплый голос. – Только приведи его туда, куда надо. Ты поняла?

– Я должна идти через Город? О, я умру, не сделав и десяти шагов. Мои бедные туфли... О, Лорд Пайтнер, почему не прямая передача?

– Если тебе нужны новые туфли, ты получишь их. Я не хочу тебе снова напоминать, что это секретное поручение. Мы не хотим, чтобы кто-нибудь случайно настроился на нашу частоту. Передатчик в Городе настроен на...

Голос стих вдали, и вместе с ним стих голос девушки. Некоторое время стояла тишина, а затем послышался звук шагов и легкий женский смех, похожий на журчание воды в фонтане.

– Старый дурак, – сказала девушка и снова рассмеялась. – Если ты думаешь, что я., – снова она заговорила на незнакомом языке, которого я раньше никогда не слышал.

Затем я ощутил, что могу шевельнуться, что тело вновь подчиняется мне.

Я открыл глаза и взглянул в лицо девушки. Логика была

абсолютно беспомощной. Она не могла объяснить мне мои ощущения. Позже я понял, в чем дело, я узнал, кто она и почему сердца мужчин тают перед ней. Было невообразимо приятно смотреть на это прекрасное лицо, на эти красиво очерченные губы, на эти глаза, постоянно меняющие свой цвет, на эти гиацинтовые волосы, в которых еще кое-где вспыхивали звезды.

Она склонилась надо мной, украшенные кольцами пальцы тронули мое плечо. Голос ее был нежный, мягкий, полный теплоты и доверительности. Все мое замешательство растаяло. Сейчас, когда надо мной склонилось это прекрасное лицо, я забыл, кто я, где я, что со мной произошло. Вероятно, она и была здесь для того, чтобы произвести подобный эффект.

Я узнал это лицо.

Но в данный момент я даже не пытался как-то объяснить себе происходящее. Мне казалось, что язык у меня распух и не может шевельнуться во рту, а разум слегка одурманен. От чего это? От сна (или мне ввели какой-то наркотик, пока я был в бессознательном состоянии). Не знаю. Во всяком случае, сейчас я мог только смотреть. Даже удивляться у меня не было сил. Я смотрел на это прекрасное лицо, знакомое мне, и слушал этот красивый, отдаленно знакомый голос.

– С тобой уже все в порядке, – произнесла мурлыкающе она, глядя на меня своими изменяющимися глазами.

– Совершенно все в порядке. Не беспокойся. У тебя хва-

тит сил, чтобы сесть? Я хочу тебе кое-что показать.

Я оперся на локоть и медленно с помощью девушки выпрямился и сел. Затем осмотрелся.

Я был одет в незнакомую темную одежду и сидел на низкой кушетке, которая представляла собой блок твердого, но эластичного материала, и мы были одни в этой маленькой комнате, стены которой были сделаны из того же материала, что и кушетка – твердые, но тем не менее эластичные. Все было выкрашено в одинаковый цвет – цвет сна, подумал я.

Девушка же сама была, как солнечный луч. У нее была гладкая нежно-золотистая кожа, и одета она была в тонкую шелковую вуаль бледно-желтого цвета, легкую, как паутинка. В волосах ее вспыхивали и угасали звезды. Глаза ее сейчас были ярко-голубыми, но когда я встретился с ней взглядом, они потемнели и превратились в фиолетовые.

– Посмотри, – сказала она. – Вот сюда, на стену.

Я повернулся и посмотрел. В дальней стене находилось круглое отверстие. А в нем я увидел грубую каменную стену, серое свечение и четыре неподвижные фигуры, лежащие в пыли. В первый момент для меня все это не имело смысла. Мой мозг еще находился во сне. А затем...

– Пещера! – внезапно сказал я. Да, это была пещера. Маленькое сверкающее дерево было последним, что я увидел перед тем, как я погрузился в сон. из которого я каким-то образом был перенесен сюда. Рядом с деревом лежал Де Калб.

Рядом – доктор Эссен. Металлическая плита с натянуты-

ми проводами все еще находилась у нее на коленях, лицо ее было прикрыто локтем, а волосы – в пыли. В ее угловатом теле обнаружилась сейчас неожиданная грация и привлекательность. Она совершенно расслабилась во сне, который длился уже много – несколько тысяч? – лет.

Глаза мои задержались на мгновение на ее лице, затем я перевел взгляд на Мюррея, который лежал неподвижно, а затем я снова посмотрел на доктора Эссен, стараясь понять, чем же оно меня встревожило. Оно было... оно было...

Но еще одна фигура привлекла мое внимание, и я тут же забыл о загадке лица Эссен. Ее вытеснило из моей головы изумление, я внезапно узнал того, четвертого, что лежал на пыльном полу пещеры. Я смотрел на него, будучи не в силах произнести ни слова.

Ведь до того момента я мог предполагать, что мы все просыпаемся, медленно, мучительно, и я был первым, кто проснулся. Однако четвертым человеком, которого я увидел в пещере, был Джерри Кортленд! Я!

Я с трудом поднялся на ноги и обнаружил, что вполне могу управлять собой. Девушка с участием улыбнулась мне.

– Со мной все в порядке, – сказал я, – но я еще там.

Я помолчал.

– Остальные тоже проснутся? Де Калб... Доктор Эссен...

Они...

Она колебалась.

– Проснулся только ты, – сказала она, наконец.

Я неуверенно подошел к стене и заглянул в пещеру. Но пещеры там не было.

Я понял это, когда подошел поближе к стене. Я увидел, что в стену вмонтирован экран – вроде телевизионного, только изображение в нем было очень четким, с ощущением глубины пространства.

И если это изображение было отдалено от меня в пространстве, оно, может быть, отдалено и во времени. Возможно, я смотрю сцену, которая произошла неделю назад, а может и больше. Это было очень неприятное ощущение: я почувствовал, как рвется моя тонкая связь с миром. Я посмотрел немного испуганно на девушку.

– Раз я сейчас не в пещере, значит и они тоже? Эта сцена была снята, когда мы все еще не проснулись, – я почувствовал, что говорю не то. – Прости, – сказал я и потер рукой лицо, – что же случилось?

10. Музей

Она ослепительно улыбнулась мне. И я сразу понял, кто она и почему мои глаза так долго задержались на лице доктора Эссен, стараясь разгадать ее загадку.

Я встретился с пронзительными сияющими глазами девушки и понял, что смотрю сейчас в глаза Летты Эссен.

Но мгновение полной уверенности прошло. Глаза девушки изменили цвет со светящегося голубого – в серый, длинные ресницы опустились – и вся моя уверенность сразу прошла. Однако подобие осталось. Эта девушка – Летта Эссен.

Мой смятенный мозг сначала пытался найти хоть какое-нибудь объяснение тому факту, что сейчас доктор Эссен стояла передо мной молодая и красивая. И только ее пронзительный взгляд остался прежним.

Видимо, подумал я, это все же доктор Эссен, проснувшаяся до меня и оставившая своего двойника в пещере. Конечно, это доктор Эссен, превратившаяся в молодую девушку для каких-то своих целей. Сейчас она заговорит со мной и обо всем расскажет...

Но нет, это же не маска. Это была именно девушка, молодая, прекрасная. Черты ее лица были именно такими, какими были они у доктора Эссен, будь она на двадцать лет моложе и посвети она себя служению своей красоте, а не науке.

Но затем я снова уловил вспышку пронизательных серых

глаз и понял, что это все же Летта Эссен – не похожая на нее девушка – а она сама. Ведь мозг человека уникален, он не может воспроизвестись в другом человеке: я смотрел в глаза Летты Эссен, каким бы невозможным мне это ни казалось.

– Доктор Эссен? – осторожно спросил я. – Доктор Эссен? Она рассмеялась.

– Ты еще спишь, – сказала она. – Как ты себя чувствуешь? Лорд Пайтнер, старый дурак, ждет нас. Мы должны поторопиться.

Я только разинул рот. Что я мог сказать? Если она не хочет ничего объяснять, как я могу заставить ее говорить? И все же я был уверен...

– Я здесь, чтобы приветствовать тебя, – сказала она. Она говорила так, как будто я был иностранцем, с которым она должна быть вежлива, но реального интереса я для нее не представлял. – Меня учили делать такую работу: помогать людям обрести себя и чувствовать себя спокойнее. Все это большая тайна – но Лорд Пайтнер все объяснит тебе. Я только посредник. Но хороший. Очень хороший.

– Лорд Пайтнер вызвал меня, когда понял, что ты просыпаешься. Он думал, что его страшная физиономия тебя так перепугает, что ты не ответишь ни на какие вопросы. – Она хихикнула. – Во всяком случае, мне кажется, что он именно так и думал, – она помолчала, глядя на меня пронизательным испытывающим взглядом, какой я часто ловил на себе, когда передо мной была доктор Эссен. Затем она пожала

плечами.

– Он расскажет тебе ровно столько, сколько тебе нужно знать. Для меня это все слишком сложно, – она посмотрела на экран, где были видны неподвижные фигуры, лежащие на полу, и мне показалось, что я заметил замешательство на ее лице, когда она переводила взгляд с одного лица на другое. Затем она снова пожала плечами.

– Нам нужно идти. Если мы задержимся, Лорд Пайтнер меня побьет, – казалось, она была очень обеспокоена такой перспективой.

– И пожалуйста, не задавай вопросов, – добавила она. – Мне запрещено отвечать тебе. Даже если я знаю, что сказать.

Я смотрел на нее так пристально, что глаза мои заболели от тщетных попыток увидеть больше, чем они могли увидеть и проникнуть в глубины ее мозга. Я был уверен, что это был мозг Летты Эссен. Она беззаботно улыбнулась мне и отвернулась.

– Идем, – сказала она.

Мне ничего не оставалось, как повиноваться. Очевидно, я должен играть в ту же игру, в какую играет она. С некоторой иронией я спросил ее:

– Ты можешь сказать мне свое имя?

– В эту неделю я Топаз, – сказала она. – На следующую неделю буду кем-нибудь еще. Но пока можешь называть меня Топаз.

– Благодарю, – сказал я сухо. – А в каком году ты живешь,

Топаз? И в какой стране? Где я?

– Лорд Пайтнер скажет тебе. Я не хочу, чтобы меня побиили.

– Но ты говоришь по-английски. Значит, я где-то недалеко от дома.

– О, английский знают все, – ответила она. – Это язык Матери-Планеты. Во всей Галактике говорят по-английски. Это общий язык... О, меня побьют. Идем!

Она повернулась и потащила меня за руку. Она тащила меня к стене, на которой виднелась кнопка, и то, как она двигалась, как тянула руку к кнопке, было похоже на танец.

В стене открылся проход. Топаз повернулась ко мне.

– Это Город, – сказала она.

Я видел зачатки такого Города и в наше время: Чикаго, Манхеттен, Детройт. Но тогда все это выглядело уродливо, грубо. А этот Город был Городом машин, металлическим Городом, по жилам которого струится невидимая энергия.

Безобразный Город? Нет, скорее пугающий.

Топаз провела меня к какому-то устройству в виде чаши, обитому изнутри подушками. Мы сели в него, и этот кар стартовал. Не знаю, были ли у него колеса. Он мог двигаться в трех измерениях, поднимаясь в воздух, чтобы преодолеть препятствие на своем пути. Он по причудливой траектории мчался по этому звучащему городу.

Самым странным в Городе был звук. Я смотрел по сторонам, чисто автоматически отмечая те достопримечательно-

сти, о которых следовало бы упомянуть в будущих статьях, которые я никогда не напишу. В Городе звучал один звук, чистый, протяжный и громкий. Это был, конечно, не звук музыкального инструмента, но он постоянно менялся по частоте.

Я спросил Топаз о нем. Она посмотрела на меня взглядом Летты Эссен и сказала:

– О, это для того, чтобы переносить шум. Нельзя избавиться от звука, не ослабив эффект, поэтому звук преобразуется в гармонический, приятный для слуха. Это частотная модуляция. По-моему, так это называется. Единственная возможность избавиться от этого шума в Городе – это накрыть его звуконепроницаемым колпаком. Но это сильно ослабило бы эффект, как ты, наверное, знаешь.

– Я не знаю, – сказал я. – Что за эффект? Она повернулась ко мне и тут же испугалась.

– О, я вижу, ты не понимаешь. Тогда я не буду ничего говорить. Пусть это сделает Лорд, это будет для тебя неожиданностью.

Я не стал спорить с ней. Я был слишком занят наблюдениями за городом. Я не могу описать его, даже не буду пытаться. Вы можете сами представить его себе, если захотите. Исключительная точность, совершенство линий, функционализм, одна всемогущая машина, состоящая из множества других.

В Городе не было видно людей. Под куполом серого неба

были только мы двое. Серый свет дня был чистым и каким-то компактным, сгущенным, и в этом серо-стальном воздухе раздавался звук Города, звук этого мира, который не был моим миром и находился не в моем времени.

Где же кроваво-красный закат конца этого мира? Где Лицо Эа? Откуда донесся крик о помощи?

Может, тот мир находится где-то вне Города? С осью времени произошло что-то странное. Но стоп! Если я начну об этом думать, то сойду с ума от страха. Все происходящее вышло из-под контроля, и мнѐ ничего не оставалось, как плыть по течению.

Мы приблизились к зданию из стекла и стали. Топаз легко выскочила из кара и взяла меня за руку. Она подвела меня прямо к низкой двери. Дверь пропустила нас и тут же закрылась. Мы оказались в лифте, который, судя по моим ощущениям в ногах и в желудке, быстро поднимался вверх.

Панель отодвинулась, и мы оказались в маленькой комнате, подобной той, где я проснулся.

– Ну вот, – с облегчением произнесла Топаз, – мы и на месте. Ты вел себя хорошо и не задавал много вопросов. Так что прежде чем покинуть тебя, я покажу тебе кое-что.

Она коснулась кнопки на стене, и панель отодвинулась. За ней оказалось толстое стекло. Топаз нажала еще одну кнопку, и стекло скользнуло вниз. Свежий ветер ударил нам в лицо. Я затаил дыхание и прильнул к окну.

Мы находились где-то высоко над Городом, так что передо

мною раскинулись его окрестности, покрытые прекрасными зелеными лугами, на которых тут и там виднелись желтые цветы, живописные ручьи, сверкающие в лучах солнца. Мне кажется, что я слышал даже пенье птиц.

– Это мир, – сказала Топаз. – Мир, в котором мы живем. А Город – это музей.

– Музей? – переспросил я. – Какой музей?

– Город. Он только один, у нас. Здесь одни машины и роботы. Разве это не ужасно? Раньше, в варварские времена, всегда так строили города. Мы сохранили один из них. Он работает, как и раньше. Вот почему нельзя закрыть его колпаком: тогда пропадет весь эффект воздействия на зрителя. В Городе никто не живет. Сюда только возят студентов и экскурсии. Наш мир не здесь.

– Но где же живут люди? Не в деревне же?

– О, нет. Мы живем не так, как в темные времена. Теперь у нас есть передача. И нам не нужно скопляться всем в одном месте.

– Передача?

– Это передатчик, – она обвела рукой комнату, где мы находились. – А та комната, где ты проснулся – приемник.

– Приемник чего? Передатчик чего? – я чувствовал себя Алисой в Стране Чудес.

– Материи, конечно. Гораздо проще, чем передвигаться пешком, – она снова нажала на кнопки, и панель со стеклом вернулась на место, скрыв от меня прекрасный пейзаж. – А

теперь, – сказала она, – нам нужно идти. Правда, я не знаю куда. Лорд Пайтнер...

– Знаю, старый дурак.

Топаз хихикнула.

– Приказ Лорда Пайтнера уже на пленке. Сейчас узнаем, – она снова нажала на кнопку. – Идем.

В голове у меня завертелось. Звук этого древнего, чудесного, ужасного Города замер вдали.

11. Тридцатисекундная интерлюдия

Это было немного похоже на быстрый спуск на лифте. Сознания я не терял, но физические ощущения от передачи были таковы, что я полностью потерял ориентировку и теперь не могу воспроизвести в деталях все подробности передачи. Все, что я помню, это мгновенная вибрация стен комнаты, внезапное исчезновение силы тяжести и сильное головокружение.

Затем, без какого-либо изменения в ощущениях пространства, стены комнаты успокоились. Но они уже не были бледно-серыми и эластичными. Теперь стены состояли из перекрывающихся металлических пластин, на которых там и тут виднелись следы ржавчины. Эта комната была заметно меньшего размера, и я был в ней один.

– Топаз, – сказал я, осматриваясь, – Топаз! – а затем, не получив ответа: – Доктор Эссен, где вы?

Никакого ответа, только эхо моего голоса.

На этот раз мне было труднее прийти в себя. Я не знаю почему. Видимо, такие вещи, как изумление, тоже накапливаются. Второй раз я совершил прыжок в неизвестное, и, по-видимому, снова меня переборосило не туда, куда надо.

Я смотрел на стены и старался перебороть паническое

ощущение: на этот раз я переместился по временной оси и очутился в той же комнате в Городе-Музее, но уже во времени, когда этот мир укр. Я остался один, запертый в этот ржавый железный гроб.

Положение мое было не из приятных.

Мне требовалось что-то, чтобы разрушить мои жуткие предположения. Очевидно, первое, что мне нужно сделать – это выйти отсюда. Я сделал шаг к ближайшей стене... и едва не упал. Снова что-то случилось с силой тяжести. Я слишком много стал весить. Колени мои буквально подгибались, будучи не в силах держать мой удвоенный вес. Я собрал все силы и с трудом двинулся к стене, отчаянно сопротивляясь силе, которая прижимала меня к полу.

Я нажал на стену, послышался скрип ржавых петель, и дверь отворилась.

Все, что происходило, происходило очень быстро. Только позже я осознал это. В следующие тридцать секунд произошло главное событие в этом мире – во всяком случае из тех, что касались меня лично.

Через открытую дверь проникал воздух, и слышалось непрерывное жужжание, гудение, постукивание. Я мог предположить что угодно.

Я стоял на пороге огромной комнаты. По ней во всех направлениях тянулись громадные железные заржавленные балки. Такие громадные, что при взгляде на них сразу на ум приходили воспоминания об архитектуре Египта. Эти балки

тянулись вдоль комнаты по всем направлениям и, по-видимому, предназначались для передвижения по ним.

Но я обратил внимание на то, что почти все они заржавели, и только те, по которым мог пройти человек, были отполированы до блеска.

Через большие окна в стене комнаты я мог видеть город.

Топаз сказала, что у них нет городов, кроме музея. Может, так оно и есть. Может, я опять вернулся по временной оси, и теперь смотрю на город, который подобен музею, но который живет, хотя и очень стар. Огромный город, может быть даже некрополь, в том смысле, в котором употребил этот термин Де Калб. Везде были запустение, грязь, ржавчина, брошенные дома.

Небо было черным. Однако был день, и в туманных небесах виднелось очень тусклое и слабое двойное солнце.

Но на улицах я видел людей. При виде их я вновь обрел самообладание. Но вскоре я заметил нечто странное и забеспокоился снова. Эти люди двигались как привидения. Они то пропадали, то снова появлялись. Я с изумлением смотрел на них, пока не понял, в чем дело.

Я ожидал увидеть в городе будущего либо машины, перевозящие людей, либо подвижные тротуары. Здесь же я увидел на улицах установленные через равные промежутки какие-то диски. Человек становился на диск и исчезал. Затем он через мгновение оказывался на другом и спешил на следующий диск.

Передача материи – используется для передвижения людей.

Быстрым взглядом я окинул город. Я увидел много любопытного, но не стану описывать это. Самое главное, что я осознал после тридцатисекундного пребывания здесь – это существование самого Города.

И еще я должен отмстить два важных момента. Первый – это возросшая активность в громадной комнате. А второй момент – это то, что происходило совсем рядом со мной.

В дальнем конце комнаты что-то происходило. Я не мог рассмотреть, что там было, из-за большого расстояния, а так же из-за скопления людей в темных одеждах. Они столпились вокруг чего-то.

Там был большой стол, вроде операционного, и на нем лежал человек или труп. Над столом висела сеть – паутина из какого-то тонкого светящегося вещества, а может быть, света. Мне пришло в голову, что это модель нашей нервной системы.

Нижние концы блестящих нитей соединялись с телом на столе. Вверху же они исчезали в лабиринте балок. И я не мог рассмотреть, чем они кончаются. Некоторые нити были цветными, некоторые просто блестящими. И яркость, и цвет непрерывно перемещались по нитям, ярко вспыхивая на пересечениях, и снова плыли дальше, следуя причудливому лабиринту.

Но все это было не так важно для меня, как то, что стояло

рядом со мной, ожидая меня.

Это самая трудная часть моего рассказа. Мне хочется се изложить наиболее четко.

На меня смотрел высокий человек. Он стоял здесь, когда открылась дверь. Видимо, ждал меня. Он был одет так же, как и остальные – в темную обтягивающую одежду. Он был довольно красив, и на лице его не было никаких эмоций, как на лицах греческих статуй или Будды.

Это был Ира Де Калб.

Все в голове у меня закружилось. Я не мог ничего понять. Этого не могло быть! Этот Де Калб не мог быть Де Калбом, как Топаз не могла быть доктором Эссен. Но в этом случае не было ни каких отличий в физическом смысле этого Де Калба от того. Э го был тот самый Де Калб, которого я виде г. спящим в пещере, с которым отправился в путешествие по Оси Времени. Ни моложе, ни старше. Ничто в нем не изменилось. За исключением одной мелочи.

У того Де Калба, которого я знал, били глаза, подернутые пленкой, как у птицы. Они были серыми с легкой тусклой голубизной. Этот Де Калб смотрел на меня с безразличной холодностью, как будто видел меня впервые в жизни, имел странные глаза.

Они были сделаны из металла.

Они были сделаны из стали, нет, даже не из стали, а из какого-то неизвестного мне сплава, блестящего, как серебро. Я видел в них свое отражение, маленькое и движущееся.

Я сделал глубокий вздох и открыл рот, чтобы заговорить.

Но не издал ни звука. Он стоял передо мной неподвижно, но не как живой человек. Так стояла бы металлическая статуя, у которой невозможно заметить ни малейшего движения – даже вздымающейся при дыхании груди.

И мне тут же припомнилось, что и тот, земной Де Калб, двигался крайне необычно, как автомат.

Затем металлические глаза пришли в движение. Нет, это шевельнулся я.

Не шевельнулся, а пошел к нему. Но это не было движение в полном смысле этого слова. Я как будто падал вперед, произвольно подставляя ноги под себя, под центр тяжести. Меня буквально тянуло к нему. Я вроде бы катился вниз по склону, будучи не в силах остановиться.

Его глаза на абсолютно бесстрастном лице двигались, и мое маленькое отражение в них все увеличивалось. По мере того, как я приближался к нему, я падал в безвоздушную бездну.

Глаза его были устремлены в мои глаза, они гипнотизировали меня, проникали глубоко в мой мозг, зондировали его.

И затем я почувствовал, что он смотрит моими глазами. Как будто он проник в ту часть моего мозга, которая воспринимает импульсы моих зрительных нервов.

Телепатическая связь? Не знаю. Я знаю только то, что Де Калб проник в мой мозг.

Я резко повернулся и бросился в комнату, которая была

передатчиком, и закрыл за собой дверь. Я был здесь один. Но металлические глаза смотрели на комнату моими глазами. Я не мог контролировать свои движения и с удивлением смотрел, как моя рука потянулась к стене, и мой палец нажал на кнопку. Однако, когда стены комнаты стали вибрировать, и в моей голове все закружилось, что говорило о близости момента передачи, я почувствовал, что мое тело к моя воля снова стали свободными. Я был свободен и мог делать то, что хотел, говорить, что хотел...

Но только не о том, что случилось только что. Видимо, он ввел в мой мозг запрет. Но это для меня было просто.

И все это случилось за тридцать секунд. Все, что я рассказал сейчас – это мысли и заключения, которые пришли ко мне потом, когда у меня было время подумать над этим. Я побывал в комнате со ржавыми балками, видел город, расположенный на планете, не входящей в солнечную систему, видел лабораторию, укрепленную так, чтобы она могла выдержать повышенную силу тяжести. Я встретил взгляд Ира Де Калба... и вернулся в передатчик.

Стены комнаты завибрировали и исчезли.

12. Лебединый Сад

Топаз всплеснула руками в искреннем восхищении.

– Выходи быстрее! – воскликнула она. – Это же Лебединый Сад! Чего же ты ждешь? Я беру назад все, что говорила о Лорде Пайтнере. Посмотри, разве здесь не прекрасно?

Я молча вышел вслед за ней.

Прошло так мало времени, что я был уверен, что она даже не заметила моего отсутствия. Что-то вмешалось в функционирование передатчика, выдернуло одного из нас и позволило другому продолжить путь. Но Топаз сразу открыла дверь и выскочила наружу. А затем, охваченная прелестью увиденного, она не обратила внимания на мою кратковременную задержку.

А я... Неужели я действительно успел совершить путешествие по Галактике? Не приснилось ли мне все это? Может, все это возникло в моем мозгу в то время, когда тело мое спит на временной оси в ожидании конца мира? Готовясь ко сну, я уже научился полностью игнорировать время, как основной фактор нашей жизни.

В этом мире мне, видимо, придется игнорировать пространство. В этом мире передатчиков материи пространство не значит ничего. Можно жить на Центавре и получать на завтрак свежие рогалики из булочной Чикаго.

Можно переместиться на Сириус к другу, чтобы взять у

него почитать книгу, потому что это проще, чем сходить за угол в библиотеку. В мире уничтоженного пространства время тоже теряет свой смысл и значение. Точно так же, как, уничтожая время, мы можем пренебрегать пространством.

Я пришел в мир, где все для меня было невероятным. Только сейчас я за тридцать секунд переместился и во времени, и в пространстве, и девушка, сопровождающая меня, даже не заметила этого. Девушка, которая называет себя почему-то Топаз.

Я был слишком потрясен, чтобы спорить с ней. Хотя мой разум уже обрел некоторую устойчивость и мог управлять своими эмоциями, я все же ощущал неуверенность в нем, в его правильном функционировании. Я тупо шел за Топаз, разглядывая прелестный пейзаж, и зная, что вместе со мной на все это смотрят металлические глаза. Бесстрастные металлические глаза.

Топаз оборачивалась ко мне, полная восторга, и ее легкая вуаль сверкала на солнце. Она пробежала пальцами по волосам, спугнув пару звездочек, улыбнулась мне через плечо и устремилась к чему-то, что было похоже на занавес из белых нитей.

Легкий ветерок шевелил его складки. Подойдя ближе, я обнаружил, что это рощица небольших, в рост человека, деревьев, похожих на пальмы. Но стволы их, листья, цветы были белыми, как хлопья снега. Все они отличались друг от друга и напоминали большие кристаллы.

Мы шли по узкой тропинке, и Топаз любовно касалась рукой цветов. Земля под ногами была мягкой и приятной. Вскоре мы вышли на поляку, где среди причудливо разбросанных камней извивался ручей, весело журча. Ветер немного усилился, к деревья стали таинственно перешептываться, удивительное очарование этой поляны полностью захватило меня.

– Садись, – предложила Топаз. – Я не знаю, почему Лорд Пайтнер послал нас сюда, но полагаю, что он присоединится к нам, когда сочтет, что мы готовы. Разве здесь не прекрасно? Теперь в моих волосах снова засверкают звезды. О, садись прямо сюда...

– На этот камень?

– Нет, на это кресло. Смотри, – она опустилась на один из камней, и тот легко подался под ее весом, принимая форму ее тела. Он как бы обнял девушку.

Я ухмыльнулся и тоже сел., чувствуя, как эластичное вещество облегло все выпуклости моего тела, хотя они были далеко не так соблазнительны, как у Топаз. Я решил не думать ни о чем. События, которые разворачивались помимо моей воли, привели меня в этот мир и поставили в довольно сложное положение.

Единственное, что мне оставалось делать – это расслабиться и не сопротивляться, пока не придет время действовать. Я надеялся, что пойму, когда настанет этот момент. Расспрашивать о чем-нибудь это прекрасное, но легкомыс-

ленное создание не имело смысла. Может, когда появится Лорд Пайтнер...

– Возьми фрукты, – сказала Топаз, указывая на ручей.

Я взглянул. Это был вовсе не ручей. Можно было назвать его текущим кристаллом, который висел в воздухе на высоте трех футов от земли без всяких опор. Он начинался из земли под самыми деревьями и, причудливо огибая камни, скрывался под землей на другом конце поляны. С того места, где я сидел, я мог коснуться его извилины.

По течению двигался шар, большой, как апельсин, но бледно-зеленого цвета. Топаз вытянула руку, дождалась, когда он подплывет поближе, и вытащила его из потока. Она подала мне его, холодный и сверкающий каплями воды.

– Съешь его, если хочешь, – сказала она. – И вообще, делай что хочешь. Я ненадолго отлучусь. О, я была так внимательна к тебе. Я провела возле тебя столько часов, дожидаясь пока ты проснешься, что мои волосы потускнели и стали ужасными, – она тряхнула своими кудрями, и лицо ее прояснилось.

– Я покажу тебе, – пообещала она, – я вся обсыплюсь звездной пылью. Но нужно хорошенько все подготовить, чтобы выбрать нужный цвет и нужную форму. А может, мне украсить руки кометами, как перчатками?

Где-то между деревьями, откуда мы пришли, послышался чистый звук гонга. Топаз посмотрела туда.

– О, – сказала она, – Лорд Пайтнер.

Я почувствовал, что мой мозг оживился. Шпион, который узурпировал мой мозг, приготовился к действию. Но... к какому?

Я откусил бледно-зеленый плод, который дала мне Топаз. Это меня не касается. Это касается Де Калба. Мне нужно узнать побольше, прежде, чем предпринимать что-либо. Я вонзился зубами в сочную мякоть и ощутил слабый привкус алкоголя. Это было восхитительно вкусно.

– Лорд Пайтнер, приветствую тебя в Лебедином Саду! – Топаз приподнялась со своего кресла и отвесила притворно почтительный поклон. – Хотя я сейчас очень страшная, по твоей вине, я все же приветствую тебя. Я...

– Успокойся, Топаз, – сказал знакомый голос.

Я встал и повернулся к нему, выходящему из зарослей белых деревьев, которые закрывали тропинку. Это был тот самый голос, который я слышал при своем пробуждении. Но сейчас он мне казался еще более знакомым. Ровный, холодный, высокий голос, даже слишком высокий. О, да, я слышал его раньше – тысячу лет назад.

Он был большой, высокий, могучий человек, с хорошо развитой мускулатурой. У него был плотно сжатый рот под скошенными плоскостями щек, острые бледно-голубые глаза – глаза Мюррея, лицо Мюррея, голос Мюррея. Это был полковник Харрисон Мюррей.

Конечно, в этом не было ничего удивительного. Пока что оказывалось, что этот мир населен сплошь моими знакомы-

ми. Может быть, это просто сон, в котором живут те трое, которые все еще спят на временной оси и видят сны, как и я. Они думают, что все их сны – явь. Они ни о чем не подзревают. И только я знал, что в один прекрасный момент все их сны лопнут, как мыльные пузыри...

Мюррей, если, конечно, это не сон, излечился во время путешествия во времени и выглядел прекрасно. Значит, поражение некроном тела и разума можно лечить временем. Временем...

Находимся ли мы в мире Лица? Проснулись ли мы? Или все еще спим? Смогу ли я найти себя в этом мире, где живут доктор Эссен, надевшая на себя маску молодости и красоты и называющая себя Топаз, где живет Мюррей, который внешне ничуть не изменился, но называет себя Лордом Пайтнером, и Де Калб... Де Калб...

Я не знаю.

Я тупо смотрел вокруг себя: никто ничего не говорил. Но в мозгу моем звучал голос. Де Калба? Вот снова.

– Я не знаю, но я хочу выяснить. Успокойся, и мы будем выяснять вместе.

Пайтнер прошел мимо меня вперед. Его ноги уверенно ступали по земле. Он был одет в темную униформу, плотно облегающую его тугую фигуру. Он внимательно посмотрел на меня, и во взгляде его не отразилось ничего. Он ни чем не показал, что знает меня. Затем он кивнул.

– Добрый день. Надеюсь, что ты себя хорошо чувствуешь?

Ол райт, люди, принесите сюда ящики.

Он шагнул в сторону, и два человека в униформе выставили ящик серого цвета размером с небольшой стол. Он был обит железными полосами, а на верхней крышке виднелись отверстия. Затем эти люди поставили второй ящик меньшего размера.

Однако я испытывал к этим людям гораздо больший интерес, чем к ящикам. Ведь это были первые люди, незнакомые мне, не принадлежащие моему сну. Их появление потрясло меня. Может, это вовсе не сон? Может, я действительно нахожусь в реальном мире? Может, я проснулся после путешествия во времени, по временной оси?

Я повернулся к Мюррею-Пайтнеру, который сел на один из упругих камней, все еще внимательно разглядывая меня. Я, тоже сел, разглядывая его в свою очередь и ожидая, что же будет дальше. Я мог позволить себе ждать. Наконец, он заговорил:

– Топаз показала мне пещеру, где мы нашли тебя?

Я кивнул.

– О, да, я сделала все, что ты приказал, Лорд Пайтнер, – горячо заговорила Топаз. – Я считаю...

– Тихо, Топаз, – сказал Пайтнер с заметным раздражением. И затем снова обратился ко мне: – Как тебя зовут?

– Кортленд, – ответил я и с иронией добавил. – Лорд Пайтнер.

– Джеб Пайтнер, – спокойно поправил он меня. – Топаз

каждого называет Лордом, если хочет чего-то добиться. У нас не приняты титулы.

– О, не всегда, – воскликнула Топаз. Она встала на колени и зачерпнула ладонью пену.

– Топаз, прекрати и удались не надолго, – Лорд Пайтнер рассердился уже всерьез.

– О, благодарю, Лорд Пайтнер! – она в одно мгновение вскочила на ноги, сияя улыбкой. – Мои волосы! У меня еще столько дела с ними. Позовите меня, когда я понадобится. – Она исчезла среди снежно-белых кристаллов-деревьев, двигаясь с той необычной грацией, которая была для нее привычной, как дыхание.

Я смотрел на нее, все больше убеждаясь в том, что это молодое прекрасное лицо – лицо Летты Эссен. Представьте Эссен на двадцать лет моложе, замените ее изощренный ум на очаровательное легкомыслие и восхитительную красоту – и вы увидите перед собой Топаз. Однако сама Топаз, видно, и не подозревала, что у нее есть двойник.

– Кортленд, – сказал Пайтнер, положив руки на колени и пристально глядя на меня, – у нас есть о чем поговорить. Я прослушал запись твоего разговора с Топаз после твоего пробуждения. Я предполагаю, что ты из первой половины двадцатого века. Верно это?

– Ты же знаешь, что я спал в пещере. Ты, должно быть, видел меня.

– Да. Мы проанализировали организмы и ткани всех спя-

щих. Радиоактивность низкая, значит, сон начался до атомной войны. В том, что это путешествие во времени, мы не сомневаемся. Но ты должен сказать, почему спящие очутились здесь, и как я оказался с ними, – он покачал головой, как бы недоумевая.

Я смотрел на поляну, окруженную снежно-белыми деревьями. Два солдата выполнили свою миссию и исчезли. Топаз тоже не было видно. Удобно откинувшись на мягкие подушки странных камней, мы сидели совершенно одни. Ручей весело журчал, извиваясь между камнями.

– Может быть, ты сам объяснишь мне все сам, Мюррей? – спросил я.

Он посмотрел на меня подчеркнуто настороженно, ожидая объяснений. Затем заговорил:

– Мюррей? Почему Мюррей?

– Хорошо. Пайтнер, – согласился я. – Но объясни хоть что-нибудь. Произошло слишком много такого, что я не могу понять.

– Я буду рад объяснить, что смогу в течение нескольких минут, – сказал Пайтнер, указывая на серые ящики. – Правда, я сам не могу понять, как ты здесь очутился. Похоже, ты меня знаешь.

– Я знаю человека по имени Мюррей, который как две капли воды похож на тебя, раз уж ты хочешь продолжать эту игру. Но мне совершенно ясно, что происходит. Ты и другие проснулись раньше меня. Может, на месяцы. А может, и на

годы. Вы вошли в этот мир и нашли всем свое место. А теперь вы ведете себя так, как будто я бедный родственник, о котором вы никогда не слышали. Так я думаю обо всем этом. Может быть, у тебя есть более разумное объяснение?

Он шумно вздохнул, на лице его выразилось нетерпение.

– Кажется, я все понял. Эти двойники привели нас всех в замешательство. Значит, ты действительно ничего не знаешь?

– Не знаю.

– Очевидно, я был с тобой в пещере. Там была и женщина. Правда, я не узнал ее. Третий человек – Белем, – он замолчал и выжидательно посмотрел на меня.

– Белем, повторил я. – Там, откуда я прибыл, его звали Ира Де Калб.

– Белем, – твердо сказал он, не обращая внимания на мои слова. – Он механдроид. Он нечеловек. Ты знал это?

13. Проблема Лорда Пайтнера

Нечеловек, подумал я, вспоминая эти глаза из холодного металла. Я позволил этой мысли проникнуть из глубины своего мозга, чтобы тот, кто проник в него, ответил на мой вопрос. Нечеловек? Сначала все было тихо, а потом послышался отдаленный голос, как шепот.

– Наблюдай и жди, – посоветовал он мне.

– Я не знаю, что такое механдроид, сказал я, стараясь быть спокойным. – К тому же я ничего не знаю о том мире, где меня нет. Скажи мне, Пайтнер-Мюррей, или как тебя зовут, помнишь ли ты что-нибудь о Лице Эа?

Он задумчиво наморщил лоб. Я смотрел, но видел, что эти слова ему ничего не говорят.

– Я могу навести справки, – предложил он, – хотя мне эти слова ничего не говорят, но у нас много колоний в разных местах, так что...

– Чепуха, – сказал я немного беззаботно. – Забудь об этом, – если он и знал что-нибудь о Лице Эа, то не хотел признаваться в этом.

– Ол райт. Тогда еще вопрос. Какой сейчас век?

Он сказал мне. Это не было временем конца мира. Еще ни в одной галактике Лицо Эа не смотрело на красный сумрак заката. Что-то случилось во время нашего путешествия. Что-то прервало и разбудило нас слишком рано. Мы проснулись

лет за тысячу до того, как намеревались. И я оказался единственным, кто вспомнил, с какой миссией мы отправлялись в путь по времени.

Вспомнил! Внезапная мысль проснулась во мне, и я быстро спросил:

– Кстати, Пайтнер, не может ли быть так, что ты, Мюррей, но страдающий амнезией, потерей памяти? Ты мог проснуться и забыть все. Ты...

– Это невозможно, – твердо заявил он, качая головой. – Я знаю всю свою жизнь. Я был рожден Джебом Пайтнером на Колхане III от земных родителей. Это произошло пятьдесят лет назад. Я могу припомнить всю свою жизнь без единого пробела.

– Ол райт, – сказал я. – У тебя есть какие-либо соображения?

– Пожалуй, нет. Мы...

Его голос внезапно удалился от меня. Я сделал хриплый вздох и...

Откуда-то из прошлого в мой мозг ворвался знакомый рев энергии. Пайтнер и сад ел али расплываться в моих глазах, они превратились в нематериальные тени, Все перестало существовать для меня, за исключением этой грандиозной вспышки энергии.

Это же я ощущал, когда на земле совершалось убийство!

И затем я увидел лицо Пайтнера. Он смотрел на меня сузившимися голубыми глазами, и мне показалось, что ще-

ки мои стали красными.

Я не знал, сколько времени я отсутствовал. Однако он успел сообщить кому-то о случившемся, так как он все еще держал возле рта миниатюрный микрофон. Он даже еще что-то говорил, но мне этот язык был не знаком. Я сидел, будучи не в силах даже думать, не то что двигаться, а он смотрел на меня своими бледно-голубыми глазами.

Я сделал усилие к попытке придать лицу привычное выражение. От этого усилия я даже вспотел. Я понял, что хотя потерял за время путешествия своих спутников-людей, но не потерял другого спутника. Существо, оставляющее некронный след, существо, которое заражает саму материю, существо, которое убивает.

Пайтнер опустил микрофон.

– Кортленд, – сказал он. – Один из людей, которые помогали вскрывать пещеру, только что убит. Сожжен, такого ожога еще никто никогда не видел. Мне кажется, что ты только что чувствовал что-то. Можешь ты рассказать мне об этом.

Я тупо посмотрел на него. Что-то шевельнулось в моем мозгу, и мне показалось, что металлические глаза сейчас смотрят моими глазами.

– Это очень любопытно, – сказал холодно Де Калб, – пообщайся с Пайтнером. Делай то, что он тебе предложит. Мне кажется, я начинаю что-то понимать.

Я вздохнул. Я очень надеялся на успех. Ведь я полностью

потерял контроль над событиями.

Пайтнер достал из маленького ящика шлем, воткнул штекер в большой ящик и протянул шлем мне.

– Вот, – жестко сказал он. – Мы можем друг другу задавать вопросы до самого судного дня и так и не поймем друг друга. Этот прибор предназначен для обмена мыслями. Это быстро и эффективно.

Я скептически посмотрел на шлем Хорошо Де Калбу предлагать мне сотрудничать с Мюрреем. Откуда мне знать, какие его подлинные цели. Да и цели Де Калба были мне совершенно не понятны. Во всяком случае, ни тот, ни другой не работали на меня.

– Я подумаю, – с сомнением произнес я. – Я не понимаю...

– Этот прибор настроен лишь на основные вопросы, – с нетерпением сказал он. – Мы просто-напросто заглянем друг другу в мозги. В приборе происходит фильтрация всяких тривиальностей, и он настроен только на то, что касается путешествия во времени. Я узнаю по этому вопросу все за три секунды. И гораздо подробнее, чем если бы ты попытался рассказать об этом словами. А ты узнаешь все, что ты хотел бы узнать от меня. Тогда мы сможем разговаривать с тобой, как разумные люди, и ты не будешь задавать мне вопросы после каждого третьего слова. Решайся, человек, решайся!

Я с сомнением взял шлем. Некоторое время я колебался, но затем вспомнил о только что случившейся смерти. Я понял, что нельзя терять времени. Ведь все может случиться-

ся снова. Я боялся, что Пайтнер может узнать о моей причастности к убийству – но разве могу я отказаться? Заметил ли он что-нибудь, когда произошло убийство? Может будет лучше, когда он узнает все?

Шлем скользнул на голову. Казалось, он сам обтянул се. Пайтнер сказал что-то о проекции.

– В твоём времени существовали книги. Когда ты читаешь хорошую книгу, то чувствуешь то, что хотел внушить тебе автор. Этот прибор просто дальнейшее развитие книг. Ты можешь с помощью его переселиться в образ реально существовавшего исторического лица. Я получу знания от тебя, а ты от меня. В случае необходимости мы оба можем пользоваться библиотекой проекций.

Он был занят настройкой приборов. У меня было достаточно времени для размышлений.

– Это, конечно, предвестник Записи. Один из шагов к чему-то сложному и совершенному.

Затем из большого ящика вырвалась световая спираль с такой скоростью, что, казалось, фотоны буквально разлетаются из нее. И... я вдруг ощутил себя буквально каким-то другим!

Я стал человеком по имени Банистер, который родился уже после Хиросимы. Я стоял в каком-то блиндаже глубоко под землей. За столом сидел Генерал, поигрывая пи-столетом. Тут мы были в сравнительной безопасности, ведь на Земле сейчас не было абсолютно безопасного места.

Между нами и поверхностью земли находилась целая миля фильтров, счетчиков Гейгера, веществ, поглощающих радиацию...

Это была война, которая не подчинялась никаким правилам. Высшие политики, которые должны были умереть в постели от возраста, решили убивать сами. Они открыли ящик Пандоры, из которого на Землю обрушились горе и несчастья. И они получили то, что должны были найти в своих постелях. Но с собой они взяли миллионы жизней.

Вторая Атомная Война. Я, Банистер, никогда не думал о ней. Я жил ею все время. Однако, я полагаю, что был одним из тех, чьего мозга уже коснулась мутация. Я уже знал, что мыслю совсем не так, как мыслят старшие, мои начальники. Иногда я думал, к чему меня могут привести эти перемены в мышлении.

Генерал сказал:

– Ну где рапорт?

Я подал бумаги.

Генерал положил пистолет на стол и оскалил зубы.

– Есть практическая польза? Это для нас основное.

– Да, сэр, – ответил я. – Устройство может переносить материю на сотни тысяч миль. Правда, для этого требуется приемник. Однако уже сейчас можно начать колонизацию других планет. Достаточно послать корабль с приемником, и тогда откроется бесперебойная и прямая линия передачи материи – оборудование, материалы, продовольствие. Может и

люди. Это только начало.

– Передатчик материи, – сказал Генерал. И внезапно хлопнул ладонью по столу. – Прекрасно. Новый способ доставки бомб.

– Изобретатель настаивает на мирном применении, Сэр, – заметил я. – Я слышал, что война кончилась.

Он взглянул на меня.

– Да, война кончилась вчера. Но мы ее снова начнем.

Я знал, что мутация коснулась моего мозга. Генерал и я думали по-разному. У нас были различные понятия о жизни. Он не был рожден в атомном веке.

А я рожден именно в атомном веке. Я взял пистолет со стола Генерала. Все равно его мозг никому не нужен.

Затем я стал кем-то другим.

– Города? – спросил я посетителя. – Нет, мы не будем их восстанавливать. Они нам не нужны.

– Но мир в руинах.

– Нас спасет техника.

– Вы имеете в виду, что машины будут работать там, где не смогут работать люди?

– Разве они не работают?

Да, они работали. Я был стар, где-то под сотню лет, и я не мог вспомнить времени, когда земля не была радиоактивна. Не вся, конечно. Те люди, что смогли выжить, сконцентрировались на островах, где степень заражения не была такой сильной. Путешествия, даже на самолете, были чрезвычайно

опасны. Но у нас были передатчики материи. Так что мы не были разобщены. И мы начали колонизацию планет.

Но Земля оставалась домом. Еще должно пройти много времени, пока она полностью очистится от заразы и станет обитаемой. А пока что ее должны восстанавливать машины.

– Я покажу вам свой план, – сказал я. – Идем со мной. Я умру задолго до того, как найдет применение мой механдроид, но этот день непременно придет.

Он последовал за мной по коридору. Это был очень могущественный: человек, пожалуй, самый могущественный человек в мире, но он шел за мной, словно школьник.

Нам нужно колонизировать Галактику. Люди не смогут справиться с этим. И машины тоже. Машины потерпят неудачу потому, что они лишены эмоций и воображения. То, что нам нужно – это человеческая машина, или механический человек. Исключительное создание. Вроде моего механдроида.

Я откинул занавес и показал ему сильное молодое тело в стеклянном ящике. Вокруг него суетились машины, провода слегка подрагивали.

– Это один из моих механдроидов. Они не могут воспроизводиться, но их можно создавать, производить. В данном случае машины дают жизнь человеку.

– Он выглядит, как человек,

– Я выбрал его родителей сам. Мне ведь нужна наследственность. Мне пришлось немало повозиться, пока я ото-

брал хромосомы, наиболее отвечающие моим целям. Затем появился на свет механдроид. Сразу после рождения он получил полное образование и комплекс чувств. Конечно, с помощью машин. Его научили мыслить, как машина. Теоретически человеческий мозг способен на это, но никогда не было проведено полной серии экспериментов. Механдроиды, я уверен, могут разрешить все проблемы человечества, и разрешить их оптимальным образом.

– Обучение машинами? – с сомнением повторил мой посетитель.

– Машины должны служить людям. Они должны освободить людей, освободить их мозг от рутинной деятельности. Механдроиды откроют людям пути к высшей науке!

– А в этом нет опасности? – спросил посетитель, глядя на механдроида.

– Нет никакой, – уверенно ответил я.

14. Рожденный на Веге

Затем я стал еще кем-то.

Сатурн занимал надо мной полнеба, когда я бежал по извилистым улицам Города от механдроида. Мне хотелось найти кого-нибудь, кто знал бы, что делать. Но, казалось в этом Городе нет ни одного человека. Никого, кроме создания, молчаливо меня преследовавшего.

Возвращение домой? Я был рожден на Веге. Мне было шестнадцать лет. И я совершил прыжок через все пространство вместе с группой юных – нас было девять человек – чтобы посетить Землю. И, как все группы туристов, мы начали с других планет. Мы вышли из передатчика вещества на Титане.

А затем все произошло необычайно быстро. За нами побежал механдроид, и все мы рассыпались в разные стороны. Мне, как всегда, не повезло, и я врезался в группу механдроидов, которые чем-то занимались.

Они собрались вокруг стола в большой комнате. На столе лежало тело, а над столом была поблескивающая сеть – нейронная матрица. Я знал достаточно много, чтобы понять, что тут происходит. Поэтому я остановился здесь и стал наблюдать.

Механдроиды делали супермехандроида. Люди уже размышляли над такой возможностью. И вес немного побаи-

вались. Ведь если механдроиды были поразительно умны, то супермехандроид будет вообще непостижимым для людей. Механдроидов люди могут контролировать, а супермехандроид будет неуправляем.

Раньше говорили, что механдроиды помогут людям разрешить галактические проблемы, и уже было решено создать механдроида второго поколения. Но потом это было запрещено.

Однако передо мной на столе под сверкающей нервной сетью лежало тело будущего супурмехандроида. Если это могучее существо с совершенным умом и отсутствием эмоций оживет, то оно будет представлять чрезвычайную опасность для человечества.

Я повернулся и побежал прочь, преследуемый механдроидами. Изредка до меня доносились чьи-то жалобные крики.

Значит для того, чтобы механдроиды могли создать механдроида второго поколения, им необходимо уничтожить всех людей в этом Городе. Именно это они и делали. Я заскочил в исследовательскую лабораторию и схватил вакуумный скафандр. С ним я побежал к выходу из под – купола, покрывавшего город.

Через два часа я уже сидел в горах в полумиле от города, смотрел на купол и размышлял, надолго ли хватит мне кислорода. Я чувствовал себя совершенно одиноким. Мои-ми компаньонами были только Сатурн, клонящийся к горизонту, да звезды.

Немного погодя, я увидел космический корабль. В наше время они стали такой редкостью, что это показалось мне неслыханной удачей. Я понял, для чего он сюда прилетел. Корабль завис над Городом – и через мгновение от купола и самого Города не осталось ничего, кроме вспышки света.

Я подал сигнал «SOS», меня подобрали, и по пути обратно я слушал разговоры о том, что нам пора снова взять механдроидов под жесткий контроль. Необходимо контролировать каждый отдельный экземпляр, не давать им собираться вместе и создавать супермехандроид!

Думаю, что все это не позволило мне насладиться пребыванием на Земле. Она уже была восстановлена, все следы радиоактивности исчезли. На Земле был оставлен всего один машинный город – Музей. Но сама планета мне показалась очень маленькой.

С нее мы и начали колонизацию Галактики и теперь стали ее хозяевами.

Затем я стал кем-то еще.

Я стал Джебом Пайтнером.

Возможности отдельного человека ограничены, но возможности расы – нет. Нельзя сказать, что мои возможности были неограниченными, но все же они были достаточно большими. Моя ценность в обществе была высока. А почему нет? Я был весьма сведущ в своей деятельности – я руководил Седьмым Галактическим Сектором, с основной базой на Земле. Да, я всегда знал, что делать пока не обнаружилась

пещера в горах Земли, и я не увидел Джеба Пайтнера, спящего в ней. Нет, я не потерял своей квалификации. Я был озадачен, но все же я мог отыскать ответ на эту загадку. Однако, я должен был подойти к ее решению объективно. Абсолютно объективно.

Исчезновение механдроида Белема было немедленно доведено до меня. В этом мире, где учеба начинается с самого рождения, и где она продолжается всю жизнь, некомпетентность человека на своем месте не прощается.

Когда я исследовал обстоятельства исчезновения Белема, я приказал выяснить, сколько еще механдроидов исчезло за это время. И тут же приказал произвести розыск по всей Галактике. Правда, я мало надеялся на его успех.

Человеческая раса завоевала Вселенную. Конечно, возможности человека не велики, но машины, которые он создает, не имеют никаких ограничений. Однако нужно научиться не только их делать, но и осуществлять над ними жесткий и непрерывный контроль.

Я наметил направить Белема на изучение системы Бетельгейзе. Он существенно превосходил своих собратьев по скорости ума, по реакции, и я возлагал на него большие надежды. Когда я решил проверить, каковы результаты работы Белема, оказалось, что он исчез.

Была проведена большая работа по исследованию всех обстоятельств, при которых он исчез. Мы изучили все записи и проследили все его перемещения вплоть до исчезнове-

ния. При этом обнаружилось немало интересного. Очевидно, Белем решил, что ему необходимо исчезнуть, чтобы решить поставленную перед ним задачу. Мы проверили все его записи. И в секторе Андромеды мы обнаружили нечто странное, до сих пор неизведанное.

На одной из планет, вращающихся вокруг звезды, готовок взорваться, мы обнаружили новый тип материи. Это была абсолютно нейтральная материя. Мы немедленно объявили карантин в этой системе, намечая провести здесь дальнейшие исследования.

Никогда невозможно предугадать, к чему приведут исследования механдроидов. Эти существа замечают такие незначительные детали, что человек не обратил бы на них ни малейшего внимания. Они никогда не удовлетворяются достигнутыми долями процента – им всегда нужна абсолютная истина, стопроцентная вероятность. И я не слишком удивился, обнаружив в записях Белема координаты оси времени на Земле.

Мы прибыли в указанную точку. Белем уже разработал метод расформирования специальной атомной структуры, чтобы разбудить спящие объекты. Какие объекты? Это я узнал очень скоро.

На временной оси, которая проходила недалеко от древнего русла реки Св.Лаврентия, мы нашли пещеру. С помощью специального облучения нам удалось увидеть четырех людей в этой пещере. Они были погружены в наркотический

сон. Одним из них оказался механдроид Белом. Вторым был я. Другие – неизвестные мне мужчина и женщина.

Директор обсудил ситуацию на Совете.

– Значит, Белем обнаружен, – сказал я.

– Думаю, что да, – ответил директор. – Но и ты тоже в той пещере. Значит, ты находишься сразу в двух местах. Очевидно, и Белем тоже. Ты знаешь, как могут быть опасны механдроиды в неортодоксальных ситуациях. Вспомни, что произошло на Титане двадцать лет назад. Вероятно, эти четверо из далекого прошлого. Они приняли наркотик, чтобы погрузиться в сон и освободить свой мозг от восприятия времени. А специальное устройство непрерывно перестраивает их атомную структуру.

– И, судя по всему, я вместе с ними.

– Ты ничего не помнишь об этом? Но они – все трое – пришли из прошлого.

– Круговое время? Или спиральное?

– Не знаю, – ответил директор. – Этот вопрос чисто теоретический. Самое простое – это разбудить их и узнать, что с ними произошло, как они попали на ось времени. К тому же отпускать механдроида путешествовать по времени слишком опасно. Что же касается тебя...

Никто из нас не имел ответа на этот вопрос. Я стоял здесь, перед ними, живой и реальный. Но мой двойник, мое второе я, спал на оси времени.

– Разбуди их, – сказал директор.

Это был очевидный шаг. Единственно возможный шаг.

– Хорошо, – сказал я. Это было мое дело. Дело, которое нужно было завершить, несмотря ни на что. Люди конечны во времени. Человечество бесконечно.

Затем я снова стал Джереми Кортлендом. Мы были в Лебедином Саду, я и Пайтнер, и глядели друг на друга. Тени тех, в кого я переселялся, все еще бродили в моем мозгу, постепенно теряя краски жизни, тускнея, слабея, удаляясь. Все это я прочел в памяти Пайтнера, и он прочел все, что нужно, в моей памяти.

Но он не узнал, что механдроид Белем – Де Калб – шпионит с помощью моего мозга. Я знал это, был уверен в этом так, как будто сам Де Калб сказал об этом мне. Да, остатки того, что я взял из памяти Пайтнера, уже покинули мой мозг, но в нем еще остались воспоминания о том любопытном приключении, которое я пережил во время передачи вещества, когда я смог побывать на планете среди механдроидов.

И внезапно я все понял. Я вспомнил толпу механдроидов вокруг стола, на котором лежало тело и над которым нависала матрица нейронов. Однажды, двадцать лет назад, мальчик уже видел это на Титане: создание супермехандроида запрещенный эксперимент. Тогда тот город был превращен в пыль, чтобы остановить опасность. Теперь это происходит снова. Где-то в недрах Галактики создается новый супермехандроид. Пайтнер не знает об этом, а я не могу ему расска-

зять. Гипнотический запрет, который наложил на меня Белем, был слишком силен. Я не мог выдать его и эту тайну, даже если бы захотел.

Вдруг я понял, что Пайтнер теперь знает многое из того, что знаю я. Он смотрел на меня, и лицо его посерело.

– Теперь я знаю, что это за тип вещества, которое мы обнаружили на Андромеде. Вы назвали его некроном.

Значит, теперь он знает, что я носитель того создания, которое убивает, и убивает мгновенно.

Но он не упомянул об этом. Вместо этого он с тревогой заговорил о Белеме.

– Белем должен был работать над открытием системы Бетельгейзе. Это для него достаточно просто, и я подозреваю, что он стал исследовать побочные факторы. Он обнаружил, что в системе звезды, готовой взорваться, существует некрон.

– Когда произойдет взрыв, сила его разнесет все атомы некрона по Вселенной и заразит все планеты. Почему-то Белем решил, что ось времени... – он помолчал, нахмурившись. – Может, он специально оставил записи? Может, он хотел, чтобы мы нашли пещеру, Кортленд?

– Откуда я могу знать? Ведь теперь у тебя есть все, что было в моей голове.

– Наверное, так оно и есть. Но где же теперь Белем?

Я знал, но не мог сказать ему.

– Почему исчез Белем? Почему исчезли десять других ме-

хандроидов? Почему они не рассказали о возникшей проблеме всему миру?

Он забыл, что на нем шлем. И теперь, вспомнив, снял его. Я последовал его примеру.

– Потому, что они ведут работу в тайне, – сказал он. – Теперь, что они могли в тайне от всех, не пользуясь помощью всей мировой науки? Только одно. Механдроиды хотят решить эту проблему... – Они делают супермехандроида, – твердо сказал Пайтнер. – Это должно было произойти. Сцилла и Харибда. Ведь супермехандроид столь же опасен, как и некрон.

– Но почему? – спросил я, убежденный, что некронная зараза гораздо хуже, чем любая человекоподобная машина, какая бы совершенная она ни была.

– Потому что механдроиды, возможно, будут – повиноваться некрону, а не нам, – горько сказал Пайнтер. – Механдроиды уязвимы потому, что они человекоподобны. Супермехандроид, может быть, будет неуязвим. И предположим, что он будет действовать только в соответствии с правилами абсолютной логики, без всяких моральных принципов. Тогда он решит, что живые формы материи вообще не нужны. Никто этого не знает. Никто не может предвидеть его поведения и образа мыслей.

Я покачал головой.

– Не спрашивай меня ни о чем. У меня есть свои проблемы. Те четверо, что спят в пещере. Где-то должен быть ответ

на все, Пайтнер! Должен быть!

– Есть один ответ, – сказал он так угрюмо, что холод пробежал по моему телу. Пайтнер продолжал так же угрюмо. – Теперь я скажу тебе правду, Кортленд.

15. Рассыпающаяся плоть

Четыре молчаливые фигуры лежали в тысячелетнем сне в глубине пещеры. Я снова увидел их. Я ощущал тяжесть шлема у себя на голове и осознавал, что вокруг меня Лебединый Сад, а над ухом я слышал дыхание Пайтнера. Я смотрел стереофильм. Я смотрел на пещеру глазами камеры.

– Это запись, которую мы сделали, когда открывали пещеры, – сказал Пайтнер. Теперь внимательно наблюдай за тем, что произойдет. Никто этого не знает. Только ты, я и несколько техников, которые занимались съемкой. Мы сохранили это в тайне. Смотри... и ты увидишь.

В пещере было тихо. Ничто не двигалось в ней уже несколько тысячелетий. Ведь все в ней замерло, когда мы забылись в долгом сне. Но вот в камере заплясали лучи фонарей. Техники Пайтнера начали работу, пытаясь раскрыть камеру, пытаясь выпустить... что? Что-то ужасное. Я это понял по тону Пайтнера.

Огни вспыхивали, гасли, загорались снова, пронзая серый полумрак пещеры. Вот камера отъехала назад, и я увидел самого Пайтнера, окруженного помощниками и машинами. Все смотрели на яйцо времени, где находились четверо спящих.

Мне было любопытно услышать голос Пайтнера – не того, что был рядом со мной, а того, что был снят на пленке.

– Какие у нас шансы? – спросил он. – Они могут проснуться?

Кто-то ответил ему. Некоторое время он смотрел на спящих, переводя взгляд с одного на другого, затем я услышал его слова.

– Мы должны взять одного из них сюда. Если это действительно путешествие во времени, значит они спят очень долго, и для них большим потрясением может оказаться пробуждение. Нужен кто-нибудь, кто смог бы смягчить эффект, ускорить приспособление к новому миру. Пожалуй, подойдет... Топаз. – Я знал, почему он вспомнил Топаз. Он посмотрел на Эссен, и подсознательно черты ее лица заставили вспомнить его о девушке.

– Пошлите за Топаз, – повелительно сказал он, и голос его эхом прокатился по пещере, точно так же, как прозвучало эхо и в наше время.

Сейчас самое время рассказать о языке, на котором мы говорили. Это был, несомненно, английский, но заметно изменившийся. В него вошло много новых слов и фраз, некоторые слова исчезли, другие приобрели новое значение. Так что язык был в основном понятен, хотя иногда мне приходилось переспрашивать.

Изобретение передачи материи раздвинуло горизонты человеческой цивилизации – Бейсик – и основой для него стал английский.

Внезапно изображение на экране мигнуло и погасло.

Пайтнер возле меня нетерпеливо заговорил:

– Сейчас будут производить эксперименты: исследовать ткань их одежды, определять век, откуда вы пришли, и многое другое. На это все уйдет шесть часов. После этого они приступят к вскрытию силовой оболочки. К этому времени появилась Топаз. Теперь смотри.

Снова передо мною возникла пещера. В ультрафиолетовых лучах я ясно видел лица спящих. На этот раз в пещере царил суев. Перед камерой то и дело сновали люди, занятые чем-то. Они носили линзы, длинные светящиеся трубки, какие-то стержни, прямые и изогнутые. Я слышал звонкий смех Топаз и недовольные краткие реплики Пайтнера.

– Смотри, – резко сказал Пайтнер у меня над ухом. – Это произошло внезапно.

И тут я увидел, как в самом воздухе пещеры появилась трещина, и от нее потянулись паутинки маленьких трещинок. Камера на мгновение показала спящих, их лица были искажены, как будто я смотрел на них через разбитое стекло, или вещество с иным коэффициентом преломления, нежели у воздуха.

Затем пещера на мгновение потемнела. Четыре тела как будто перенеслись в другое измерение. Я видел их так ясно и так отчетливо, что они казались мне объемными, и до них можно было дотронуться. Еще мгновение – и вот они уже стали частью нормального пространства. Та оболочка энергии, которую тысячу лет назад сформировала доктор Эссен,

больше уже не изолировала спящих от времени и пространства.

В пещере все еще было темно. Это мне что-то напомнило – этот красный полумрак с огнями, поблескивающими...

И тут я замер, так как тела – рассыпались.

Ужас овладел мною. Я даже пощупал себя – не превратилось ли мое тело в пыль. Но пальцы мои ощутили твердую плоть, хотя на экране я видел свое тело рассыпавшимся на мельчайшие частицы.

Я смотрел, как я дезинтегрировался в красном полусумраке пещеры. Видимо, нам все же своим сном не удалось обмануть те тысячелетия, от которых мы укрылись в энергетическом яйце. Но я знал, что это еще не конец. Меня ожидает еще нечто более ужасное, чем это.

Внезапно, к своему замешательству и ужасу, я понял, в чем дело. Красноватый полумрак, слабые огни, поблескивающие в кровавом тумане... Я уже видел это раньше. В таком же полумраке я видел Лицо Эа, смотрящее на ночь мира. Это превращение нашей плоти в пыль не было случайностью.

Я видел, что все мы четверо были убиты в нашем тысячелетнем забытье, превращены в ничто. Зачем? И кем? Я не мог даже предположить этого, но понимал, что ответ заключается в этом красноватом полумраке, заполнявшем пещеру. В нем кроется ответ. Ничто не происходит случайно – я был полностью уверен в этом. Это было спланировано... Кем? Людьми Города Лица?

Они вызвали нас из тьмы тысячелетий. Предвидели ли они эту вынужденную остановку в середине пути? А если предвидели, то значит, хладнокровно уничтожили нас, превратив в пыль.

Нет, ведь мы еще остаемся живыми.

Только я один еще оставался самим собой. Но я уверен, что в глубинах мозга Пайтнера скрывается Мюррей. Я видел глаза Летты Эссен на прекрасном лице Топаз. Да и Де Калб тоже был где-то здесь, укрывшись за металлическими глазами Белема. Он чего-то выжидает. Значит, мы не мертвы.

Я смотрел на холмики пыли, которые образовались на полу пещеры там, где лежали наши тела.

– Вот что произошло в пещере, – сказал Пайтнер. – Но в то же время произошло еще нечто странное. Смотри.

Сцена на экране изменилась. Теперь включилась камера, стоящая сбоку. На переднем плане оказался Пайтнер, за ним Топаз, их лица были внимательны, так как они смотрели на то, как разбивается энергетическая оболочка.

Камера снимала события, происходящие минуту назад, и я снова смотрел, как раскрывается яйцо. Снова началось изменение в камере, снова возник красный полумрак...

Но теперь, как только тела стали рассыпаться, я увидел, как лицо Пайтнера исказила гримаса – оно вдруг стало белым, затем глаза его сверкнули, как будто он понял нечто чрезвычайно важное, но затем они снова потухли, колени его подогнулись, и он рухнул на пол.

Кто-то выскочил из толпы, подхватил его и осторожно опустил на пол. Затем я увидел, как рядом с ним без звука упала Топаз.

Вокруг этих двоих поднялась суматоха. Затем Пайтнер шевельнулся, и толпа подалась назад. Пайтнер сел. Жизнь снова вернулась на его лицо. Топаз тоже шевельнулась, подняла руку и, не открывая глаз, поправила волосы, упавшие на лоб. Жест ее был совершенно естественным, как будто ничего не случилось.

Пайтнер у меня над ухом сказал:

– Вот так это было. Обморок. Никто из нас не пострадал. Но вернемся к моменту, когда оболочка треснула, а мы с Топаз упали в обморок. Снаружи пещеры была толпа, ожидавшая, что же будет. Удивительно, до чего же любопытны люди. Их собралось довольно много, наши камеры отсняли интересные подробности.

Теперь я увидел склон горы, толпу женщин и мужчин. Они поднимались из долины – оттуда, где я в последний раз видел девственные леса Канады. Вдали виднелось низкое белое здание, сверкающее в лучах солнца среди зелени.

– Это здание, – сказал мне Пайтнер, – один из передатчиков. Люди идут оттуда. Они прибывают со всей Галактики. Невозможно узнать, откуда каждый из них. Это жалко, конечно, так как... Смотри...

Я посмотрел и увидел... свое лицо.

Количество двойников все увеличивалось. Голова моя

кружилась оттого, что я пытался подсчитать, сколько же Джерри Кортлендов может существовать в одном мире и в одно время. Один рассыпался в пыль в пещере. Другой сидел здесь, в Лебедином Саду с Джебом Пайтнером. А третий поднимался по склону горы к пещере, пробираясь сквозь толпу. Это был точно я. На мне были рваные штаны и какой-то заношенный пуловер.

Я повернул налево вместе с толпой, чтобы обогнуть камень. И тут в толпе возбужденно закричали, а в пещере появился красный свет.

– Мы вернулись назад, к тому моменту, когда тела в пещере стали рассыпаться, – напомнил мне Пайтнер. – В пещере я и Топаз упали в обморок. А тут... следи за собой.

Я заметил удивление на своем лице, а затем... затем я упал.

– Когда ты проснешься, – сказал мне Джеб Пайтнер, – ты окажешься в комнате-передатчике в Городе. С тобой будет Топаз. Помнишь?

– Значит, ты считаешь, что тот человек в толпе – я? Я, который сейчас сидит тут? Но нет, это же невозможно. Я же все помню! Я отправился в пещеру еще в двадцатом веке и никогда не выходил с толпой из передатчика и не шел с толпой к пещере. Ты же говорил, что разбудил меня в пещере!

– Не совсем так, – сказал Пайтнер. – Я просто не хотел запутывать тебя. В этом деле много такого, чего никто не может понять. Я хотел, чтобы ты был самим собой, пока я

не узнаю от тебя как можно больше. Теперь я сказал тебе правду. Что может быть запутаннее, чем вес это?

– Но я же не тот человек с горы? Кто он? Откуда он? Он не я!

– Нет, ты и есть он. Ты же видел, что стало с телами в пещере? Твой двойник, мой двойник, двойник Белема, женщина – все они дезинтегрировались. А кто ты, я не знаю. Это плохо, но ничего необычайного в этом нет. Галактика велика, и в ней много людей, не зарегистрированных нигде. Может, ты один из них.

Мы пытались узнать все о тебе, но напрасно. Ни по отпечаткам пальцев, ни по фотографиям тебя не нашли нигде. Однако, именно ты упал в обморок на склоне холма. Тебе пришлось приходить в себя гораздо дольше, чем нам, и когда ты проснулся, то назвал себя Кортлендом и преподнес мне поистине фантастическую историю. Ты и сам веришь в это. И, значит, не обманываешь меня.

– Конечно, нет. Я пустился в путешествие вместе с остальными. Я...

– Ты рассыпался в пыль, – нетерпеливо заметил Пайтнер. – Подожди немного. Мне кажется, я заметил что-то в толпе возле тебя. Включи.

Снова вспыхнул экран со сценой на холме. Камера дрогнула и поехала чуть влево, остановившись на человеке, который только что появился в кадре.

Де Калб!

Нет, не Де Калб, Белем. Он повернулся к камере, и я увидел, как свет отражается от его блестящих металлических глаз.

Дневной свет внезапно снова стал красным. Толпа заволновалась, сгрудилась вокруг меня, моего двойника, когда тот упал. И Белем покачнулся. Холодный мозг механдроида собрал все свои ресурсы, чтобы противостоять тому, что хотело нарушить его целостность. И механдроид сделал то, что не сумел человек. Он пошатнулся, оперся рукой о камень, затем согнулся, спрятал в ладони лицо.

Но через четверть минуты он поднялся и спокойно пошел к передатчику. Шел он преувеличенно твердым шагом, но на лице его было заметно замешательство.

Пайтнер прошептал мне на ухо:

– Вот так было с ним!

Но шевельнувшееся в глубине моего мозга удивление привлекло все мое внимание. Белем тоже смотрел на это. Белем говорил почти такими же словами, какие произнес Пайтнер.

– Так вот как это произошло! Теперь я почти все понял.

16. Подземляне

В Лебедином Саду долго стояла тишина. Пайтнер снял со своей головы шлем и задумчиво посмотрел на меня. Я смотрел в это лицо Мюррея, но на меня смотрел Пайтнер с Колхана III, из этого времени. Он заговорил:

– В пещере спали четверо. И четверо падали в обморок, когда спящие дезинтегрировались. Это должно означать, что мы не просто двойники, по внешнему виду, для тех, кто уничтожен. Правда, я ничего не могу понять во всем этом.

Сейчас над этим работают мыслящие машины. Вскоре они сообщат нам вес факты и выводы, Кортленд. Когда мы обменивались мыслями, я заметил кое-что. Топаз – это двойник женщины в пещере?

– Доктора Эссен, – сказал я. – Я думаю, это она и есть. – Но про себя я думал: – у них всех есть двойники, кроме меня. И тем не менее, я видел, как рассыпался Джерри Кортленд. Это может означать только то, что мой двойник – человек без имени. Он пришел туда ниоткуда и упал в обморок. Когда он проснулся, он уже стал Джерри Кортлендом – мною. И я больше никогда не осмелюсь уснуть в этом мире от страха, что когда я проснусь, я стану – им! Не собой! Я видел, как я рассыпался в пещере по причине, мне непонятной. Я мертв. Когда этот человек проснется, я...

– Ол райт, Кортленд, – сухо сказал Пайтнер. – Я остав-

лю тебя здесь на час. Здесь ты в безопасности. Топаз сейчас придет к тебе.

– Я пленник?

– Нет, не совсем, – он улыбнулся мне. – Ты хочешь того же, чего хотим мы все – ответа на все это. Я думаю, что ты сказал правду. Я уверен в этом, если в данной ситуации можно вообще быть в чем-то уверенным. Конечно, может быть, ты способен скрывать свои мысли. Так что мы будем наблюдать за тобой, пока не выясним все подробно. Топаз через час приведет тебя ко мне. Я надеюсь, что к тому времени буду иметь ответ от машины.

Он попрощался со мной, повернулся и исчез в зарослях, направляясь к передатчику. Я не мог понять, почему он не убил меня.

Ведь в пещере нас было не четверо, а пятеро. И пятый был самый опасный убийца в Галактике. Некронный убийца прибыл вместе со мною. Как именно, я не знаю, но это так же верно, как то, что я не Джереми Кортленд, а черт знает кто, какое-то безымянное существо, пришедшее неизвестно откуда и неизвестно зачем. Инфекция была во мне, но где? В теле? В мозгу? В памяти? Я не знал. Я знал, что в любой момент могу ощутить взрыв энергии, который будет означать смерть. Еще одну смерть.

Пайтнер знал это. Он прочел об этом в моей памяти. Конечно, он не был человеком, решающим все, но когда он доложит обо всем на Совете, там решат просто. Убить Корт-

ленда. Вот что бы я сделал на их месте. И был бы прав.

Но они предложили мне ждать. Ждать чего? Казни?

Мне захотелось рассмеяться, когда я вспомнил, какой сложной мне казалась жизнь в моем мире. Мне ведь приходилось иметь дело с одним временем, одним пространством, с одним Джерри Кортлендом! Но я и тогда не мог справиться с собой: в сидении моего тобогана торчала заноза. Теперь Джерри Кортленд мертв. Он превратился в горстку пыли на полу пещеры где-то в другом мире.

Нелогично? Разумеется. Но теперь мне приходится иметь дело с тем, с чем не может справиться человеческий разум. С чем-то... реальным и ирреальным...

Я увидел в потоке бледно-зеленый апельсин, достал его и вонзил в него зубы. Во рту возник вкус алкоголя, необычайно восхитительный. Сок потек в мое горло и...

– Ты в опасности, – холодно и внезапно сказал голос в моем мозгу.

Я сжал руками голову – чисто импульсивно – как бы стараясь выдавить из моего мозга этого дьявола. Он был там – Де Калб – Белем – со своими холодными металлическими пазами, смотрящими на мир через мои глаза своими металлическими холодными мыслями, пронизывающими мой мозг.

– Ты можешь читать мои мысли? – спросил я вслух.

– Нет. Только, когда ты стараешься, чтобы я их понял. Вот как сейчас. Этот плод, который ты ешь, затуманивает разум.

Брось его, теперь я буду руководить тобой.

Я откусил еще кусок плода. Никто не приглашал его в мой мозг, подумал я как бы со стороны. Прекрасный Лебединый Сад как будто уплыл куда-то вдаль. У меня не было причин доверять ни Дс Калбу, ни Бслсму. Мне совсем не нравился способ, которым этот наглый механдроид проник в мой мозг, бесцеремонно занял там кресло наблюдателя-шпиона и еще осмеливается давать мне указания.

Лучше бы он занялся чем-нибудь другим. Например, я бы с удовольствием заглянул бы в мозг Топаз. Она не только очень красива, но и кс предсказуема в своем поведении, как дикая кошка. Я много бы дал, чтобы узнать, что она думает обо мне. Думаю, что я был бы приятно удивлен. Я же видел, как она улыбается мне. А что касается Пайтнера, то я и так прекрасно знаю таких людей. Вечное стремление к абсолютной истине – из таких людей получаются фанатики. Он не позволит мне остаться самим собой, я уверен в этом.

– Брось плод, – сказал голос. – Брось плод!

– Я и не думал слушаться его. Напротив, я решил откусить еще немного, но рука моя не повиновалась мне. Я вообще не мог двинуть ни рукой, ни ногой. Плод выпал из моих пальцев и упал в поток. С сожалением я смотрел, как он скрылся за излучиной.

– Видишь тот пурпурный плод? – сказал голос. – Вон, появился из-за поворота. Возьми его.

Я решил ничего не делать.

Однако моя рука достала продолговатый пурпурный плод, похожий на сигару, и поднесла его ко рту. Он тоже был вкусный, правда безалкогольный. Легкое опьянение стало проходить. Уже более охотно я откусил еще кусок.

– Хорошо, – сказал голос Белема. – Мне совсем не хочется заставлять тебя делать то или другое. Это слишком трудно. Тебе вскоре могут понадобиться мои Жилы, так что постарайся понапрасну не утомлять меня.

– Как ты делаешь это? – спросил я. – Где ты? В левой пазухе мозга?

– Там у тебя юмор, – мрачно ответил механдроид. – У нас его нет. Я не собираюсь объяснять тебе все подробно, но не вижу причин, почему бы тебе не знать, где я сейчас. Именно там, где ты видел меня в последний раз. Мое тело осталось в том же месте, но я вошел с тобой в постоянный контакт, мысленный, конечно.

Я слышу и чувствую то же, что и ты. Я могу читать твои мысли и даже, правда с трудом, управлять твоими движениями. Нравится тебе это или нет, но наши судьбы будут связаны, пока я снова не отделюсь от тебя.

– Послушай, – сказал я свирепо. – Вот плывет еще зеленый апельсин. Может, съедем его вместе?

– Доешь пурпурный плод, – приказал Белем. – Может, тебе придется съесть еще один, так как я переправлю тебя с помощью передатчика в один подземный район, о существовании которого я догадывался, но только теперь, когда про-

ник в память Пайтнера, узнал наверняка.

Это в высшей степени секретный район, но мы с тобой сможем проникнуть туда и выполнить одну важную задачу. Для тебя это так же необходимо, как и для меня. Пока ни ты, ни я не понимаем своего предназначение, но связаны мы с тобой осью времени, где мы оба спали. Мы...

– Не забывай, что там был и Пайтнер, – напомнил я ему.

– Я знаю. Я вместе с Партнером исследовал твою память и теперь знаю все основное. Я уверен, что теперь стал кое-что понимать. Наша задача сейчас – посетить подземное правительство. Если ты сейчас пойдешь обратно к передатчику...

– Почему я должен идти? – Я ощутил, что легкое опьянение совсем покинуло меня. – Это мой мозг, а не твой. У меня свои проблемы. Залезай в кого-нибудь еще и делай с ним эти свои грязные дела. С меня достаточно того, что я пережил с Пайтнером... И когда...

– Когда он точно узнает, что ты носитель некронного убийцы, он без колебаний принесет тебя в жертву. Ты идешь, или я должен заставить тебя?

Я хотел выругаться, но прежде чем слова пришли мне на ум, я услышал звонкий смех, и на поляну выскочила Топаз. Она запрыгала вокруг меня.

Она вся была усыпана сверкающими звездами разного цвета, разной формы. Они покрывали ее всю – волосы, лицо, руки, одежду...

– О, как я прекрасна! – кричала она в восторге, поистине

ребячем. – Скажи, ты когда-нибудь видел что-нибудь более прекрасное?

– Никогда в жизни, – заверил я ее. – Я...

И тут мои челюсти захлопнулись, едва не прикусив язык. Мышцы мои напряглись, и я без всякого желания со своей стороны повернулся и пошел по тропинке к передатчику. В моем мозгу прозвучал холодный металлический презрительный голос:

– Люди!

Мне было интересно наблюдать, как мои руки выбрала нужные кнопки на стене, соответствующие необходимой частоте, и нажали их. Думаю, что механдроид, глядя на ни моими глазами и управляя моими руками, знал, что делает.

Он знал, что делает. Комната завибрировала, у меня появилось головокружение и тошнота... а затем забвение.

Вышли мы уже в большом подземном зале. Я почему-то был уверен, что он находится под землей. Здесь было много народу – мужчин и женщин – которые не обратили на меня совсем никакого внимания. Я потолкался между ними – наполовину по собственному желанию, наполовину по воле моего узурпатора. Люди здесь были одеты самым разнообразным образом, так что мой костюм не привлекал ничьего внимания.

Я думаю, что здесь был жизненный центр системы передачи материи. Только где он находился, в глубинах какой планеты, я не имел понятия.

Должно быть, люди со всех концов Галактики делали здесь пересадку в своих путешествиях. Я пробрался сквозь толпу к ряду кабин передатчиков, вошел в одну из них, закрыл за собой дверь и стал нажимать кнопки на стене.

Странно, подумал я, когда в голове у меня возникло уже знакомое чувство дезориентации, странно, что я так долго нахожусь в этом времени и так мало познал этот мир, Где бы я здесь ни был, за исключением Лебединого Сада, я все время был под крышей, в помещениях. А что делается на поверхности планет, я не знаю, а может, и никогда не узнаю.

Стены комнаты вновь стали неподвижными, двери открылись.

Я увидел длинный коридор, залитый белым светом.

– Это подземелье, – раздался голос Белема у меня в мозгу.

17. Мир Белема

Если бы я ждал увидеть что-либо волшебное, я был бы разочарован. Передо мной был просто коридор – белый коридор, пустой и тихий.

– В твоё время, – сказал мне механдроид, – здесь были толстые двери и крепкие замки. Это был арсенал правительства. Иди вперед.

Я повиновался. Внезапно я ощутил короткую вибрацию, пронзившую все мое тело. Но она тут же исчезла.

– Ты только что миновал пространство между катодом и анодом. Это поле предназначено для уничтожения любого механдроида, проходящего тут. Но для человека это поле безвредно. Ни один механдроид не имеет права входить в это подземелье.

Значит, механдроиды все же уязвимы.

– Разумеется, – тут же откликнулся Белем. – Каждое существо может быть приведено в состояние небытия. Чем менее устойчив организм, тем легче его уничтожить. Однако эта система с анодом и катодом слишком громоздка и ограничена по мощности.

Эта система пригодна только для защиты. Кстати, она может уничтожить и тебя, если ее настроить соответствующим образом. Здесь есть и другие устройства, предназначенные против людей, на которых нет защитной одежды. К сча-

стью...

Я уже не был в коридоре. Вся привычная для меня геометрия вокруг меня вдруг исказилась, мои глаза, потерявшие обычную перспективу, не могли настроиться на фокус. Голова моя закружилась, как будто исчезла сила тяжести.

Я не могу описать то, что невозможно описать. При обычной перспективе все прямые линии – пол, стены, потолок, сходятся где-то впереди, в невидимой для меня точке. А сейчас они сходились надо мной и тотчас же расходились передо мной. Такие искажения, может быть, объяснимы в конце Вселенной, но здесь...

Я не мог ничего понять. Что-то произошло с силой тяжести. Мне кажется, что я падаю в том направлении, куда смотрю в данный момент.

Это уже был не коридор. Белая пустота. Совершенно белая и совершенно пустая. Вокруг ничего – только острие конуса, угрожающе направленное на меня со всех сторон. Я пытался двинуться вперед, но не мог – мне казалось, что я неминуемо упаду.

– Иди вперед, – настаивал Белем.

Я закрыл глаза и шагнул вперед. Затем по команде Белема я чуть приоткрыл их и то ли начал падать, то ли побежал по расширяющемуся белому конусу, в который превратился коридор. Я бежал и чувствовал, что двигаюсь по закругляющейся линии. Вскоре оказалось, что я уже бегу в противоположном направлении – от конуса.

– Я не могу долго управлять тобой, – сказал Белем. – Мне нужен отдых. Расслабься. Позволь мне управлять твоими мышцами. Не сопротивляйся. Все, что тебя смущает здесь – это оптическая иллюзия. Ее воспринимают только люди. Я вижу все, как надо.

Я с трудом заставил себя открыть глаза и не закрывать их, расслабил мускулы. Это ощущение постоянного падения ни на секунду не оставляло меня и даже усиливалось. Я с трудом сдерживался, чтобы не отреагировать на то, что сообщали мне мои зрительные нервы. И я шел, шел к... не знаю к чему – к точке исчезновения? – только так я могу назвать вершину конуса. И я подошел к ней... и прошел сквозь нее. Не спрашивайте как, потому что это была оптическая иллюзия – я снова оказался в белом коридоре.

Я неуверенно пошел по нему до того места, где он разветвлялся. Белем направил меня по новому пути.

На стенах через определенные промежутки были нарисованы какие-то иероглифы. Я не понял, что они означают двери, пока Белем не приказал мне остановиться возле одного из них. Я коснулся стены, и в ней открылась щель, которая, подобно кошачьему глазу, превратилась в овал, а затем увеличилась настолько, что я смог через отверстие проникнуть в комнату. Панель бесшумно закрылась у меня за стеной.

Это оказалась большая комната, в углу которой стоял передатчик вещества. На стенах были смонтированы панели с органами управления, чрезвычайно сложными, насколько я

могу судить. На стеклянном возвышении в комнате находился прозрачный ящик. Он был небольшой и мог уместиться в моей ладони. Его освещали два ярких луча света, исходящие из двух цилиндров, установленных на стеклянном возвышении по бокам ящика.

Внутри ящика я увидел кусок чего-то, похожего на золотистый мрамор.

– Я же знаю, что это, – сказал я, – эта штука может исполнить три моих желания.

– Юмор – это защитная реакция организма на страх, – бесстрастно произнес Белем. – Но именно поэтому я избрал сложный и опасный путь сюда, проникнув в твой мозг. Все люди этого времени с подозрением относятся к механдроидам, и ни один из них не был так далеко.

Ты единственный, с кем я мог рассчитывать проникнуть в подземелье. Я полагаю, что в этом стеклянном ящике находится именно то оружие, против которого у нас нет защиты. Пока оно находится в поле, оно безвредно. Но если поле отключить, кристалл проявит активность.

– Что это?

– Это сгусток энергии. Сейчас он заряжен положительно. Когда он активизируется, он зарядится отрицательно. Тогда он создаст вокруг себя поле диаметром в одну милю. В этом поле не может работать ни один передатчик вещества.

– Но это не так уж и опасно. Ведь не так трудно пройти милю пешком до ближайшего передатчика.

– Это так. Но предположим, люди захотят напасть на нашу лабораторию. Ты ее видел. Они быстро поставят ящик, пока он не активизировался, в передатчик, настроенный на нашу планету. Одно мгновение – и он у нас. Он парализует все наши энергетические установки, и мы окажемся беззащитными.

– Надолго?

– Не знаю. Но на продолжительное время. Когда ящик активизируется, его нельзя сдвинуть с места и отнести на большое расстояние, на котором его поле не действует. Однако сейчас ящик можно переносить. Можешь ты коснуться его?

Я протянул руку, но что-то остановило ее в футах от ящика. Рука моя не смогла проникнуть сквозь невидимый барьер.

– Я так и думал, – сказал Белем. – Попробуй нажать кнопку на возвышении.

Я нажал и снова протянул руку к ящику. На этот раз я коснулся его. Защитное поле исчезло. Ящик был совсем не тяжелый. Я легко смог поднять его.

– Хорошо, – сказал я. – Но причем здесь я? Почему я должен тебе помогать?

– Если ты не будешь мне помогать, Пайтнер убьет тебя, – терпеливо сказал Белем. – Если он сам не сделает этого, то тебя убьют другие, как только узнают, что ты носитель некронного убийцы. Мне кажется, что я знаю, в чем дело. Если ты мне поможешь, я уверен, что смогу разрешить и твою проблему.

Я буду защищать тебя, и для этого у меня две причины. Во-первых, я не могу покинуть твой мозг, пока мы с тобой не установим вновь физический контакт. Если ты будешь убит раньше этого, я тоже погибну. После завершения нашего дела мы с тобой снова вернемся в мир, где нахожусь теперь я и где мы впервые увиделись с тобой. А вторая причина...

Внезапное, резкое сокращение всех моих мышц заставило согнуться меня пополам. Я стал падать вперед, увидел как пол быстро приближается ко мне – и я почувствовал, как мышцы мои снова расслабились, и только это смогло удержать меня от удара. Я был так поражен, что не обратил внимания на зеленый луч с извивающимися щупальцами, который плавал в воздухе на том месте, откуда я только что упал. Но Белем произнес:

– Парализующее излучение.

То, что произошло дальше, заняло ничтожно мало времени.

Когда я вновь почувствовал под собой ноги, я обернулся и увидел, как дверная панель бесшумно раскрывается. В отверстии появился человек с поднятым оружием. Это был Пайтнер. Его зеленые глаза сверкали, рот был открыт в гримасе негодования. Оружие его представляло подобие рапиры, но на конце ее было установлено сопло. Резиновый край сопла, похожий на губы, мерно сжимался и разжимался, как бы дыша.

Белем ощутил присутствие Пайтнера раньше, чем я. Это

он заставил меня броситься в сторону раньше, чем Пайтнер выстрелил – и он промахнулся.

У меня не было никакого оружия, а Пайтнер снова поднял свою рапиру. Я не имел понятия, что же мне делать.

– Что мне делать? – в отчаянии воззвал я к Белему.

– Не знаю. Успокойся. Я подумаю, – это все, что мог предложить Белем.

Я нашел глаза Пайтнера и попытался загипнотизировать его.

– Подожди! Пайтнер, не стреляй! Я...

Он не отвечал. Он продолжал целиться в меня. Я подумал, следил ли он за мной с самого начала? Интересно, много ли он знает? И почему он решил убить меня тут же, не выслушав ни слова в мою защиту? Он даже не удивился, обнаружив меня здесь.

Губастый рот рапиры глубоко всосал воздух и начал медленно выдыхать его обратно. В любую секунду из сопла вырвется луч со щупальцами. И мне некуда броситься, чтобы избежать встречи с этим лучом. Разве что в сторону пьедестала с ящиком. Но я неминуемо столкну его.

Столкну его...

Да, конечно. Это решение. Такое простое, что никто из нас не видел его. Это было самое простое решение на свете! Я рассмеялся, схватил стеклянный ящик и швырнул его в лицо Пайтнера.

Не могу сказать, что у Пайтнера не было реакции. Мозг

его осознал опасность, как только ящик оказался у меня в руках. Он мог сделать только одно – и он сделал это. Он бросил свое оружие и поймал опасный и драгоценный ящик на лету.

Я не стал смотреть, что будет дальше. Как только оружие выпало из рук Пайтнера, я уже был у дверей передатчика материи. Одним ударом ноги я захлопнул за собой дверь и протянул руку к стене с кнопками настройки.

– Белем! – крикнул я.

Пайтнер торопливо устанавливал ящик в то место, где он не мог активизироваться. Ведь через две минуты, если ящик не окажется в защитном поле, все передатчики вещества в радиусе мили перестанут функционировать. И тогда я пропал, если конечно, Белем не поможет мне сейчас.

К счастью, он помог. Мои пальцы без участия моего мозга начали нажимать кнопки. Полированные металлические стены завибрировали, и я перестал их видеть.

18. Космическое крушение

– Нет, тебе не следует выходить, – сказал Белем. – Мы сейчас находимся в камере передатчика, брошенного у космического корабля, который находится в созвездии Центавра. Мы обнаружили его много лет назад. И мы знаем еще много таких передатчиков, которые очень полезны в ситуациях, подобных этой. Не мог же я установить настройку так, чтобы мы попали сразу же прямо на нашу планету. Ведь Пайтнер легко прочел бы наше местонахождение по индикаторам.

Я почувствовал, что мне тяжело дышать. Механдроид сказал, что нам нужно торопиться.

– Мы захватили с собой несколько кубических ярдов воздуха, но этого хватит ненадолго. Сейчас, не мешай мне...

Я смотрел, как мои руки крутили заржавленные диски на стене. Мне стало не по себе, когда я подумал о мрачных глубинах космоса, окружающих нас, о нашем прибежище – песчинке, которая летит в чужой звездной системе и из которой с каждой секундой улетучивается наш последний воздух.

К счастью, для моего душевного равновесия, в течение этих часов пребывания в будущем у меня было мало времени подумать обо всем, что происходило со мной. Я так внезапно очутился в мире, культура которого была для меня абсолютно чуждой, что я мог совершенно спокойно сойти с ума.

Стены завибрировали, стали расплываться – и вот я уже

видел сквозь прозрачный металл ярко-зеленую траву и круг домов с низкими, похожими на китайские, крышами. Единственные живые существа, которых я увидел тут, были голубь с красной лентой в клюве, летящий низко над землей, и дурашливый пес, который бежал за голубем и безуспешно пытался схватить зубами ленту. Я мог слышать его лай.

– Быстрее, – сказал Белем, и мои руки снова стали крутить диски, нажимать кнопки. Я и не подозревал, что может существовать столько передатчиков. Одни из них имели прозрачные стены – и я мог видеть, что нас окружает, другие же были начисто отрезаны от внешнего мира, и я исчезал оттуда, так и не узнав, где я побывал.

В одной из камер я увидел на полу два огромных красных цветка странной формы. Видимо, их оставил тот, кто пользовался передатчиком до нас.

После нескольких перемещений Белем, наконец, сказал:

– Здесь нам нужно выйти и перейти на другую линию. Я думаю, что теперь нам можно переместиться в нашу лабораторию. Открой дверь.

Я вышел в город, подобный тому, какой я уже видел в этом мире. Толпы людей в самых разнообразных одеждах кишели на улицах. Люди то исчезали в кабинках, то появлялись вновь – уже из других кабинок.

– Видишь ряд кабинок с голубыми лампочками? Найди свободную. Мне кажется, третья с краю.

Когда я подошел к кабинке, дверь ее открылась, и оттуда

вышел толстый мужчина, в засыпанном снегом плаще. Мужчина пошел прочь, отряхиваясь на ходу. Я вошел в кабинку, стараясь не ступить в лужи, образовавшиеся от растаявшего снега, который принес с собой толстый мужчина из какого-то другого мира. Может с Земли?

– Эти кабинки – прекрасное место и средство для распространения заразы, – сказал я, войдя в кабинку. Неизвестно ведь, откуда этот снег. И теперь мы принесем его в твою лабораторию.

– Странно, что ты считаешь снег чем-то более ужасным, чем то, что носишь в себе ты...

– Хорошо, хорошо, забудем о моих словах, – торопливо сказал я. Действительно, может я уже занес некронную смерть на десятки миров, оставляя вирус в кабинках, где его могли подхватить и другие.

– Пока об этом нечего думать, – сказал Белем. – Поверни ручки.

Я повиновался.

На этот раз мне показалось, что вибрация стен была гораздо сильнее и длилась дольше. Видимо, мы переместились на очень большое расстояние. Затем стены успокоились, и я открыл дверь.

Я ожидал увидеть громадную лабораторию, опоясанную железными балками, светящуюся нейронную сеть над столом, где делалась могущественная человекоподобная машина. Может быть, и неподвижная фигура Белема поджидала

нас у дверей...

Но перед нами лежала та же площадь. Я даже увидел толстого человека в засыпанном снегом плаще. Правда, он уже был шагах в десяти от нас. Мы остались на той же станции.

– Попробуй снова, – сказал Белем после долгой паузы. Я почувствовал в его голосе напряжение.

Я снова повернул диски. Стены завибрировали, исчезли. Затем все успокоилось.

Я открыл дверь. Снова та же площадь. На этот раз толстый мужчина уже почти исчез в толпе, ко я успел увидеть его белый плащ.

– Закрой дверь, – сказал Белем. Я ощутил, что им уже владеет паника. Он был испуган, хотя старался подавить страх. – Все очень просто. – сказал он скорее себе, чем мне. – Приемник в моей лаборатории больше не работает.

И это означает только одно. Пайтнер обнаружил нас, правда я не знаю как. Во всяком случае, он успел выслать туда свое оружие. – Белем не назвал оружие, но у меня в мозгу сразу же всплыло видение стеклянного ящика, с куском золотого мрамора в нем.

– Хорошо, – сказал я. – Тогда отпусти меня. С нами все кончено.

– Вовсе нет, – резко ответил Белем. – Нам нужно найти ближайший к лаборатории действующий приемник. Оттуда мы сможем дойти пешком. Там есть тайные ходы, которые правительству не обнаружить. В конце концов, прошло еще

слишком мало времени, чтобы произошло что-либо серьезное. Я должен вернуться в свое тело, а ты с нами будешь в большей безопасности, чем с правительством. Поверни ручки, быстро.

Кто-то нетерпеливо забарабанил в дверь, но стены уже завибрировали, и мы стали перемещаться в бесконечном пространстве к тому миру, где находилась лаборатория. Я предполагаю, что для такого перемещения в пространстве тело человека рассыпается на молекулы, которые вновь собираются в приемнике. Однако, может я ошибаюсь. Когда я снова стал самим собой, я уже находился в маленькой кабине, где сильно пахло машинным маслом. Я открыл дверь.

Я сразу же узнал этот странный бледный дневной свет, полосы холодного света на черном небе, далекое холодное двойное солнце над полуразрушенным городом.

Но сейчас этот город был очень оживлен. Люди в униформе двигались по улицам на низких квадратных карах, летящих почти над землей. Люди то исчезали, то появлялись снова из кабинок передатчиков. Над ржавыми крышами домов виднелась ослепительно-голубая игла. Я знал, что это.

– Быстрее, – сказал Белем. – Иди за угол и вставай на диск, на его черную половину. Если ты поторопишься, тебя здесь не успеют узнать. Я думаю, что нас ищут, ждут здесь.

– Меня, а не нас, – сказал я, выходя из кабины. – Не удивлюсь, если Пайтнер специально выпустил меня, чтобы выследить, где находишься ты. Правда, я уверен, что он не дога-

дывается о том, что был все время рядом со мной. Вот диск. Теперь что?

– Встань на него. На темную половину.

Диск был диаметром шесть футов.

На темной его половине была нарисована стрела. Я осторожно встал на нее.

Теперь я уже стоял на светлой половине, и диск был точно такой же. Но вокруг меня уже были другие дома. Отряд солдат вдали быстро подошел к большому диску, погрузился на него и исчез.

– За угол, – торопил меня Белем. – На темную половину диска. Скорее!

Одним прыжком я пересек темное пространство этого странного города.

Вскоре мы остановились возле пространства, окруженного забором.

Это было похоже на свалку, так как здесь громоздились очень многие летательные аппараты, самого разного вида, каров и еще каких-то машин, о назначении которых я не мог догадаться.

– Иди туда. Там увидишь маленький корабль. Только смотри, чтобы тебя никто не видел, когда будешь входить в кабину.

Я нашел корабль, влез в кабину и сел в кресло пилота с изодранной обшивкой. Интересно, кто в последний раз сидел в этом кресле, направляя корабль в пучины космоса? Бе-

лем нетерпеливо прервал мои мысли. По его приказу я закрыл дверь и откинул трап.

Никто нас не заметил, хотя я все время ощущал, что на меня нацелено сопло рапиры с раздувающимися губами. Немного погодя кто-то уже открывал дверь кабины.

Огромная лаборатория была голубая от дыма, наполнявшего ее, и еще более голубая от пронзительного света самого конуса иглы, которая вонзалась в голубое небо.

Неподвижная фигура Белема стояла там, где я оставил ее.

19. Мрамор

Было любопытно смотреть в это чужое лицо после того, как его мысль была частью моей жизни. Бесстрастное лицо, странные быстрые металлические глаза...

Да, это был Де Калб.

Казалось, что свое собственное тело показалось ему чужим, потому что он сделал несколько коротких шагов вперед-назад.

– Ты очень похож на Де Калба, – сказал я. – И двигаешься, как Де Калб. Белем, где сейчас Де Калб?

Он быстро взглянул на меня.

– Я сказал, что начинаю понимать. Но пока у меня нет полного ответа. Смотри, Кортленд!

Я взглянул туда, куда он показывал. Огромная комната лежала передо мной. Возле панели управления суетились механдроиды. Вероятно, они создавали голубой купол света, который защищал лабораторию. Изредка световая завеса в некоторых местах рвалась. Нападение? Штурм? Но ведь прошло так мало времени после того, как я сбежал от Пайтнера! Значит, главный штурм впереди!

Под светящейся сетью все еще лежало на столе тело. Возле него работали механдроиды, старающиеся вдохнуть жизнь в это суперсущество.

– Это самое главное, что происходит здесь сейчас, – ска-

зал Белем. – Я нужен там. У меня нет ни времени, ни умственной энергии, чтобы решать твои проблемы. Позже, если мы останемся живы, я помогу тебе.

Он быстро повернулся и пошел к столу. Я молча последовал за ним. Супермехандроид лежал на столе с закрытыми глазами. В его лице было что-то нечеловеческое, хотя черты лица казались вполне человеческими. Мне оно тоже показалось знакомым. Белем? Я смотрел на это лицо, но не мог понять, откуда у меня это ощущение, что я уже видел его. Человек? Машина? Или то и другое?

– Он уже жив? – спросил я.

– Для того, чтобы узнать это, нужно еще четыре дня, – ответил один из механдроидов. Он говорил по-английски безукоризненно правильно, как машина, казалось, что он изучал язык по пластинкам и теперь воспроизводил все шумы, которые были при воспроизведении, даже щелчки.

– Он уже жив и начал мыслить, но для полного оживления должно пройти еще четыре дня. Я думаю, что наша защита выдержит этот срок. Однако энергии у нас надолго не хватит.

– А мы сможем сбежать отсюда тем же путем, что я проник сюда? – спросил я.

– Не можем же мы взять его с собой. Нет, это невозможно. Единственное, что нам остается – это защищаться и надеяться, что мы сумеем закончить работу вовремя. Однако я в этом сомневаюсь, – печально заметил он.

– В первый раз, когда вы делали механдроида, – нетактич-

но заметил я, – они уничтожили целый город. Почему бы им не сделать этого и сейчас?

– Они считают это ошибкой, – ответил Белем. – Сейчас они усовершенствовали оружие. А к тому же им хочется узнать, чего мы добились. Однако если у нас не останется выхода, мы взорвем себя сами.

– Но ты должен работать, пока...

– Естественно, – с удивлением ответил Белем. – Если есть малая, но отличная от нуля вероятность того, что мы добьемся успеха, было бы глупо отказываться от этого шанса. Я механдроид, и пока живу и мыслю, обязан работать над решением проблемы, которая поставлена передо мной. А решение проблемы может быть осуществлено только супермехандроидом. Поэтому мы создаем его.

– Я полагаю, – сказал я, – что во всех вас стоит встроить блок, который бы сделал вас неопасными для цивилизации.

– Это ни к чему. Супермехандроид вовсе не представляет угрозы для цивилизации. Пайтнер ошибается. Люди часто ошибаются. Человек-машина опасен только для тех, кого следует уничтожить. Люди игнорируют то обстоятельство, что мы тоже мыслим и можем принимать решения.

Ведь рано или поздно люди поймут, что супермехандроид необходим. Проблемы, встающие перед человечеством, слишком сложны для них и для нас.

Белем взглянул на спокойное лицо супермехандроида. Затем он повернулся и пошел куда-то. Я за ним. Мы прошли

мимо механдроидов, занятых работой, которые не обратили на нас ни малейшего внимания. Затем Белем приблизился к ржавой металлической стене, нажал что-то – и стена раскрылась перед ним. И вот я снова в том передатчике, откуда впервые увидел эту лабораторию.

На ржавом полу лежал кусок мрамора. И все. Теперь он стал серебряным.

– Он же раньше был золотой, – сказал я.

– Трансмутация. Превращение радиоактивных элементов.

– Он такой маленький.

– Подними его.

Я попытался. Хотя я легко мог обхватить кусок мрамора пальцами, поднять мне его не удалось. Казалось, что он привинчен к полу.

– Никакая сила в мире не может сдвинуть с места отрицательно заряженное активированное тело, – сказал Белем.

– Даже бесконечная сила? – спросил я.

– Существование одного автоматически исключает другое...

– Это просто мой юмор, – сказал я. – Однако его не удовлетворил мой ответ. Меня тоже.

Я пнул ногой кусок мрамора и запрыгал на одной ноге, корчась от боли.

Я не могу описать битву, так как не понимаю, как она происходила. Изредка стена голубого света рвалась в нескольких местах, и тогда механдроиды начинали суетиться вокруг

панели управления, пока стена не восстанавливалась. Вероятно, снаружи наша защитная стена выглядела весьма любопытно.

В лаборатории не чувствовалось никаких признаков паники. Механдроиды спокойно делали свое дело. Белем был занят своими делами. Я ходил по лаборатории и наблюдал, воображая, что я военный корреспондент. Иногда я заглядывал в передатчик вещества. Кусок серебряного мрамора все еще лежал там.

Я чувствовал себя весьма неуютно в этом мире, мире будущего. Я не мог понять здесь самых основных взаимоотношений человека с обществом. Я видел этот мир в действии, но не понимал, почему здесь все происходит именно так.

Для людей этого мира пространство не значило ничего. Человек мог жить у черта на рогах – в самом дальнем конце Галактики – и тем не менее он мог бы на завтрак получать калифорнийские апельсины прямо с дерева.

Да, пространство для них не существовало, а значит, должна была измениться сама система мышления.

И способ воевать тоже. Самое главное в этой войне – это сделать противника неподвижным. Этот кусок мрамора был, как гвоздь, которым нас приколотили к планете.

Значит, нам нужно придумать клещи, которыми можно вытащить этот гвоздь.

Я уже стал мыслить галактическими масштабами. У меня рождались в мозгу странные идеи – например, прицепить

этот кусок к какой-нибудь планете с помощью лучевых трое-сов и вытащить его отсюда, как трактор вытаскивает из кю-вета машину. Я рассказал об этой идее Белему. Тот серьезно подумал и заметил, что идея чересчур фантастическая, и у нас нет никаких возможностей для ее реализации.

Несколько обескураженный, я сел и стал думать дальше.

– А почему ты уверен, что супермехандроид сумеет ре-шить проблему некрона? – спросил я Белема.

Он работал с каким-то хитроумным прибором, состоя-щим из разноцветных линз. Его спокойное лицо совершенно не менялось.

– Я могу лишь надеяться на это, – ответил он. – Мы со-здаем его именно для решения этой проблемы, и мощь его мозга намного будет превосходить мощь моего.

– И он будет свободен в принятии решений?

– Да, в известных пределах. Он будет делать все, чтобы решить свою проблему.

– Но что еще он будет решать? Кроме некрона?

– О, это будет очень мощный мозг, способный на очень многое.

Он снова вернулся к своей работе. Через некоторое время он снова заговорил:

– Я все время размышляю над некроном. Материя и мысль связаны друг с другом. Может быть, некронное веще-ство может облекать себя в форму своей жертвы, того, кто служит ему пищей.

– Ты думаешь, он убивает ради пищи?

– Ты об этом знаешь столько же, сколько и я. А может быть, и больше. Мы не знаем, почему это существо убивает. Единственный очевидный ответ – восстановить свое существование. Даже организм с нулевой энтропией нуждается в этом.

Он задумчиво смотрел на голубые вспышки в своей машине и думал о чем-то. Задумался он не надолго – на несколько минут.

Я смотрел, как черная молния пробила голубую завесу, и черное облако всплыло в лабораторию. Но трещина в стене быстро залечилась, и облако мгновенно рассеялось.

Белем повернул ручку прибора, сдвигая две линзы.

– Вполне возможно, что мы уже никогда не узнаем ничего о некроне, – сказал он. – Мы не сможем выстоять. Командование принял здесь Военный Совет.

– А не Пайтнер?

– Он входит в Совет. Он уже трижды голосовал против уничтожения планеты. Он не хочет уничтожать нас – уничтожать тебя.

– Это очень любезно с его стороны. Особенно после того, как он пытался убить меня в Подземелье.

– Парализовать, – поправил меня Белем.

Снова тишина. Белем работал, а я смотрел.

– А что произошло бы, если бы у нас была возможность создать такой же кусок мрамора? – спросил я немного пого-

дя.

– Два куска, оба отрицательно заряженные, отталкивали бы друг друга. К несчастью, у нас нет ни времени, ни оборудования, чтобы создать второй кусок.

– Но вам достаточно расколоть этот пополам, – сказал я. – Тогда они просто вытолкнут друг друга за пределы галактики. Верно?

– Неверно. А кроме того, это невозможно. Так что нет смысла говорить об этом. При расколе разрушается и Электронная матрица, целое никогда не бывает больше суммы составляющих его. И сумма составляющих всегда равна целому.

– Значит ты никогда не слышал о Банахе и Тарски, – сказал я.

– О ком?

– Однажды я писал очерк об их работе. Меня очень заинтересовали их расчеты. Парадокс Банаха–Тарски – так он называется – это метод разделения твердого тела на части и затем соединения в целое, но с другим объемом.

– Я должен вспомнить об этом, – сказал Белем. – Ведь я прочел всю твою память. Это чисто теоретическая разработка, да? – он обыскал мою память, и я чувствовал себя, как пациент перед врачом.

– Да, теоретическая, – сказал я. – Однако кто-то сумел ее решить практически. Только я не помню подробностей.

– Нет, помнишь. Ты просто не можешь найти их у себя в

памяти, – сказал Белем, глядя на меня. – Ты просто не властен над своей памятью. Но информация где-то хранится. Очевидно, я недостаточно хорошо изучил содержание твоей памяти. Ты помнишь имя – Робинсон?

– Н-нет.

На лице у него было все то же спокойное выражение, но я чувствовал, как возбуждение его возрастает.

– Кортленд, – сказал он. – Я снова хочу войти в твой разум. Я думаю...

20. Последняя защита

Очевидно, он думал, что я буду возражать, хотя для него это не имело значения. Я видел, как его глаза расширились, глядя прямо, в мои глаза. Но вот их фокус изменился. Теперь они смотрели куда-то внутрь, за мои глаза.

Я видел, как тело его остается неподвижным, но лицо застыло, потеряло всякое выражение.

И вот он снова заговорил со мной, но голос его звучал в моем мозгу.

– Помни, все здесь, в твоей памяти. Правильно подобранная ассоциация – и все всплывет. Подсознание не забывает ничего. Робинсон, Калифорнийский университет...

– Калифорния... – подумал я, и что-то щелкнуло, переключилось. Я увидел перед собой раскрытую страницу – страницу, которую я читал тысячу лет назад. Печать была четкой, и я хорошо разбирал слова.

«Профессор Рафаэль М.Робинсон из Калифорнийского университета показал, что можно разделить твердую сферу на пять частей, из которых можно сложить две сферы, каждая из которых равна по объему исходной сфере. Одна сфера формируется из двух частей, а вторая из трех.

Иными словами, сумма объемов пяти частей равна объему исходной сферы и равна сумме объемов двух сфер, то есть вдвое большему объему».

И это все. Для Белема этого было, конечно, недостаточно. Я чувствовал, как он нетерпеливо обшаривает мой мозг, в поисках, но он не мог найти там того, чего там не было. Вскоре он покинул мой мозг, металлическая фигура зашевелилась. Белем повернулся и, молча, пошел к столу, где начал что-то рисовать.

Когда я задал ему несколько вопросов, он рассеянно послал меня к черту.

Так это началось. Бесполезно спрашивать меня, как это кончилось – я не понимаю. Смешно претендовать на то, что я хоть что-нибудь понимаю в этом, хотя все происходило у меня на глазах.

Не легко. Не быстро. Это заняло так много времени, что чуть не стало бесполезным, ведь штурм продолжался.

Я еще мог следить за первыми стадиями эксперимента Белема. Он забросил свою работу с линзами и полностью переключился на парадокс Банаха–Тарски. Я наблюдал, как он формирует сферы, грани, но затем у меня заболела голова от этого.

Он попытался сделать то, что любому человеку казалось невозможным.

Вскоре я отошел и стал смотреть на игру огней около защитной стены. Хотя на первый взгляд все казалось благополучным, но я ощущал возросшую опасность. На мои вопросы никто не отвечал, но я видел, что движения механдроидов стали более быстрыми. Они знали, что нужно поторап-

ливаться.

Супермехандроид на столе тоже изменился. Нейронная сеть над ним упростилась. Теперь в ней светились только основные узлы и каналы.

Неподвижное тело лежало на столе, окруженное голубоватым сиянием, как в коконе.

Механдроиды столпились вокруг стола, склонившись над ним. У меня создавалось впечатление, что они слушают советы своего новорожденного собрата. Более того, некоторые из них выпрямились и куда-то торопливо направились, как будто выполняя приказ.

Они работали, зная, что им оставалось жить часы, а может минуты.

Черная молния, снова прорвавшая голубую завесу, вызвала бешеный приступ активности механдроидов.

Красное облако медленно выплыло под огромные своды лаборатории, но теперь уже брешь не закрылась. В красном облаке вспыхнул красный столб, который стал расти, грозя разрушить стены.

Позади меня послышался звук колокола. Все механдроиды и я повернулись на этот звук. Белем стоял у своего стола, и на его лице, как обычно бесстрашном, появилась тень торжества.

– Вот оно, – сказал он.

Число механдроидов вокруг операционного стола заметно уменьшилось. Многие подошли к Белему, чтобы посмот-

реть.

В воздухе над его столом плавала сфера размером с грейпфрут. Он лучами света, как ножами, разрезал эту сферу на пять частей. Эти разрезы, конечно, были не простые. Казалось, что лучи света режут сферу на части так, что разрезают даже молекулы.

Вот в воздухе уже плавают пять частей. Я был почти уверен, что сфера была разрезана в четырех измерениях, так как я совершенно не мог сфокусировать свое зрение на них.

Я не мог смотреть на эти части без боли в глазах, я закрыл глаза, но после долгого вздоха присутствующих я рискнул открыть их.

Там, где плавала одна сфера, теперь их было две.

– Это же делают и амебы, – сказал я. – Что особенного в размножении делением?

– Не болтай, – сказал Белем. – И будь готов бежать, как только я прикажу. Времени осталось совсем мало, – он бросил встревоженный взгляд на окно.

Все в огромной лаборатории без суматохи готовились к бегству. Вся огромная нейронная сеть была свернута и помещена в глубь кокона из голубого сияния. Стол уже не стоял на полу, а висел в воздухе без всяких опор. Значит, передатчики вещества уже готовы к действию, подумал я.

– Возьми эту трубку, – сказал Белем, – и иди в камеру передатчика. Держи трубку так, чтобы голубой конец был направлен вверх. Я буду с тобой через минуту.

– Даже если ты сможешь расколоть этот мрамор, – сказал я, – уверен ли ты в успехе?

– Сейчас некогда разговаривать. Иди в камеру передатчика и открой дверь.

Серебряный мрамор все еще лежал на полу. Он был освещен красным светом, заполнявшим лабораторию. Красный свет исходил из длинного цилиндра, пронизавшего защитное поле и упорно расширяющегося, несмотря на все усилия механдроидов погасить его.

Белем методично работал со всеми своими призмами, линзами и трубками. Стол с закутанным в кокон сияния телом висел в воздухе, готовый к отправке в любой момент, как только передатчики начнут функционировать.

Я разглядел лицо спящего. Оно потрясло меня, хотя я и не могу объяснить почему.

Супермехандроид спал, но он уже был готов проснуться. Во всяком случае, мозг его бодрствовал.

Казалось, что вся лаборатория была наполнена излучениями этого могущественного мозга. Мне казалось, что я понимаю, что происходит сейчас за этим могучим лбом.

Странное дело, но меня снова встревожило то, что это лицо было мне знакомо. Правда, сейчас не было времени думать над этим, но я был уверен, что видел это лицо раньше.

Защитные стены лаборатории могли рухнуть в любой момент. Но вот снова вниз поползли огненные экраны, отделявшие нас от нападающих. Видимо, Белем использовал по-

следние энергетические резервы, чтобы закончить свои эксперименты.

В лаборатории сверкали разноцветные молнии, носились тени от балок. Один из механдроидов что-то сказал Белему на своем языке. Я ничего не понял, но в ответе Белема я услышал имя Пайтнера.

Белем повернул призму. Говорил он громко, но спокойно. И теперь я почувствовал что-то странное в воздухе, какой-то низкий, почти неслышимый гул. Я не могу сказать, что это было. Какие-то волны накатывались на нас, что-то такое, чего я никогда не ощущал раньше.

И только спустя некоторое время я понял, что же это.

Спящий просыпался. Пока не физически. Тело его было беспомощно в своем коконе из света. Но разум его уже общался с разумом его создателей, могучий разум, работающий как исключительно точная, мощная машина, для которой не было ничего невозможного, ничего непостижимого.

Белем отложил в сторону свои призмы, схватил меня за руку и повел по металлической дорожке в другой конец лаборатории.

– В чем дело, – в замешательстве спросил я, следуя за ним против воли, так как ничего не мог противопоставить этой железной руке, стиснувшей мой локоть. – В чем дело? Что-нибудь случилось?

– Ничего не случилось. Мы нужны в другом месте. Здесь все организуют остальные.

– Но я хочу посмотреть...

– Нет времени.

Я с сомнением посмотрел на него. Хотя в его тоне угрозы не было, но кто его знает?

– Так что же случилось?

– Нас атакуют люди под командованием Пайтнера. Мы должны сдержать их, пока не заработают передатчики. Я действую по приказу. Супермехандроид дал указания. Он сказал мне, что надо делать... Смотри!

21. Инфекция распространяется

И вот наступил момент, когда рухнула последняя защита: Яркая вспышка – и алый свет, казалось, озарил все углы лаборатории. Затем он угас, и еще некоторое время слабо трепетало голубое пламя. Но совсем недолго.

В окно влетело копьё из алого пламени, а сразу за ним стальной цилиндр, десяти футов в диаметре.

Он с силой ударился в стену, и раздался скрежещущий звук рвущегося металла. Толстые балки рвались под страшным давлением этого титанического тарана, как гнилые нитки.

Затем он остановил свое движение.

Этот стальной цилиндр, вероятно, был длиной в целую милю. Тридцать футов его через проломленную стену проникли в лабораторию.

Но вот открылось его дно. Сквозь стеклянную стенку я увидел кабину, все стены которой были в приборах и ручках управления. Перед большим пультом сидел сам Пайтнер, и руки его непрерывно двигались, поворачивая рычаги.

Одна секция цилиндра раскрылась, и оттуда выскочили люди, одетые в светлую форму и вооруженные шпагами с расширяющимся острием – парализующим оружием.

Я рискнул оглянуться. Вдали я увидел механдроидов, собравшихся вокруг платформы, на которой лежало их творе-

ние. Там я заметил кинжальные вспышки света – точно такие же, какими Белем разрезал сферу.

Но солдаты Пайтнера были совсем близко от меня. Их было человек десять, и выглядели они достаточно жутко в своих капюшонах и зловеще сверкающих плащах.

Белем небрежно повернулся спиной к солдатам и посмотрел на меня.

Уже дважды я испытывал это ощущение: расширившиеся глаза... они устремились прямо в мой мозг – и вот он уже смотрит моими глазами, из моего мозга.

Я почувствовал, что он полностью взял мою волю под свое управление. Вероятно, он полагал, что я буду сопротивляться. Я бы и сопротивлялся, но не знал его намерений.

Он стал контролировать не только мое тело, но и мой мозг. Мысли Белема? Да нет. Это мои собственные, но они смешались с мыслями механдроида.

Он использовал мой мозг, как мы используем телеграфный ключ – он послал сообщение, вызов.

Я только успел сообразить, что это Белем делает вызов. У меня не было времени для сопротивления, так как ответ пришел мгновенно.

Вверху, под самым потолком, появилось то, что откликнулось на зов. Оно возникло из ничего, буквально из ничего обратилось в реальность и двинулось вперед с устрашающей скоростью. Я даже не мог сфокусировать на нем свой взгляд. Я узнал это существо, узнал эту страшную скорость.

И затем где-то в центре моего существа вспыхнул источник чистой энергии, как это было уже много раз до этого.

Нет, сейчас это было по-другому. Еще никогда это создание не являлось по зову. Кто бы он ни был, откуда бы он ни появился, всегда он возникал по собственной воле. И вот сейчас он появился по моему зову – нет, по зову Белема. И это наполнило меня ощущением, что теперь-то я узнаю, что-то пойму.

Вспышка энергии ослепила меня, и я стал ждать, пока она начнет угасать.

Но она не угасала. Вместо этого еще вспышка... и еще. Волна за волной накатывали на меня. Еще никогда со мной не было подобного. Я был потрясен, измучен таким перенапряжением своих нервов, ударами, которые обрушивались на мое сознание. Я не мог ни о чем думать, я чувствовал, что тону в этой буре энергии.

Она не прекращалась, теперь буря никогда не уляжется. Она будет продолжаться вечно...

Я увидел Пайтнера в стальном цилиндре. Он встретился со мной взглядом, и я прочел ужас в его глазах.

Я не мог сдвинуться с места. Все нервы мои были туго натянуты, они горели, они были замкнуты накоротко. Я почти ничего не видел и не слышал. Я заметил, что Белем исчез в черной пасти бокового отверстия цилиндра.

Через мгновение он уже появился позади Пайтнера. Пайтнер дернулся. Он отвернулся от меня, но рука механдроида

легла ему на плечо, а глаза Белема взглянули прямо в глаза Пайтнера. Я понял, что Белем уже вышел из моего мозга. Но мысли у меня еще путались.

Я совсем забыл о солдатах.

Теперь я увидел их. Все они были мертвы. Я увидел, какой смертью они погибли. Я вспомнил ту цепь бешеных взрывов энергии, которые вконец измотали меня. Теперь-то убийственное создание исчезло, но оно неплохо повеселилось тут.

Белем и безмолвный послушный Пайтнер шли ко мне. Я почувствовал железные пальцы механдроида на своей руке – и вот я уже снова мог двигаться. Но соображал я все еще туго.

Белем, казалось, слушал голос, который никто из нас не слышал. Он даже произнес как бы про себя: – Времени совсем мало, и поторопил нас. Я обернулся и увидел, что камера передатчика была уже пуста. Группа механдроидов со своим медленно просыпающимся Спящим тоже исчезла. Вероятно, они были уже где-то на ужасно отдаленной планете в бескрайних просторах Галактики.

– Идем, – сказал Белем, и мы двинулись к передатчику.

Заржавленные стены завибрировали, растаяли...

Распыленные атомы наших тел перенеслись через глубины космоса, затем вновь собрались в наши тела. Яркие панели вокруг нас замерцали и успокоились. Мы переместились из одного мира в другой.

Белем открыл дверь, и мы вышли, нет, вошли в каменную пещеру.

На полу стояло маленькое, поблескивающее листьями дерево, в пыли лежала металлическая пластинка с натянутыми, как струны, проводами. Белем удовлетворенно вздохнул.

– Кортленд, приведи сюда Пайтнера, – сказал он.

Я повиновался, двигаясь, как во сне. Возможно, это были последствия встречи с некронным чудовищем. Белем наклонился над сложным устройством, с помощью которого доктор Эссен создавала колеблющуюся матрицу, изолирующую нас от внешнего пространства.

– Бесполезно, – сказал он. – Я так и думал.

Я смотрел на каменные стены, за которыми лежала моя планета. Было очень приятно осознавать, что эти камни – часть Земли. Вот здесь, в этой пещере, тело мое на моих глазах, рассыпалось в пыль.

Интересно, остались ли где-нибудь здесь наши следы?

– Эта пещера на временной оси, – медленно сказал я. – И это нехорошо. Если, конечно, ты не сможешь запустить машину доктора Эссен. Она слишком сложна для тебя, Белем?

– Проблема не в этом. Она в действительности очень проста. Все дело в различии наших разумов. Мы можем понять, как нужно действовать каменным топором неандертальца, но не сможем воспользоваться им. Ведь для этого нужны соответствующие мускулы и подготовка. Аналогичная ситуация и с человеческим мозгом. Только это гораздо более

сложная штука.

Любое изобретение принадлежит своему времени. Изучив этот аппарат, я смогу переконструировать его так, чтобы он работал и в моих руках. Но только доктор Эссен сможет запустить именно этот аппарат. Однако у нас мало времени, очень мало. У меня есть другие планы.

Он взглянул на закрытую дверь кабины передатчика, и она тотчас стала отворяться. Я даже подумал, что существует мысленная связь между механдроидами, действующая на расстоянии. Белем взял меня за руку, и я увидел, что из кабины вышел второй механдроид. Он пришел сюда из мира ветра и пыли, так как его волосы были взъерошены, а на одежде лежал слой красноватой пыли. В руках он держал, очень осторожно, молочно-белый кристалл, формой напоминающий яйцо.

Не говоря ни слова, он шагнул вперед, вложил кристалл в руки Белема и вернулся в передатчик. Дверь за ним закрылась, и он, вероятно, отправился в незнакомый мне мир.

Белем осторожно положил яйцо между стеклянным деревом и бесполезным устройством доктора Эссен.

– Яйцо сделает то, что должно быть сделано, – сказал Белем. – Оно создаст для нас временное силовое поле. Оно не потребляет космическую энергию, как аппарат доктора Эссен, но я надеюсь, что это поле защитит нас на некоторое время. До пробуждения супермехандроида. После этого все будет делать он.

– Что именно? – воинственно спросил я. – Усыпит нас и будет держать в этой матрице? А затем пошлет нас в будущее? Может быть, я больше не хочу туда отправляться. Что я могу там сделать один? Де Калба нет, Эссен нет. Даже Мюррея, от которого, правда, и так никакого толку, и то нет. Уж лучше я останусь здесь. Хотя я слишком мало видел здесь, но мне кажется, что это интересный мир. Если бы ты не вмешивался, возможно, мне бы удалось поладить с Пайтнером.

– За исключением одного, – сказал он хладнокровно. – Ты носитель некронной инфекции. Я думаю, что люди Лица с самого начала задумали это. Как средство, чтобы предотвратить то, что ты сейчас предложил.

– А ты почему вошел в это дело, – спросил я, – ведь к тебе оно никакого касательства не имеет?

– Во-первых, пришел приказ, и я должен повиноваться, даже не понимая его.

– От супермехандроида? – ехидно спросил я.

– Да. А во-вторых, – он посмотрел на меня через плечо. Холодная улыбка скользнула по его лицу. – Я должен идти туда по приказу. Ты – потому что тебя гонит туда некронная инфекция. А ты знаешь, почему должен идти Пайтнер?

– Потому что ты загипнотизировал его. Разве нет?

– Пайтнер тоже носитель.

Я разинул рот.

– Да, да. Иначе, почему он не убил тебя, хотя знал, что ты носитель смертельной опасности? Но предположим, что

он убил тебя, а смерти продолжают? Тогда все подозрения пали бы на него. Пока ты жив, ты отводишь от него подозрения.

– Хорошо, – медленно сказал я. – Это многое объясняет. Это единственная причина, почему он идет за нами? Неужели супермехандроид заботится об этом?

– Конечно, нет. – Белем что-то делал со сферой. Руки его работали так же тонко и артистично, как и руки Де Калба.

– Конечно, нет. Истинная причина другая. Возможно, ты и сам уже догадался. Почему ты во всем мне доверяешь? Без твоего доброго согласия я не смог бы сделать и половину того, что сделал. Неужели ты не знаешь, что ты и я должны идти в мир Лица вместе, как тогда, когда мы впервые отправились в путь?

Я стоял, молча, в пыльной комнате. Неудивительно, что я ощутил дрожь, когда встретил металлический взгляд Белема. После долгой паузы я сказал дрожащим голосом:

– Де Калб? Де Калб?

– Возможно, – сказал он спокойно. Затем он тронул пыль на полу, взглянул на меня лукаво: – Де Калб здесь. Де Калб – вот это. Но... – он постучал себя по лбу, – я думаю, что он еще живет вот здесь...

У меня подогнулись ноги, и я был вынужден сесть в пыль. Может быть, в ту самую, в которую рассыпалось мое тело. Я вспомнил тот мгновенный обморок, в котором оказались все нынешние двойники четырех спящих, когда те превратились

В ПЫЛЬ.

– Тебе бессмысленно идти – в мир Лица одному, – сказал Белем. – Ведь ты еще никогда не оставался один в нашем мире. Всегда с тобой были или Топаз – доктор Эссен, или Пайтнер – Мюррей, или я – Де Калб. Кто мы на самом деле, никто не знает. Только сейчас начинает брезжить слабый свет истины.

Я набрал воздуха, чтобы заговорить – и тут раздался звук открывающейся двери, который удивил нас обоих. Только Пайтнер, погруженный в гипноз, не шевельнулся. Я дернулся, но Белем опередил меня. Он положил руки на молочно-белый шар, готовый при любой опасности активизировать его, создать силовое поле, которое оградит нас от любого нападения на некоторое время.

22. Воссоединение

Оба мы ждали, что из камеры передатчика выскочат солдаты. Но из открытой двери никто не появился. Зато мы слышали голос. Женский голос, чистый, звонкий, спокойный.

– Ира? – произнес голос. – Мистер Кортленд? Полковник Мюррей, вы здесь?

Доктор Эссен, – пронеслось у меня в голове. – Лотта Эссен? – и вот она на пороге. Появилась Топаз. Она была одна.

Да, это была Топаз. И тем не менее, это была Эссен. Теперь я это видел совершенно отчетливо и ясно.

– Я ждал ее, – чрезвычайно спокойно произнес Белем. – Я даже не вызывал ее, я был уверен, что она придет. Это шар, Кортленд. Он действует все сильнее и сильнее, и полагаю, что скоро он выйдет из-под нашего контроля. Так это и есть Лотта Эссен?

Я в замешательстве кивнул головой. Конечно, это был голос не доктора Эссен, так как его производили голосовые связки Топаз. Это был бесстрастный, холодный голос, ничей голос. Да и лицо, которое, несомненно, было лицом Топаз, как-то изменилось.

Я знал, что любое движение чувств легко изменяет подвижное лицо девушки, но к такой перемене я не был готов. Исчезли легкомыслие, жизнелюбие девушки – появились на-

стороженность, напряженность, постоянное ощущение опасности.

– Солдаты, – выдохнула она, спеша к нам по толстому слою пыли, которая, может быть, была ее телом, – они преследуют меня, Ира. Ты Ира? – она вопросительно смотрела в лицо Белема.

Механдроид кивнул.

– Они гонятся за тобой? – спросил он. – Что это значит? Что они знают? Впрочем, об этом потом. Включай свой аппарат, быстро!

Она опустилась на колени возле металлической пластины, с сомнением коснулась ее.

– Соединения изменились, – сказала она. – Я могу переключить их, но это потребует времени.

– Много?

– Много, – она смотрела в лицо Белема, и сквозь спокойное безразличие проступала легкая возбужденность Топаз. – Солдаты...

Белем с шумом дышал сквозь зубы. Он повернулся и посмотрел на открытую дверь передатчика, откуда один за другим появлялись солдаты.

Рука Белема легла на шар. Из него вырвался столб золотого пламени, который накрыл нас, как шатер. Яркость его немного угасла, и вскоре мы уже могли смотреть сквозь полупрозрачный туман шатра. Из кабины передатчика выскакивали солдаты и сразу же направляли на нас свое оружие.

Вспышки огня ударились о наш шатер и угасли. Они не причиняли нам ни малейшего вреда.

– Мы в безопасности, – спокойно сказал Белем. – По крайней мере несколько дней. А затем проснется супермехандроид. Тем временем доктор Эссен займется своей машиной.

Она кивнула, тряхнула кудрями. Она осторожно обошла мерцающее стеклянное дерево и остановилась перед молочно-белым яйцом, которое даровало нам временное спасение.

– У меня сохранились какие-то смутные воспоминания, – сказала она. – Вспышка света – я очнулась и стала собой, но у меня осталось ощущение, что я была какой-то девушкой по имени Топаз, – она нахмурилась. – Может быть, я что-нибудь пойму, если осмотрю твой проектор, Ира? Белем? Кто ты теперь? – она испуганно посмотрела на его лицо.

– Я Белем, – ответил механдроид. – Ты понимаешь, как ты вышла из состояния Топаз и стала сама собой? Здесь, на временной оси, тела спящих рассыпались в прах, и разум их смешался с разумом их физических двойников. Как это случилось, неизвестно. Почему разум мой, Пайтнера, Топаз стали доминирующими, а разум Кортленда поглотил разум своего нового хозяина – неизвестно.

Он помолчал. И тут Топаз – доктор Эссен – наклонилась к молочно-белому яйцу, взяла его обеими руками, подняла его высоко вверх и изо всех сил швырнула на каменный пол.

Конечно, это была Топаз, ибо доктор Эссен, Летта Эссен, не была способна на такое.

Огненный шар вокруг нас стал рваться на куски. Солдаты с криками рванулись вперед. Белые огненные копья пронзали нашу завесу и высекали огонь из каменных стен пещеры. Топаз радостно захохотала.

И тогда двинулся Белем.

Он упал на колени возле разбитого яйца, свет которого постепенно угасал. Руки его ощупали разбитый шар, и вот тело его начало светиться.

Огненный шар вокруг нас стал быстро восстанавливаться. Разорванные куски пламени соединились, и защитный слой снова стал крепким и непроницаемым.

Я ощутил чудовищную энергию, которую излучал разум и тело механдроида. Даже воздух внутри шатра слегка колебался. Белем использовал себя, чтобы вновь создать защитную оболочку. Все тело его содрогалось под напором страшной энергии. Пайтнер, забытый всеми в страшной суматохе, внезапно зашевелился. Я видел, как он сделал шаг вперед, затем другой. Лицо его слегка оживилось. Разум Белема потерял контроль над Пайтнером, и тот вышел из состояния гипноза, паралича.

Из-за тонкой огненной завесы, которая была нашей единственной надеждой, доносились крики солдат. И тут я услышал повелительный голос – голос офицера.

– Топаз! – кричал он. – Топаз! Останови механдроида!

Ее ответ подтвердил то, что уже было и так ясно. Она была их орудием. Она никогда не превращалась в Летту Эссен.

Вероятно, их машины прочли в ее мозгу всю правду и сделали ее инструментом в своих руках. Она до сих пор оставалась их самым опасным орудием и еще не была обезврежена.

Я услышал ее звонкий смех, когда раздался крик офицера, и повернулся как раз вовремя, чтобы заметить, что она достала из складок платья миниатюрную копию парализатора, который Пайтнер пытался использовать против меня. Это было оружие, а не игрушка. Я видел, как палец Топаз медленно нажимает на спусковой крючок, готовясь послать парализующее излучение в Белема.

Механдроид ничего не видел и не слышал. Он сконцентрировал все свои силы на том, чтобы поддерживать силовое поле активным. Сейчас все зависело от меня.

Я толкнул Топаз, и парализующее облако пролетело мимо Белема. Топаз свирепо посмотрела на меня и снова направила оружие на Белема. Но я успел перехватить ее руку. Топаз оказалась неожиданно сильной. Она извивалась, как змея, стараясь вырваться.

Однако я ничего не мог поделать с Пайтнером, Он уже почти полностью пришел в себя и теперь медленно тянул руку к поясу, где у него висел пистолет.

Топаз боролась со мной и теперь старалась направить дуло на меня. Защитный барьер вокруг нас снова стал рваться на куски. Силы Белема были явно на исходе.

Я лихорадочно пытался найти выход из создавшегося положения. В первую очередь мне надо было обезвредить

Пайтнера. Я даже думал, не загнипнотизировать ли мне его. Но гипноз не относился к числу моих способностей. И тут мой взгляд упал на маленькое стеклянное дерево. У его основания была кнопка, которую тысячу лет назад нажимал Де Калб.

После трех неудачных попыток я смог дотянуться до нее носком ботинка. Топаз сражалась со мной так яростно, что я едва удержался на ногах. Но вот ветви дерева вспыхнули, началось медленное движение.

– Пайтнер! – крикнул я. – Смотри! Смотри!

Он еще не полностью вышел из-под гипноза. Он послушался моего приказа, повернулся, увидел движущиеся ветви, сделал гримасу и отвернулся.

Я схватил Топаз и, грубо повернув ее, заставил посмотреть на дерево.

– Смотри Пайтнер! – кричал я. – Смотри, Топаз!

Я успел заметить, как он повернулся и стал смотреть на колдовское кружение. Он смотрел, не будучи в силах отвести глаза.

Он стоял, и вот разум угас на его лице, руки опустились.

И тут же я понял, что Топаз тоже прекратила борьбу. Она тоже смотрела на дерево.

Они оба были загнипнотизированы. Пайтнер заговорил сонным голосом:

– Кортленд... Кортленд, это ты?.. Де Калб! Что случилось?

– Мюррей! – позвал я его осторожно. Я знал, что это может быть обман, но вполне возможно, что под гипнозом проснулся разум Мюррея.

Белем издал судорожный вздох. Тело его обмякло. И силовое поле заколебалось и исчезло. Мы оказались прямо перед солдатами, которые изумленно смотрели на нас. Они искали взгляд Пайтнера, но встретили взгляд Мюррея.

– Стойте! – рявкнул он им. – Стойте!

В смятении они подались назад. Пока они подчинились ему. Ведь они думали, что он Пайтнер.

Пайтнер ли он?

Он повернулся ко мне и прошептал:

– Кортленд, что случилось? Я спал? Мне снилось, что я Пайтнер.

Среди солдат начался шум. Они что-то говорили офицеру. Момент был критический. Пайтнер-Мюррей повернулся к ним.

– Стойте! – снова крикнул он. – Ждите приказа!

Это помогло – на время. Но они не будут ждать долго. Приказ бросить оружие немедленно превратит их нерешительность в неподчинение.

Но все решилось неожиданно просто.

Серый свет замигал вокруг нас, исчез, снова появился. Послышалось жужжание. Свет все сгущался, и в сером тумане солдаты исчезли, как привидения:

Белем с трудом поднял голову.

– Теперь мы все здесь, – сказал он. – Пайтнер–Мюррей, Кортленд...

– ...доктор Летта Эссен...

И только тогда я повернулся. Стоя на коленях возле своего аппарата, Топаз вращала ручки управления.

Да нет, не Топаз, подумал я. Лицо было ее. И тело тоже. Но когда она пристально посмотрела на меня и улыбнулась, я узнал пристальные серые глаза Летты Эссен. Гипноз освободил ее, как освободил Мюррея, из тюрьмы чужого разума, чужого тела.

– Сейчас я присоединюсь к вам, – сказал Белем и стал смотреть на вращающееся дерево.

Под куполом серого цвета наступила тишина.

Когда механдроид повернулся к нам, он остался человеком-машиной, но на нас смотрел металлическими глазами Де Калб. Он улыбнулся.

– Прощай, Белем. – сказал он. – Теперь мы снова вместе.

– Но почему это случилось, почему? – допытывалась Летта Эссен. Она, несомненно, говорила голосом Топаз, но это все же был ее ум, ее слова.

– Мне кажется, я понимаю. – произнес Де Калб губами Белема. – То, что мы попали в эту эру, вовсе не случайность. Мы четверо отправились на битву с некроном. Я думаю, что будет именно битва. И то, что случилось здесь – просто тренировка, тест. Теперь мы отправляемся на окончательный бой.

– И некронный убийца с нами, – сказал я.

– С нами. Он неотъемлемая часть всей ситуации.

– Но подождите, – сказал Мюррей. – Что стало с Пайтнером? Где Белем? Где Топаз? А ты, Кортленд, ты все время был собой?

– Все они присутствуют в наших разумах, – сказал Де Калб. – Как раньше мы в их. «Альтер эго» Кортленда было постоянно подавлено им. Почему так случилось, я не знаю. Но помните, что Кортленд постоянно был нашим катализатором.

– Я должен добавить еще одно, – заметил я. – Мы никогда не получим назад свои тела. Эти тела мы заимствовали. Если вы предпочитаете правду... Настоящие владельцы... Может быть, спят. Но кто из вас теперь рискнет уснуть? Можем ли мы теперь быть уверены, что проснемся самими собой? У каждого из нас два разума в одном теле. Что же случится, когда мы вернемся из этого путешествия?

– Увидим, – твердо сказал Де Калб. – Когда вернемся. Мы будем спать, Кортленд. И проснется в конце мира тот, кому суждено проснуться.

Он колебался.

– Пора, – сказал он. – Смотри на дерево, Кортленд. И Летта, и Мюррей, смотрите. Мы узнаем всю правду, но позже, значительно позже. Когда проснемся в конце мира. Когда взглянем в Лицо Эа.

23. Лицо

Пока мы спали, время вращалось вокруг своей оси.

Время текло, как река, крутилось, как колесо, вокруг своей оси, несло вдаль, как галактика, в бесконечном пространстве времени. И мы, неподвижные, спали в самом центре движения.

Наверное, видели сны.

Волны времени раскрывались перед нами, как волны Красного моря перед Моисеем, и из этих волн на меня смотрели любопытные лица, которые произносили слова на незнакомых языках. Эти слова звучали как бы издалека. Но я слышал их голоса, ощущал эти руки, которые трясли меня, заставляя проснуться.

Затем среди этих голосов раздался властный голос. В волнах времени появилось и взглянуло на меня знакомое лицо, то, которое я видел в конце света. Я видел спокойные металлические глаза, слышал спокойный голос, полный мощи и силы.

Его глаза встретились с моими. Я не мог сопротивляться его взгляду.

– Спи!

Волны времени сомкнулись надо мной, и я перестал существовать.

Но сны снова и снова возвращались ко мне. Снова ткань

времени утончалась, снова любопытные лица склонялись ко мне, чьи-то руки трясли меня, стараясь разбудить. Но это были странные лица, такие странные, что я удивлялся даже во сне.

И среди них, среди этих искаженных лиц, виднелась фигура, большая спокойная фигура человека-машины. Я узнал его по глазам и по той энергии, которую он излучал, заглушая голоса, залечивая дыры в ткани времени. И я снова уходил в небытие.

Проходили неизмеримые интервалы времени, и сны возвращались. На этот раз уже не лица смотрели на меня. Это были яркие точки света. Они слепили мои глаза, будоражили меня. Я пытался отвернуться, и тут среди них я увидел глаза – металлические глаза, светящиеся под дугами бровей, услышал отдаленный рокот голоса, который звучал, как гром. Огни погасли, как свечи на сильном ветру.

Гром был почти осязаемым и исходил из мощного источника. Я знал, что это за источник. Я знал, так как видел металлические глаза, хотя они сильно изменились. Человек-машина уже не был похож на человека. Лицо его изменилось, как изменились условия его существования, как изменились его функции.

– Спи! – пророкотал гром сквозь пучину времени и пространства. И на этот раз я погрузился в такой сон, который уже ничто не могло нарушить...

Тогда я думал, что могу много написать о Лице Эа, смот-

рящем на сумерки конца мира. Но теперь, когда я пытаюсь, мне трудно найти слова. Я видел то, чего никогда не видел ни один смертный. Но парадокс заключался в том, что я не могу никому передать это. Между знанием и незнанием лежит пропасть, которую можно преодолеть одним, и только одним способом.

Вам нужно пойти – точно так же, как пошли мы – к концу времени и встать перед Лицом Эа. Тогда я смогу рассказать, что я увидел – впрочем, тогда мне нет смысла рассказывать, вы сами все узнаете и поймете.

Я проснулся.

Долгий, долгий сон уходил из моего мозга, оставляя меня там, где я никогда не бывал. Это была ось времени, но место очень изменилось. Сонными глазами я смотрел на серый купол, окружающий нас, сквозь него пробивался красный свет. Теперь мы уже были не под землей. Видимо, бесконечно долгое время – песчинку за песчинкой – снесло эту гору.

Первым я увидел лицо Мюррея. Интересно, на сей раз это был Мюррей или Пайтнер, – подумал я. Я смотрел, как он сел на пыльный пол, протер лицо руками. Лицо его казалось розовым в пробивающемся красном свете. Я так и не понял, Мюррей это, или же Пайтнер.

Де Калб взглянул на меня улыбающимися глазами, приподнялся и сел. Топаз подняла свою кудрявую головку с пыльного пола и быстро оглядела всех нас. Это была и Летта Эссен, и Топаз одновременно.

– Мы уже прибыли? – спросила она.

Вместо ответа я показал рукой на свет, пробивающийся сквозь серый купол.

Мы смотрели на открывающийся перед нами мир и везде видели одно и то же. Плоский серый мир. Лишь кое-где на сером фоне виднелись розовые прожилки, изредка переплетающиеся между собой. Весь мир стал некронным. Весь, кроме...

Мы молча смотрели на Лицо Эа.

Серый купол задрожал над нами и исчез. Мы оказались в красном полумраке. Слабый ветер приносил к нам какой-то странный запах, совершенно незнакомый нам.

Никто из нас не проронил ни слова. Время для разговоров прошло, и высшая власть взяла инициативу в свои руки. Мы смотрели на Лицо Эа.

Как я могу описать его вам? Вы знаете, что я неоднократно видел его в Записи, видел точно с того же места, где сейчас стояли мы. Но даже тогда я понимал, что это лицо излучает глубочайшую мудрость, непознаваемую смертными. Оно было выше человеческого понимания.

Когда я смотрел на него сейчас, я видел утес, возвышавшийся над серой некронной равниной-пустыней. Сначала я не разглядел в нем лица. Оно было слишком сложно для моего понимания, восприятия.

Я чувствовал себя пещерным человеком, увидевшим лицо Эйнштейна. Тому тоже нелегко было бы понять, что он ви-

дит перед собой существо той же породы, что и он сам. Между Лицом и мной лежала такая же интеллектуальная пропасть.

Я смотрел на него и постепенно начинал узнавать. Это не стало для меня большой неожиданностью. Белем уже дал для меня ключ к этой загадке. Город, сказал мне он, это машина для обеспечения жизни человека, своего рода механдроид, только куда более совершенный. И этот город, Город-Лицо...

Оно смотрело на нас спокойным взглядом, тем самым взглядом, который я ощущал во время сна. Глаза, которые раньше были металлическими, теперь изменились, и я узнал их. Голос, который был рокочущим голосом, уже не звучал, но он просто ощущался всем существом. То, что когда-то было человеком-машиной, теперь выросло, развилось, синтезировалось со всем человечеством. Ведь прошли целые тысячелетия.

Я ничего не понял в этом удивительном симбиозе, так что вряд ли я смогу сообщить вам что-нибудь конкретное. Ведь человечество тоже изменилось. Возможно, остались любовь, ненависть, страх, другие чувства, но не в той форме, которая привычна для нас. Может, люди внешне совсем не изменились, возможно, по улицам и площадям Города-Лица, который стал последним прибежищем человечества, двигались мужчины и женщины.

Я не знаю. Я ходил по улицам. Но я так и не понял, какие люди окружали меня.

Я сказал, что голос уже не был нужен Лицу. Сейчас, когда он хотел, чтобы мы подошли, ему не нужно было звать нас. У человека отпала необходимость слушать зов, осмысливать его, решать, стоит ли подчиняться, и затем прилагать соответствующие мышечные усилия. Все это стало не нужным.

Когда Лицо позвало нас – беззвучно – что-то неудержимо повлекло нас к нему. У нас не было возможности сопротивляться, когда мы неслись по воздуху над серой пустыней, пронизанной розовыми прожилками. По мере приближения Лицо становилось все больше и больше. Вот уже невозможно увидеть его целиком.

Мы уже не могли видеть широкий лоб, гладкий подбородок, крылья носа, щеки, пронизанные морщинами бесконечной мудрости, и знания, которые были недоступны ни машине, ни человеку в отдельности.

Каменные стены раскрылись, поглотили нас.

Что я увидел? Мне бы очень хотелось рассказать. Я мог бы бесполезно размахивать в воздухе руками, говоря о спиральных улицах, об удивительных домах, мимо которых мы проносились. Но если бы я начал описывать их, сказалось бы, что это самые обычные дома, самые обычные улицы, как в любом нашем городе. Но там было все иное, чего нельзя описать словами...

Вполне возможно, что улицы вместе с домами сами проносились мимо нас. Я даже подумал, что весь город находится в непрерывном движении, как положено машине. И когда

прекратится это движение, умрут и город-машина, и все человечество.

Но я смогу сказать вам, что мысли заполняли весь этот город, как дым фабричных труб заполняет крупный город нашего времени. Они проникали в мой мозг и покидали его, оставляя после себя обрывки воспоминаний, иногда они возбуждали разум сразу двоих из нас, и тогда наши мысли переплетались между собой, в мозгу каждого из нас всплывало чужое воспоминание...

Много лет назад Де Калб сказал, что эти люди – боги. Он оказался прав. Эти люди во многом превосходили тех богов, которым поклонялись в наше время. Мы шли через их город, чувствовали их мысли, дышали их воздухом, но мы не видели никого.

Но они были тут. Они были вокруг нас. Я совершенно уверен в этом. Но я не видел их. Я не слышал их. Но я знаю, что они были тут. Ведь вы уверены, что у стула есть спинка, когда садитесь на стул и откидываетесь на нее, не глядя.

У меня было странное ощущение, что если я неожиданно повернусь, то столкнусь лицом к лицу с кем-нибудь из жителей города, но мне ни разу это не удалось. Видимо, я не смог ни разу повернуться в том направлении, в котором надо.

Мне бы очень хотелось увидеть их.

24. Борьба с некроном

По мере того, как мы приближались к центру спирали, мыслей становилось все больше, и уже невозможно было понять, где свои мысли, где чужие, настолько все переплелось в наших головах.

Затем вдруг стало темно. Я думаю, что мы перемещались по длинному туннелю внутри каменной стены.

Когда мы снова приобрели способность видеть, мы обнаружили, что находимся в большой пустой комнате. Я не могу описать ее, так как все перспективы были искажены.

Потом в комнате раздался голос, казалось, сама комната говорит с нами, воздух в ней давит на наши мозга. Это говорило Лицо Эа.

Я уже слышал этот голос раньше, если его, конечно, можно назвать голосом. Человек-машина, охранявший нас сон во время путешествия во времени, говорил:

– Спи!

Это был именно тот голос, который, однако, изменился по мере того, как проходили тысячелетия.

– Вы видели мое появление на свет, – сказала Лицо Эа. – Мы вместе пришли сюда, к концу мира. Я охраняло ваш сон не просто так. Теперь вы мое оружие.

Некрон уничтожить невозможно. Но с вашей помощью его можно устранить из нормального времени и нормально-

го пространства. Для этого я выбрал вас. Для этого я сохранило вас в путешествии во времени. Подумайте – и вы все поймете.

В моем мозгу, и, я полагаю, в мозгу моих спутников, промелькнула четкая последовательность изображений человекоподобного, несущего смерть существа – это был некрон. Он осциллировал во времени и, касаясь очередной жертвы, убивал ее и сам становился, все более похожим на человека.

– Он уже частично человек, – снова прозвучал голос Эа. – Вы научились бороться с ним. Чтобы спасти себя и нас, вы покончите с ним. Некрона никто, кроме вас, не может коснуться. Но мы можем изгнать его из нашей вселенной – не только из пространства, но и из времени. Мы должны изменить время – не только прошлое, но и настоящее, и будущее.

Снова у нас в мозгу пробежали видения. Я увидел галактики, вращающиеся вокруг своих осей, и, более туманно, я увидел, как время, неразрывно связанное с мирами, тоже вращается вокруг своей оси.

– Мне нужен инструмент, – снова заговорило Лицо, – чтобы отделить некронную инфекцию от нормального пространства и времени. Вы мой инструмент. Вы понимаете свою задачу?

Белем уже решил подобную задачу в далеком прошлом. Теперь мы должны решить ее в гораздо большем масштабе. Мы должны разделить Вселенную на две сферы, абсолютно равные друг другу. В противном случае, нарушится баланс,

существующий во Вселенной.

Они будут отличаться только в одном. Одна вселенная будет из некрона – а другая нормальная. Они никогда не придут в контакт между собой ни во времени, ни в пространстве. Понимаете ли вы свою задачу?

Вы должны сражаться как мое оружие против некронной вселенной. Вместе мы сможем разделить Вселенную на две части.

Голос стих.

И затем началось движение. Стены комнаты исчезали в темноте. Или, может, это я двигался? Мы, все четверо, были компонентами взрыва, который разделил нас, швырнул сквозь пространство, сквозь время. Вокруг себя я видел звезды, которые перемещались очень быстро. Я был один.

Я знал, что двигаюсь сквозь время, то есть двигаюсь не постоянно, а вибрирую, качаюсь, как маятник, с периодом в несколько секунд. Точно с таким же, как и у некронного существа.

Вокруг меня тоже все двигалось. Я видел только звезды, но почему-то был убежден, что мои спутники тоже где-то неподалеку.

Вдруг передо мной появилась скользкая тень. Она двигалась ко мне все быстрее и быстрее, постоянно увеличиваясь в размерах. Я увидел ее и тоже стал увеличиваться. Я устремился к ней. И увеличивался, пока не сравнялся с ней в размерах.

И я коснулся ее.

Вспышка пламени озарила все вокруг и тут же погасла. Теперь существо приобрело четкие очертания. Но только очертания, так как в нем не было ничего человеческого. Может быть, это была мо? воля, а может, воля Лица, что именно я сблизился с этой тенью.

Я не знаю, как мне удалось схватить ее. Может быть, это было не физическое действие, а умственное. Я ощущал сильное давление, и чтобы ему противостоять, мне приходилось напрягать все силы – и физические и мысленные.

Постепенно враг поддавался, но не везде, а в отдельных местах – может, во времени, а может в пространстве. Возможно, мы четверо окружили его и теперь врезаемся в сопротивляющуюся субстанцию – некронную вселенную?

В окружающей меня темноте вспыхивали и гасли солнца, огненные дуги озаряли темный купол – это стремительно кастились звезды – ведь я двигался во времени очень быстро.

Но вот я ощутил резкий толчок и стал падать назад. Темное лицо моего противника занимало почти половину черного неба. Я падал назад и назад...

И вдруг я ощутил поддержку, и к моим душевным силам присоединились силы моих четырех друзей. Мы четверо слились воедино, хотя и сохраняли каждый свою индивидуальность. Холодные четкие мысли Белема–Де Калба озарили меня, как свет, отраженный от граней бриллианта. Яростная свирепость Мюррея–Пайтнера, холодная рассудочность

и бесконечное жизнелюбие Топаз–Эссен...

Я почувствовал, как противник стал поддаваться нашим объединенным усилиям. Казалось, что я смотрю сразу с четырех сторон, с четырех различных точек – во времени. Как это могло быть?

Ответ внезапно пришел ко мне.

Мы были оружием – обоюдоострым лезвием. Именно для этого мое тело и тела остальных были обращены в пыль, когда открылась камера на оси времени. Две идентичные матрицы не могут существовать одновременно во времени и пространстве, но для того, чтобы выполнить задачу разделения Вселенной, нужны были две матрицы, существующие в различных временах.

Ни один разум, зафиксированный в определенном времени, не может соприкоснуться с некроном. Для этого необходимо существование в двух временах. И Лицо Эа удвоило нашу мощь, когда вложило удвоенный разум в тело, абсолютно идентичное тому, что получили мы при рождении.

Мы уже разыграли эту битву в миниатюре, когда были разбужены во время своего путешествия к концу мира. И тогда мы приготовились к решающему бою. Ведь некрон был загнан в угол – ему уже некуда было отступать во времени. И наш многократно умноженный Мозг мог сфокусироваться на нем.

Но битва только начиналась.

С яростной беспощадностью наш счетверенный разум об-

рушился на некронного противника – с яростью Пайтнэра, который разрушал крепостные стены Белема, яростью полковника Мюррея, который обрушивался на врагов, мы напали на черные некронные силы, желающие уничтожить Вселенную, всех нас.

Иногда, найдя слабое место в наших объединенных силах, противник теснил нас, но могучий мозг Эа перегруппировывал нас, и мы снова заставляли отступать противника.

Если бы хоть один удар некронного противника попал в цель, мы все были бы уничтожены. Но этого не случилось. Частью наших сил была Топаз, в которой сочеталось бесконечное жизнелюбие девушки с холодным пронизательным умом Лотты Эссен.

О, Топаз могла приспособиться ко всему, именно в этом и состояла ее задача в нашем союзе. Она прекрасно сохраняла контроль над чувствами, разумом, мышцами, и чисто инстинктивно, автоматически ускользала от любой угрозы, опасности. Именно благодаря ей мы выжили в этой битве, происходящей в черных глубинах Вселенной, именно благодаря ей ни один из ударов некрона не пришелся в цель.

И вдруг мы все резко, неожиданно начали падать. Мы не перемещались ни вверх, ни вниз. Но что-то неумолимо засасывало нас в черную бездну, в глубины вселенной. Нас засасывало в самое сердце черного некрона – в его нервный центр, в его душу – все живое в нас уменьшилось до бесконечно малых размеров, охладилось до бесконечно низкой

температуры... В последней попытке спастись некрон поглотил нас...

25. Обратное путешествие

К счастью, я не могу вспомнить того, что случилось потом.

Я был избавлен от последних ужасов. Именно для этого я и был предназначен с самого начала. Таков был план. Именно для этого моя память была оставлена нетронутой даже в чужом теле. Я должен был быть якорем на конце цепи, несокрушимой границей между здравомыслием и сумасшествием, логикой и низвержением иррациональностей, поглотивших остальных моих друзей.

Им был необходим двойной разум, чтобы победить в битве некрон. Но мое предназначение – служить якорем здравомыслия в мире иррациональности. Я ощущал, что они теряют связь с известным миром, что черные волны некрона смыкаются вокруг них. Они поглощали и меня.

Но не полностью.

Эти волны не смогли зачеркнуть память. Она была у меня одна, и это делало цепь, приковывающую нас к реальности, слишком крепкой, чтобы ее смог порвать некрон. Я помнил свой мир, свое время очень ясно. Моя память не была замутнена видениями чужой памяти. Все те мелочи прежней жизни, без которой немислима реальность, нахлынули на меня одной мощной волной.

Эти мелочи, сами по себе ничего не значащие, вроде те-

ней на стенах старого дома, которые отбрасываются зыбким пламенем свечи, запаха свежей газетной краски на странице, скрипа пера по бумаге, рева самолетных двигателей, сладкого вкуса воды из источника в горах, и напомнили мне Землю.

Да, я вспомнил Землю.

Я разбудил моих друзей в мертвой пустыне некрона. Мой разум вернул им жизнь, вернул их в мой мир, в мое время...

Сейчас мы были в сердце некрона, в его самом уязвимом месте. Некогда Белем с моей помощью вызвал некронного убийцу, чтобы расправиться с солдатами Пайтнера.

Сейчас, когда мы проникли в самое сердце некрона, в его цитадель, он сжал нас так, что наши разумы соединились, стали единым.

Два самых могущественных ума двух эпох – разум Белема, бесстрастный, лишенный эмоций, подчиненный острой логике, и разум Де Калба – блестящий ум человека, полного страстей! И рядом с ним разум Пайтнера и Мюррея – молот и наковальня! Топаз и Летта Эссен – неиссякаемое жизнелюбие, хитроумие, четкий ум... И я, накрепко привязанный к реальности нормальной Вселенной, стоящий, как стена, позади моих друзей, держащий ворота, через которые мы прошли сюда, открытыми. Через эти ворота вливалось могущество Лица Эа, поддерживающее нас.

Вся мощь некрона обрушилась на нас постепенно, как океан во время отлива. Напор был могучим – но мы держались. Каким-то образом мы противостояли этому напору –

соединенный ум двух цивилизаций, отобранный и руководимый самым могущественным умом, объединявшим в себе все достижения человечества.

И затем – взрыв.

Другого слова здесь не подберешь. Это был действительно взрыв, чудовищный и спасительный. Огромная концентрация некронной материи уничтожила сама себя.

Мы не могли уничтожить некрон, но мы сделали его безвредным, беспомощным. Мы вытолкнули некрон за границы нашего времени – на одно мгновение, но мгновения оказалось достаточно.

Вокруг нас снова понеслись вспыхивающие и гаснущие солнца. Вселенная содрогнулась и разделилась на две абсолютно равные части.

Это был конец.

Солнца затуманились у нас перед глазами. Мы погрузились в забытие, которое притупляет все ощущения, как тьма поглощает свет. Но я еще не мог уйти. Один вопрос мой оставался без ответа, и он не давал мне забыться.

– Теперь ты с нами покончишь? – крикнул я во тьму. – И ты пошлешь нас с двойными разумами в мир, где живет лишь одно тело? Ты, который уничтожил наши тела...

И перед моими глазами сформировалось Лицо Эа. Такое многообразное, как будто оно состояло из множества других лиц. Глубокий спокойный голос ответил мне:

– Если Белем смог разделить сферу, а я Вселенную, то

неужели ты можешь сомневаться, что ваши тела тоже могут быть разъединены на две абсолютно равные, идентичные части? Один раз это уже было сделано в Эдеме, еще до того, как стала развиваться цивилизация. И это, может быть, сделано и сейчас, когда цивилизация достигла невероятных высот. А теперь спи... спи!

Вокруг меня начала смыкаться тьма, и в наступающем забвении я вспомнил слова Адама из Книги Бытия: «Кость от кости моей, плоть от плоти моей...»

Тьма все сгущалась, и Лицо Эа все удалялось и удалялось от нас, становилось все меньше и меньше, исчезало в дали времени...

Я знал, что сейчас мы перемещаемся по оси времени, достигаем ее конца и потом повернем назад, промчимся мимо момента начала жизни на Земле и полетим дальше, по направлению к своему собственному времени.

К миру, где уже нет некрона, никогда не было и не будет. Но теперь я спал без снов и ничто не тревожило моего покоя.

Итак, мы вернулись. Мы просыпались.

Когда я проснулся и сел, еще полный видений прошлых кошмаров, я увидел каменные стены пещеры и глаза Топаз. Нет – и в то же время это не были глаза Летты Эссен. Она улыбнулась. Это была улыбка Топаз, но прошедшие тысячелетия изменили ее.

Это была очаровательная, но повзрослевшая и помудрев-

шая Топаз, это была помолодевшая Летта Эссен – вот кто встретил мой взгляд, когда я проснулся и открыл глаза.

Шевельнулся и сел Мюррей. Де Калб был уже на ногах, возился с фонариком, который лежал у входа в пещеру. На лице его было легкое замешательство, Я понимал его.казалось невероятным, что спустя столько лет батарейка еще работает.

Правда, время здесь почти не сдвинулось с места за время нашего путешествия.

Мы не могли говорить. Мы были слишком потрясены – ведь буквально мгновение назад мы смотрели в Лицо Эа. Над горами все еще висело заходящее солнце.

Инстинктивно я поискал глазами на склоне горы белое здание передатчика вещества, который открывал отдаленные уголки Галактики, но увя, я увидел только девственный лес, тянувшийся до самого горизонта.

У подножия горы, там, где стоял самолет Мюррея, дождавшийся нас, стояла хижина, где несколько месяцев назад, когда раскапывалась эта пещера, жил Де Калб.

Де Калб открыл дверь. В хижине было грязно и пыльно, но мы не обращали на это внимания. Странно, но все мы ужасно хотели спать. Странно, потому что мы только что очнулись от сна, длившегося миллионы лет.

Вот и вся история.

И теперь вы знаете, почему я могу сказать – и доказать! – что этого никогда не происходило. Этот мир не мой. Не тот

мир, который я покинул. Не тот мир, в который проскользнула некронная смерть, когда Де Калб открыл ящик. Проскользнула и понесла инфекцию в мир. Все это случилось когда-то, в другом мире, который уже не существует, так как мы четверо, служа оружием в руках Лица Эа, разделили Вселенную на две части.

Чудовищные силы пришли в движение, когда произошло разделение Вселенной, но ни вы, ни я ничего не знаем об этом, так как это произошло далеко за пределами нашего понимания, наших ощущений. Но это было! О, да, это было!

Может быть, этот мир – правильный, хороший мир, но он не для меня.

Здесь я снова сяду на тобоган и буду стараться схватить пролетающие мимо меня плоды. Может, я буду делать это и в другом мире. Но никто не может этого сказать, пока не попробует жить в другом мире.

А я собираюсь попробовать.

Вы знаете, что в пещере на оси времени осталось четверо спящих. Если бы Де Калб поподробнее исследовал все это еще тогда, в первый раз, мы бы уже тогда многое могли предполагать. Там спят сейчас Белем, Пайтнер, Топаз и я – да, я, Джерри Кортленд.

Я сплю там. И я здесь. Вы помните того, другого, моего двойника, который вышел из кабины передатчика и упал в обморок, приняв мой разум. Мой разум полностью подавил его разум, и теперь я сплю там, дожидаясь своего собствен-

ного пробуждения.

Вы понимаете, что это значит? Я знаю, потому что я сам оттуда. Это был чудесный мир. Я хочу узнать его получше. Я хочу проснуться в том времени, когда человечество преодолело космическое пространство, когда перед ним открыты все миры. Я хочу быть там, и я буду.

Но мне уже никогда не увидеть Топаз. Не увидеть Белема, Пайтнера, мира, где они проснутся.

Все дело в том, что две идентичные матрицы не могут существовать одновременно. А мой двойник имеет передо мной приоритет. Это его мир, его время. Он проснется вместе с остальными и выйдет в этот мир. Я буду спать, пока передо мной не откроется путь. Это произойдет, когда умрет мой двойник.

Мне бы хотелось узнать о нем побольше. Почему-то о нем в правительственных архивах нет никаких сведений. Одет он был в лохмотья, когда я в первый раз увидел его. Это могло значить, что он пришелец с отдаленных планет, где вел жизнь, полную опасностей. Может, он снова, вернется туда? Может, нет. Проснувшись вместе с Топаз и Пайтнером, Белемом, может, он предпочтет другую жизнь. Но об этом я когда-нибудь узнаю. Правда, только после его смерти. После того, как проснусь снова.

Кто скажет сколько лет пройдет, пока он умрет, пока я проснусь. Может, к тому времени Топаз станет древней старухой. А может, она умрет к тому времени. Этого я сейчас

не знаю. Более того, я не знаю даже ее настоящего имени.

Она была Топаз в то время, когда я проснулся. А кем она была на прошлой неделе, кем она будет на будущей? Через год? Кто будет записывать капризы этой девушки, такой, как Топаз? Может, она забудет меня к тому времени, как я проснусь? Для таких, как она, время летит чрезвычайно быстро.

Но все это принадлежит будущему. И я тоже ему принадлежу. Я не принадлежу этому миру. Он не мой. И я попробую использовать здесь все свои возможности.

Пора! Да, пора – и это так же верно, как то, что Вашингтон – столица Соединенных Штатов!